

2

2010



РОСССНЯ XXI

2.2010 март-апрель



Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Проект Путина. Политический генезис _____ 6



Национальная доктрина

Владимир Дегоев

О современных проблемах преподавания
истории Северного Кавказа _____ 26



Россия в мире

Владимир Лапин

История России в рамках истории технологий.
Как было, как есть, а как будет? _____ 42



Страницы истории

Мария Ферретти

Расколота память:
Россия и война _____ 68



Ярлыки и мифы

Юрий Аксютин

«Кашей развитого
социализма» _____ 98



Актуальный архив

Юлия Мелих

Старый патриотизм,
«переориентированный
на новую Россию»:
евразийство П.Н.Савицкого _ 124

*Владимир Макаров,
Александр Репников*

Люди из примечаний.
«Милый Гриша Товстолес».
К истории
«Евразийского движения» _____ 160



Редакционная почта

Елена Каменецкая

Варяги и славяне:
вечный спор _____ 184

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ XXI

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель — **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра кавказских исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, президент Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа—США, ин-т Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2010
Цена свободная

ISSN 0869—8503

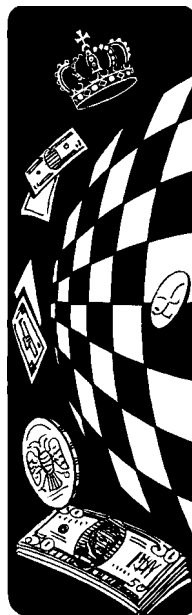
Подписано в печать 14.03.2010. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12.25 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ 4762
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

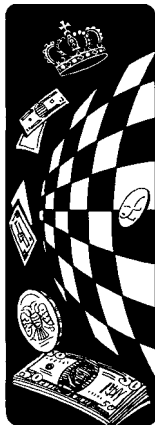
Действовать – в точном смысле слова означает приводить в действие систему, исходя из ее начального состояния...

Политическая власть представляет собой продолжение способности, характеризующей человека могущего. В свою очередь, она придает этому

заданию власти перспективу
длительности и стабильности и,
если говорить в еще более общем
смысле, открывает горизонт
общественного мира, понимаемого
как спокойствие и порядок.

Поль Рикер





Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

ПРОЕКТ ПУТИНА. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС¹

УДК
304.9

Discussion of political figures cannot be reduced to private opinions, to talk about personal traits of a person. A politician is not just a person but he is a certain configuration of forces, a creature of some social groups. A politician promulgates certain interests. The sphere is a turf where “players” act. There are no victims here. Therefore either a politician achieves a success or fails but anyway a politician gets involved in this or that play. The lesson derived from Putin’s tenure of power consists in understanding that politician Putin personifies opposite tendencies: longing for stabilization and dependence on regress. And there is no Putin’s blame in that. However it seems that Putin cannot pursue the old line forever. The choice Putin has to make nowadays is the choice between what is desirable and what is proper. And unless the choice is made in favor of what is proper, the desirable will extinguish the country slowly. This is the principal collision of our time.

Ключевые слова: стабилизация; демократия; политический генезис; регресс; политик; олигархи; политический процесс.

Key words: stabilisation, democracy; political genesis; recourse; politician; oligarchs; political process.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Журнальный вариант выступления С.Кургиняна на Радио «Голос России» в программе «Экспертиза» 26.03.2010. Ведущий программы М.Шалыгин.

М.Шалыгин: Ровно десять лет назад – 26 марта 2000 года – Владимир Путин был избран президентом Российской Федерации. Напомним, что досрочные выборы президента России назначены в связи с отставкой Бориса Николаевича Ельцина, о которой было объявлено 31 декабря 1999 года. Изначально предполагалось, что президентские выборы состоятся в июле 2000-го. Владимир Путин участвовал в этой президентской гонке, в этих досрочных выборах, занимая одновременно должность Председателя правительства России. 12 кандидатов, давайте вспомним этих людей: Станислав Говорухин, Умар Джабраилов, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Элла Панфилова, Алексей Подберезкин, Юрий Скуратов, Константин Титов, Амангельды Тулеев, Григорий Явлинский. Двенадцатый кандидат, Евгений Севостьянов, тогда снял свою кандидатуру. Выбирать из 11 претендентов пришлось гражданам Российской Федерации, и Владимир Путин, которого никто не знал в народе еще в октябре 1999 года, получил 52,94% голосов избирателей Российской Федерации, это почти 40 миллионов человек.

Первый вопрос будет банальный, его задавали, когда Владимир Путин стал президентом: «Who is Mr. Путин?» – сегодня, спустя 10 лет?

С.Кургинян: Я тогда же, когда задали этот вопрос, ответил, что меня интересует не «Who is Mr. Путин?», а «What is Mr. Путин?». «What is», потому что «Who is» – это все время перечисление каких-то классических черт: есть у него мешки под глазами или нет, хорошо он кувырится или нет, убедительно он говорит или нет. А «What is?» – это и есть главный вопрос любого политика. Какие классовые интересы он выражает? Какие группы за ним стоят? По каким каналам вертикальной мобильности он пришел на эти позиции? Каков его политический генезис? Что он исторически выражает – какую волну, какое сочетание интересов, какой вектор развития или, наоборот, деградации? Вот это и есть характеристики политика.

Теперь, как мы начинаем обсуждать политиков? Так же, как обсуждаем барышень или каких-нибудь шоуменов. А на самом деле политик – это же не вполне человек. Политик – это сумма сил, баз опоры, тенденций и прочего. Мне кажется, что только в этом виде стоит обсуждать политиков.

М.Шалыгин: Сергей Ервандович, но, с другой стороны, политика в России глубоко личностна: нравится – не нравится, выбрали – разочаровались.

С.Кургинян: Подождите, Путин стал премьер-министром. А за счет чего он стал премьер-министром, почему он им стал? В России, между прочим, «нравится – не нравится» – это отдельный вопрос. Вопрос заключается в том, что каждый человек, который становится крупной

политической фигурой, является выразителем каких-то интересов. Его кто-то по каким-то социальным лифтам поднимает на этот высокий этаж. Он сам к этим лифтам доступа не имеет, у него ключа, карточки к ним нет – его ведут по этим лифтам. И мистификация политического генезиса – то есть того, как он туда пришел, – есть одновременно мистификация политика. Мне очень смешно слышать о том, что Березовский положил глаз на Путина или что Путин почему-то понравился Ельцину. А как он оказался представленным Ельцину? Может быть, Вы бы тоже понравились Ельцину, если бы Вас ему представили, но Вас почему-то ему не представили. Дальше начинаются буквально анекдоты по этому поводу, которые произносятся с непоколебимо серьезным лицом: «ставленник Семья». А как Семья-то его распознала, кто ей его представил?

При этом никто не читает текстов самого Владимира Владимировича Путина. Есть публичные тексты Владимира Владимировича, в которых многое сказано, он сам захотел это сказать. Никогда бы я не стал исследовать этот вопрос, ориентируясь на что-то, кроме его собственных заявлений. Путин дал развернутое интервью Наталье Геворкян (талантливой журналистке, которой я лично сильно симпатизирую), ставшее основой его первой книги. И в этой книге, например, сказано, что после того, как проиграл Собчак, Путину было предложено место заместителя главы кремлевской администрации Николая Егорова. Я очень хорошо знал, кто такой Николай Егоров. Это весьма яркий политик с юга России (такой краснодарский модифицированный вариант бабки Кондратенко), который скоропостижно умер от онкологического заболевания. До сих пор многие обсуждают подробности – чем она была вызвана, эта смерть? Он был крайне почитаем определенной чекистской группой, которая тогда была связана с именем Александра Васильевича Коржакова. Но, если Путин мог стать заместителем Николая Егорова (если бы тот не умер), никак не люди Собчака, не Березовский и не Чубайс должны были способствовать такому его продвижению. Ровно то же самое можно сказать о Павле Павловиче Бородине. Бородин длинно и ненормативно послал бы Чубайса, если бы тот рекомендовал взять куда-нибудь Путина. Даже если бы и взял, то засунул бы в такой угол, что Путин бы никогда из него не вышел.

Значит, уже политический генезис Путина мистифицирован. А когда он мистифицирован, все переходит в сферу политической пропаганды или политической спекуляции, политической лжи. И вдруг оказывается, что мы прилетели все с Луны, что мы не живем в Москве, что мы не знаем, кто такой Николай Егоров, что мы не понимаем, что такое политический генезис. Дальше спекуляция обрастает различными красками:

кто-то вдруг положил глаз на Путина. Простите, знаете ли Вы, когда Путин дал первое развернутое телевизионное интервью?

М.Шалыгин: Это был расширенный выпуск программы «Однако», и это был, по-моему, Леонтьев.

С.Кургинян: Нет. Первый раз он дал расширенное, очень интересное телевизионное интервью выдающемуся петербургскому тележурналисту и режиссеру Шадхану в 1992 году. И вот тогда в этом телевизионном интервью он уже сказал, вопреки всей моде того времени, что он гордится тем, что он работал в КГБ, что он является тем-то и тем-то. Это было очень продуманное интервью, он тогда еще был как бы никем.

М.Шалыгин: Комитет по внешним связям.

С.Кургинян: Он был никем, я даже не помню, был ли он главой этого комитета. Но кем бы он ни был – Шадхан уже делал будущего президента. Поэтому, когда все мы обсуждаем какой-нибудь кооператив «Озеро» или что-нибудь еще, мы опять обсуждаем смешные вещи. Ну, мало ли кооперативов в нашей необъятной стране! Банк «Россия», который все обсуждают, был не кооперативом. Извините, пожалуйста, он был создан по решению санкт-петербургской элиты, КПСС и КГБ, и поэтому мистифицировать этот «кооператив» тоже нельзя.

Короче, я хочу сказать, что Путин вышел из определенной «гоголевской шинели». Помните? «Мы все вышли из гоголевской "Шинели"»? Вот он вышел из определенной «шинели», из определенных элитных групп, он является выразителем их интересов. Кроме того, он является еще выразителем национальных интересов и тенденций. Я не понимаю, почему мы сейчас, по прошествии десяти лет, обсуждаем не эти тенденции, а то, больше или меньше у него мешки под глазами, устал он или не устал, нравится он барышням больше, чем Медведев, или меньше. Мне кажется, что это невероятно скучно. По крайней мере, мне это напоминает какой-то африканский стереотип рассуждений, а мы до сих пор одна из самых образованных стран мира, между прочим, активно мыслящих, интересующихся. Почему же эта политическая мысль в вопросе о Путине упрощается и оказывается в том месте, которое он когда-то справедливо предписал чеченским боевикам? Почему она вся там оказывается? Почему ее нельзя положить, как кейс, на стол, обсудить серьезно? Ведь есть еще более серьезные вопросы. Ведь сейчас либеральные критики Путина и все сторонники движения «Долой Путина» говорят: «Никто не должен хвалить Путина!» Все, так или иначе, начинают рассуждать, является он необходимым злом или нет. Извините, извините! Вопрос заключается совсем не в том, является он злом или благом. Мы не моралью занимаемся, мы занимаемся политикой. И давайте обсуждать процессы политические.

Политический процесс нельзя обсуждать, если не признать, что, когда Михаил Сергеевич Горбачев всем нам (Вы тогда были, наверное, совсем юным, а я – уже умеренно зрелым) заявил, что «процесс пошел», не многие (в том числе, ваш покорный слуга) удосужились спросить у него, какой процесс имеет в виду Михаил Сергеевич? Все остальные удовлетворились невнятным словом «перестройка», взятым из фильма Эльдара Рязанова (посмотрите этот фильм – «Дайте жалобную книгу», и вы увидите, что оно буквально взято оттуда). Все остальные не спросили – инновационный процесс, трансформационный, деградационный, ликвидационный – какой процесс пошел? Однако таки он пошел.

М.Шалыгин: Я Вам отвечу цитатой из Михаила Сергеевича: «Главное начать, обострить и углубить».

С.Кургинян: Еще он мне все время говорил «не надо драматизировать». Давайте сейчас я позволю себе не драматизировать, а объективизировать и сказать вам, что этот процесс пошел (мы чуть ниже обсудим, какой именно) и все сегодня барахтаются в этом процессе, как коты в реке, которая несет свои воды куда-то. У нас 140 миллионов байдарочников, они плывут по этой реке, одни быстро опрокидываются, другие нет, одни терпят крушение, натываются на камни, устают, другие не устают. Путин – это байдарочник №1, он плывет лучше всех, он лучше всех огибает препятствия, он плывет впереди всех, он наиболее неутомим. И это понимают все. Кто его ненавидит, это понимает, кто его любит, это понимает. Это понимаю все. Вопрос не в этом. Вопрос в том, куда течет поток. Он течет в светлую гавань? Он течет к Ниагаре? Если он течет к Ниагаре, что надо делать? Надо быстро строить канал? Или надо гнаться, чтобы быть вторым? И вторым падать в эту Ниагару, а не десятым.

М.Шалыгин: Сергей Ервандович, годы правления на посту президента Владимира Путина называли годами стабильности – после вот этих, как их называют, «лихих 90-х». В прошлом году Вы опубликовали книгу, которую назвали «Качели». Книга на самом деле грустная, если внимательно ее читать, и качели – не самый стабильный образ в этом смысле, это всегда выбор и некая шаткость. Я могу Вас попросить зафиксировать, что было востребовано во Владимире Путине в общественном сознании в 2000 году и через десять лет?

С.Кургинян: Я отвечу на Ваш вопрос в точности. Я всегда отвечаю прямо на прямо поставленные вопросы. Но я, продолжая свою мысль, скажу: стабильность чего? Чего? Вот все говорят «стабильность» (одни говорят «стабилизация», другие говорят «стабилизец», все говорят по-разному). Стабильность чего? Стабильность вот этого потока. Путин стабилизировал этот поток, который для меня является потоком регрес-

са, деградации, а для кого-то является потоком возвращения в нормальную жизнь. Путин стабилизировал этот поток, он не стабилизировал вообще что-то, он стабилизировал то, что есть. Запрос на Путина, запрос общества был на то, чтобы стабилизировать то, что есть. Общество, одержимое некоторыми соблазнами, позволило себе отречься от своего исторического прошлого, от своего исторического пути. Причем отречься грубо, не так, как это делали китайцы, – мягонько, с поворотами и учитывая историческую традицию. Очень резко оно это сделало. Потом оно поняло, что оно это сделало, будучи одержимо в основном материальными соблазнами. Но оно это сделало. Оно это сделало! Есть не очень мягкая поговорка: «Если сука не захочет – кобель не вскочит». Оно это сделало. Это не ЦРУ ему навязало и не какие-то другие люди. Ельцина носили на руках. В домах, где жили люди из ЦК и КГБ, когда он баллотировался на пост президента РСФСР, за него было отдано (открою вам эту тайну) от 85 до 92% голосов. Это все выражало некие ожидания, очень определенные.

И вот эти все ожидания общества вдруг натолкнулись на то, что залетели-то в какое-то непонятное качество, в какой-то непонятный тупик, черт знает куда! И возник заказ на то, чтобы выбираться из этого тупика, упорядочивать эту жизнь, не отказываясь от сделанных в результате своего отречения завоеваний. От завоеваний, так сказать, в виде избытка продовольственных товаров разного качества на прилавках, новых возможностей, поездок за границу. Для кого-то – больших завоеваний (яхт, вилл), для кого-то – маленьких завоеваний (садики, домики). Вот от этих всех завоеваний, которые в первом приближении можно назвать буржуазными, но которые, конечно, не являются буржуазными. Революцию эту (если она революция) вел консьюмериад, то есть общество потребления. Это были завоевания консьюминга. Вот что такое путинское большинство. Не какой-то там средний класс, который в России в микроскоп не увидишь, – вот это путинское большинство сделало заказ на то, чтобы сохранить консьюминг и наладить жизнь.

М.Шалыгин: Чтобы она была стабильна, привычна.

С.Кургинян: Для Путина, в отличие от вашего покорного слуги, это поток, несущий в светлую гавань, а не к Ниагаре. Он верит в этот поток, он любит эти изменения, он достаточно конформен им. И он что сделал? Он инвентаризировал все новые социальные материалы, которые принес с собой этот поток, и он постарался из этих материалов построить что-то разумное самыми мягкими способами. Вот что такое Путин – это заказ на самые мягкие способы построения чего-то приемлемого из тех материалов, которые принес поток. Систематизация, упорядочива-

ние, нормализация – так, чтобы и без изменения ожидания консьюмера, и без опоры на альтернативные группы. Кто успешен, кто пришел в этом потоке впереди – вот на тех и опираемся, как бы их ни называли (и мы их видим). «Силиконовую долину» будут строить тоже те же успешные люди на том же успешном этапе. Вот что такое...

М.Шалыгин: Без ответа на вопрос «а зачем?».

С.Кургинян: Нет, почему «зачем»? Чтобы была жизнь. Чтобы эта успешность, эти ожидания консьюмера – все эти энергии, которые звали процесс из небытия на политическую сцену, – чтобы они были сохранены, но просветлены, чтобы им было придано приемлемое качество, а при этом без железной руки, без массовых репрессий. Путин этот заказ выполнил, он нормализовал жизнь так, чтобы не тронуть ничего из завоеваний ельцинско-горбачевского процесса. Он попытался упорядочить завоевания этого процесса, ничего в них не трогая. Теперь его обвиняют именно за то, что он наиболее мягким образом упорядочивал эти завоевания, делал их или пытался делать их совместимыми с жизнью.

М.Шалыгин: Простите, вот здесь сразу вопрос. Очень часто критикуют Владимира Путина, упрекают в авторитаризме. Вы же говорите, что мягкими способами...

С.Кургинян: Ну, какой же это авторитаризм! В чем авторитаризм? В том, что кто-то...

М.Шалыгин: Отменил демократию в России.

С.Кургинян: Ну, какую демократию! Демократия – это когда Киселев по заказу Гусинского полоскал меня, как хотел, а я должен был терпеть, что справки, написанные госпожой Афанасьевой по поводу «Газпрома», приписывались мне, и я назывался демоном всех времен и народов? Потому что я якобы писал справки, к которым я не имел и близко никакого отношения... Психологические репрессии средств массовой информации, принадлежащих нескольким людям и стоящим за ними группам, которые всем были очевидны. Ибо мы говорим «Гусинский», а подразумеваем одни группы, мы говорим «Березовский» – и подразумеваем другие группы, и они были очевидны. И даже их конфликт был очевиден по своему генезису (пресловутая операция «Лицом в снег» и все прочее). Вот эти олигархические конфликты и стоящие за ними средства массовой информации надо называть демократией? Эту систему, в которой было это «Лицом в снег» и все прочее, надо называть транспарентной? Да помилуйте! Ну, помилуйте!

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

Мы что, не помним, что это было?..

М.Шалыгин: Если позволите, я просто хотел бы нашим радиослушателям напомнить (для кого-то это, может быть, новое), что наш сегодняшний гость имеет право на подобные рассуждения, потому что в «лихие 90-е» вряд ли можно найти серьезное количество людей, которых так преследовали, как Сергея Кургина. Дело доходило до откровенных фальсификаций: подбрасывали в 1991 году, по-моему, книжку в кабинет председателя КГБ СССР; обвиняли кто-то в имперскости, кто-то в нечистоплотности. Была организована самая настоящая травля.

С.Кургиня: Могу сказать, что двое моих бывших сотрудников написали на меня развернутый донос, опубликовав в одной из самых известных газет, назвали его «Таинственный советник кремлевских вождей», а потом искренне каялись на широкой публике. Я не буду называть ни этих сотрудников, ни названия этой газеты, все и так знают.

М.Шалыгин: Это уже не важно.

С.Кургиня: Это уже не важно. Вопрос заключается не в этом. Вот этот климат психологических репрессий надо называть демократией? Демократия – это уважение к правде, это возможность защитить свою репутацию от шельмования. Мог я защитить свою репутацию от Гусинского? Потом все эти люди обращались ко мне же за какими-то консультациями, я писал «Письмо тринадцати». И это все вместе надо называть той демократией, которая описана в канонических учебниках? Помилуйте! Вопрос заключался совершенно не в этом, а в том, что ребята допрыгались. Они подписали «Письмо тринадцати», но не смогли взять на вооружение идеологию. Они не смогли построить систему, потому что они оказались эгоцентристами. Они позволили Ельцину и, как мне кажется, одному из наиболее близких к нему людей, возглавлявших административную вертикаль Ельцина, их «развести», как котят. Они перегрызлись все. Когда об одних после этого говорят, что они несчастные страдалыцы, а о других, что они кошмарные коррупционеры... Извините, они все проиграли в тот момент, когда не смогли взять идеологию! Когда вместо того, чтобы консолидировать себя как правящую группу и соответствовать своим претензиям на власть и на экономическое качество, они повели себя как клеветы, как конкурирующие фавориты, как «шестерки» этой власти. И дальше оказались, естествен-

но, в том колесе, в той мясорубке, которая существует всегда в пределах любого фаворитизма.

М.Шалыгин: При смене монарха фавориты имеют свойство меняться.

С.Кургинян: Ну да!..

М.Шалыгин: А иногда и до этого, да?

С.Кургинян: Назвался фаворитом – полезай в кузов, получай всерьез. Да, всё – риски. Но ты же им назвался, ты сыграл в эту игру? Ты не стал играть в игру, в которую играли рокфеллеры, или там ротшильды, вандербильты и другие – ты не построил класс, ты не выдвинул ни одну идеологию. Ты, сказавши, что ты чуть ли не властный политический субъект, начал вести себя не подобающим твоим заявлениям образом, ты отнесся к своим идеологическим документам, как к пиару. Да? Вследствие этого ты пострадал. Ну, извините! Это примерно такая же ситуация, когда одни говорят: «Сталин – кровавый тиран», другие говорят: «Сталин – герой, убиравший негодяев». Шла политическая борьба, в этой политической борьбе были жертвы. Вопрос не в том, что это были щепки, а кто-то рубил лес, а в том, что, если бы Троцкий добрался до горла Сталина, он с ним и со сталинистами вел бы себя так же, как тот вел себя с троцкистами. Шла политическая борьба в разогретой гражданской войной стране.

Теперь – Путин как повел эту политическую борьбу? Ну, уж так мягко, что дальше некуда. Несколько людей, так сказать, от этого пострадали. Но посмотрите вокруг, на интерьер. Это что – другая картина? Это что, так сказать, растоптанный Ельцин? Это, так сказать, все ельцинисты, сидящие по лагерям? Нет. Путин сделал самую мягкую трансформацию, приведя качество потока в соответствие с жизнью. Стабилизировал, на моем языке, регресс. То, что он его стабилизировал, это его великое завоевание. Потому что если бы он его не стабилизировал, то регресс бы нас уже пожрал. А то, что он всего лишь его стабилизировал, это его историческая проблема.

М.Шалыгин: То есть зафиксировал все, что происходит вокруг, в некоторых точках, на которые хотя бы можно посмотреть?

С.Кургинян: Стабилизировал и привел к каким-то условным знаменателям. То есть человека мягче Путина для того, чтобы упорядочить этот процесс, быть не могло. Ельцин в этом смысле понимал, что он делает. Путин не только не оголтел, не только не отвязан – он так острожен и так мягок, как никто другой. Я подчеркиваю снова: КАК НИКТО ДРУГОЙ. Он мягче их всех. Кто-то скажет, что это его исторический недостаток, его историческая вина, как, например, считаю я. А кто-то скажет, что это его историческая заслуга. Но обвинять его в том, чего

нет и в помине?! Обвинять Путина в сталинизме можно только, я не знаю... выжав три бутылки крепкого спиртного или сильно нанюхавшись.

М.Шалыгин: Владимир Путин оказался самым желанным политиком на пост главы государства в большинстве стран СНГ.

С.Кургинян: Понятно. Но мне меньше всего хотелось бы воспевать Путина. Я не воспеваю Путина и не борюсь с ним. Я пытаюсь понять Путина, описать Путина, как и подобает моей профессии. А самое главное – я борюсь с политическим дурдомом, который может начаться снова. Я не хочу, чтобы страна стала заложником элементарного политического сумасшествия. Пусть она выбирает, пусть она оценивает Путина – хороший он или плохой, – критикует его, находит в нем те или иные недостатки, но пусть не будет дурдома. Нельзя называть Ходорковского «жертвой путинского режима». Не потому нельзя называть, что нужно поддерживать то описание, которое дает власть по отношению к процессу Ходорковского, или описание, которое дает оппозиция. А потому, что Ходорковский по определению не может быть жертвой. Игрок не может быть жертвой! Жертвой может быть безвинный человек, обыватель, человек, который не хотел заниматься политикой. Мой дед пришел с гражданской войны, где он, царский офицер, поддержал красных и в 37-м году пострадал от Сталина. Он был жертвой, он лесничим был. Троцкий не был жертвой Сталина.

М.Шалыгин: Я напомним нашим радиослушателям, более молодым, или кто сегодня знает, произносит имя Ходорковского, но не вспоминает год 2000-й. Тогда Ходорковский, его группа контролировали весь российский парламент. Главой государства становится Владимир Путин. Проводить какие-то реформы, какие-то изменения, хотя бы закон через парламент, просто невозможно. Это была схватка равных, о чем Вы и говорите, Сергей Ервандович.

С.Кургинян: Я почему говорю? Никогда в России (есть традиция интеллигенции, которую я поддерживаю полностью) не говорят плохо о тех, кто в тюрьме. По крайней мере, не я скажу что-нибудь плохое о Ходорковском. Я не говорю плохое или хорошее. Я говорю, что это человек, который вел игру. Повторю снова: по отношению к Троцкому или Тухачевскому нельзя применять слово «жертва», это некорректно, это неправильная политическая семантика. Это проигравший, или временно проигравший, или человек, продолжающий вести игру. Но он игрок. Игрок не может быть жертвой. Шла политическая борьба, в этой политической борьбе применялись разные средства.

М.Шалыгин: Ввязался в игру – разделяй все риски.

С.Кургинян: Разделяй риски, да. Но теперь вопрос исторически заключается в том, что такое Ходорковский и все остальные олигархи ельцинского режима? Это люди, которые заявили, что они будут политическим субъектом, подписали «Письмо тринадцати», поставили подписи, но не построили ни структур, ни механизмов собственной консолидации, перегрызлись тут же: «Связьинвест», назначение Потанина и т.д. Рассыпались. Показали всей стране, что они не могут быть вместе, что это террариум единомышленников, что это группа эгоцентристов, которая не способна предложить ничего. Они не предложили никакого проекта! Дальше пришел Путин и какой-то проект предложил, хуже или лучше. Страна выбрала того, кто выдвинул проект. Она сделала это на фоне полной дискредитации предыдущего. Те люди сошли с дистанции. В конце концов, они же сами и двигали Путина.

М.Шалыгин: В России семибоярщина всегда рядом со смутными временами. У нас есть телефонный звонок из Кишинева. Каков прогноз: дальнейшее падение – или есть надежды (хотя рядом с президентами мелькают все те же люди, которые все натворили)?

С.Кургинян: Все зависит от типа процесса. Путин считает, что он может опираться на победителей в рамках этих «байдарочных гонок», что он может опираться, грубо говоря, на тот класс, который сформировался. А что, он на Дерипаску не опирается? Дерипаска – не бюрократия. Это бизнес. А что, не Вексельберг стал, так сказать, руководителем «Силиконовой долины»? Он опирается на существующий класс, именующий себя буржуазным, в котором очень сильно смешаны разные компоненты. Но это и есть тот материал, который принес поток. То есть он говорит: «Вот я обопрусь на этот материал и сформирую, построю из него какие-нибудь конструкции, я сделаю это предельно мягко – и система заработает». Вот что он говорит.

Я же говорю: «Она не заработает». У меня есть такой образ: зайчики не превратятся в ежиков. Эта система не заработает. Мы будем дальше двигаться – плавно, плавно, плавно – в пределах этого регрессионного процесса. Власть боится протестных митингов, но ведь гораздо опаснее другое. Гораздо опаснее наращивание социальных патологий, которые нарастают у нас на глазах. И в условиях ухудшения жизни люди не обязательно пойдут на митинги, а могут начать просто воровать. Или они начнут пиваться. И это – пьянство, наркомания, депрессия, эскапизм, уход из политики, апатия, все эти черты аномии – это же социальные патологии! Рано или поздно, когда они разовьются серьезно, это общество с разросшимися социальными патологиями станет несовместимо с задачей несения на своих плечах такого огромного государства. И вот тут безмятежность правящих групп превра-

тится в стремительное обрушение, проблемы возникнут немедленно. Значит, вопрос заключается в том, чтобы повернуть в сторону от разрастающихся патологий, чтобы вырыть канал, чтобы построить плотину, а не плыть на байдарке...

М.Шалыгин: Простите, но для этого те, кто сегодня называет себя элитой, должны осознавать свою ответственность, то есть нести некие обязанности.

С.Кургинян: Ну, Иван Васильевич Грозный называл это подружому. Он говорил, что надо (это очень четкое слово, вообще, у царя Ивана IV была невероятно емкая лексика, до сегодняшнего момента оставшаяся непревзойденной) «перебрать людишек». Их надо перебрать, говорил царь Иван. Конечно, царь Иван перебирал их соответственно закону своего времени. В конце концов, одновременно с ним царствующие особы – какие-нибудь Людовики XI (они были раньше) и т.д., – «перебирали» их еще жестче. Ну, царь Иван «перебирал» их так, как «перебирали» в России. Возможно, в XXI веке это можно сделать совсем мягко. Но есть такие понятия (я кандидат физико-математических наук по первой специальности) – «термодинамика» и «демон Максвелла». Вот Путин рассчитывает на термодинамику. А я объясняю, как Максвелл видел «демона». Он говорил: «демон» имеет заслонку в руке, смотрит на горячую частицу, открывает заслонку и пропускает ее, смотрит на холодную и закрывает заслонку.

М.Шалыгин: Но социальные лифты сегодня в России остановлены.

С.Кургинян: Да. Значит, все рассчитывают на термодинамику, но термодинамика принесет наверх и закрепит власть баракла, а баракло не решит задачи, потому что оно баракло. Вот же в чем проблема!

М.Шалыгин: В SMS из Тбилиси советуют почитать роман «Господин Гексоген», писателя Александра Проханова, в котором, дескать, описано все, о чем Вы говорите.

С.Кургинян: В романе «Господин Гексоген», который я внимательно прочитал, описана некая утопическая конструкция. Романы вообще – не лучший способ понимания политической действительности. Я оперирую здесь довольно строгими понятиями, которые можно проверить, которые можно пощупать. Вы считаете, что в стране не идет социальный регресс? Вы считаете, что в стране нет деиндустриализации? Скажите мне, в какой стране ученый, профессор МГУ получает 20 тысяч рублей? То есть 680 долларов. Где это происходит в мире, назовите? Где он получает меньше, чем рабочий? Может быть, в какой-нибудь отсталой стране рабочий получает меньше, чем у нас, но ученый-то получает больше. О какой модернизации мы говорим при таких стартовых позициях наших интеллектуальных слоев? При таких пози-

циях инженеров, ученых, врачей и т.д.? При этих позициях мы можем говорить об индустриализации? Верните позиции, создайте привилегированность интеллектуальных профессий – тогда мы поверим в модернизацию. Сделайте эти позиции престижными, в том числе и по оплате труда.

М.Шалыгин: Простите, но вы тем самым утверждаете следующее, если я правильно понимаю: что сегодня в условиях кризиса и «второй волны», которая вот-вот ожидается, это сделать значительно сложнее, нежели в годы «жирные», которые были вот еще, скажем, 4–5 лет назад..

С.Кургинян: Опираясь на те элементы реальности, которые сформировал процесс, о котором говорил Михаил Сергеевич Горбачев, нельзя изменить действительность. Оставив эту действительность в пределах тех тенденций, которые существуют, мы рано или поздно ликвидируем страну. Мягко, сладко, в полусне, но ликвидируем. Извините, но в ряде городов, находящихся на нашей территории, уже есть китайские рестораны, где по-русски написано: «Русским вход воспрещен».

М.Шалыгин: Это город Владивосток.

С.Кургинян: Мы постепенно, постепенно, постепенно сдаем позиции. Почему? Потому что Путин хочет быть либералом, он хочет быть мягким человеком, он не хочет повторять все эти жесткие системы. Он не пошел на третий срок, он пытается как бы управлять soft power («мягкой силой»), а не чем-то другим, он отрицает мобилизационные технологии. И есть еще один, самый главный вопрос. Путин является абсолютным западником, то есть абсолютным выражением тех тенденций, согласно которым Россия должна освободиться от имперских обременений, создать национально-модернизационное государство и войти в Европу. Это возможно в жизни русского народа! Русский народ мог бы жить, войдя в Европу полностью, т.е. став членом НАТО. Если Россия становится членом НАТО (или, еще лучше, какого-нибудь западно-европейского союза вооруженных сил, без Америки) и если каждый русский гражданин получает Шенген... Но где это членство? Его же нет!

М.Шалыгин: Я просто хотел нашим радиослушателям заметить, что внимательное изучение западных летописных источников... если вы внимательно читаете, вот там русские – это всегда медведи и всегда негатив. Можно долго полагаться на слова о вечной дружбе в европейском евро-атлантическом содружестве, но вот историческая литературная традиция.

С.Кургинян: Традиции бывают разные. Это, конечно, мейнстрим, но главное не это. Я когда-то прочитал – считайте, что мне это приснилось, – одну секретную шифротелеграмму из архива, в которой было

написано: «Мы случайно наткнулись на самые опасные и загадочные точки мирового процесса. Еще один шаг – и никакие силы не спасут большевистское правительство в Москве. Назад от Варшавы, бегом, немедленно. Ленин». Смысл заключается в том, что единение России с Европой невозможно вообще, а если уж мы его хотели, то, извините, надо было держать Восточный блок железной рукой, объединять Германию и дать Германии сожрать все эти восточные страны, а потом с ней объединяться. А создать себе пояс из восточноевропейских стран, который контролируют американцы (а их главная цель – не пустить нас к соединению с Францией и Германией), – это значит полностью ликвидировать возможность этого объединения.

М.Шалыгин: Вы говорите о каких-то кардинальных механизмах разрешения, говорите о технологиях, потому что иных уже нет, и времени нет.

С.Кургинян: Конечно, потому что нет другого проекта. Потому что 30 лет назад... Вы знаете, когда примерно было решено объединять Германию?

М.Шалыгин: Это была докладная записка Берии, если я все правильно помню, сразу после...

С.Кургинян: Но решение реально было принято в 1979 году. Не в 89-м, а в 79-м. Это было консенсусное решение – там что Брежнев, что Андропов, что Суслов, все. И тогда же, когда начались все эти войны за газопроводы и все прочее. Элита рванулась в Европу. Я же не говорю, что это плохо. Я говорю, что этого не будет. Тогда же я еще говорил: «Ну, посмотрите, де Голль пишет: "Европа от Атлантики до Урала"!» Почему сейчас всем не люб Путин? Потому что у Путина есть одна черта: когда идея вхождения в Европу станет идеей вхождения России в Европу по частям, отдельными областями, за счет расчленения страны, то Путин, мне кажется, ни ментально, ни экзистенциально, ни политически к этому не готов. И вот тут наступает вопрос: «Долой Путина?» Вот тут он наступает! Есть претензии к Путину, которые надо выявлять прямо. Значит, если западный проект невозможен, если, опираясь на существующие господствующие группы, невозможно обеспечить жизнь страны, надо менять точки опоры и проект. Меняйте точки опоры, технологии и политический проект! Восстанавливайте империю так, как ее сейчас восстанавливает Евросоюз – демократическим путем. Объединяйте Советский Союз снова, заявляйте мобилизационный проект, заявляйте, что русские имеют свой путь развития. Не свой путь вообще (а то можно своим путем топтать по-африкански), а свой путь **развития!** И они доказали это, они доказали это Гагариным, они доказали это всем.

М.Шалыгин. Вы знаете, надо посмотреть внутрь себя, но времени у нас-то нет.

С.Кургинян: Вот скажите это! Вместо этого говорится следующее: «Ну, раз мы не можем войти в Европу целиком, раз нас туда не пускают (а дураков-то нет, если Россия входит целиком – она самое крупное европейское государство, с самым мощным ядерным потенциалом и сырьевым, никто же ее туда пускать не хочет!). Если целиком войти нельзя, значит, либо разделимся на части и будем входить частями, либо падем к ногам Китая». Но, извините, и тот, и другой вариант суть варианты уничтожения русского народа, русской истории, русского государства. Эти варианты не проходят.

М.Шалыгин: Руководитель Госнарконтроля Виктор Петрович Иванов на днях выступил с заявлением. Содержание следующее: Россия должна отказаться от практики разрешения въезда на территорию страны граждан других государств по внутренним паспортам, для того чтобы граждане России получили шенгенские визы без проблем. Т.е. граждане Киргизской Республики, Таджикистана, Казахстана, пока еще Украины должны въезжать по зарубежным паспортам для внешнего выезда, только тогда граждане России могут спокойно выезжать на Запад. Вот такое заявление.

С.Кургинян: Слушайте, на Запад въезжают граждане Африки. Говорят: «Раз у нас много людей въезжают в Европу, значит мы вошли в Европу». Я говорю: «Тогда Судан в нее тоже вошел!» Мы входим в систему политических институтов Европы – да или нет? Мы входим в систему военных институтов? Мы должны бояться НАТО или мы часть его? Да или нет? Мы входим в систему европейской элиты полноценно – да или нет? Мы переходим на европейские стандарты жизни и права – да или нет? Мы становимся частью этого единого европейского целого – да или нет? Вот если мы им становимся, то, может быть, я лично предпочту жить в Гималаях, но я буду знать, что русский народ выживет. Жизнь, может, будет и скучна. Но, в конце концов, повторяю, не я выбирал Ельцина, я сделал все, что мог, для того, чтобы Ельцин не стал главой государства. Выбор был за народом. Но если эти все прожекты являются утопиями и не реализуются, то что делать? Россия на 140 миллионов людей не выживет одна, и никакое ядерное оружие не поможет. Значит, надо восстанавливать зону влияния, то есть, по существу, демократическую империю. Это можно сделать демократическими путями. Россия не может модернизационно развиваться ускоренно, опираясь на этот правящий класс. Надо искать другие социальные точки опоры, искать системы мобилизации.

М.Шалыгин: Вопрос: Вы можете сказать, куда и каким способом ведет власть Россию? На этот вопрос нет ответа не только у меня. Без ответа на этот вопрос говорить о значении того, что сделал Путин, трудно.

С.Кургинян: Почему я не могу сказать? Я могу сказать, куда ее ведут. Путин стабилизировал регресс, регресс приводит к сладкой агонии во сне, Россия засыпает. Засыпает и теряет жизненную силу. При этом все вокруг этой засыпающей России бегают и говорят: «Матушка, модернизируйся! Матушка, проснись! Вот сейчас нас разбудит господствующий класс!» Господствующий класс же выкачивает деньги!

М.Шалыгин: Замечательная реплика, простите, о господствующем классе из Казахстана: «Всех в острог!»

С.Кургинян: «Всех в острог» – это просто. Иван Васильевич Грозный, один из самых образованных людей своего времени, повторюсь, говорил гораздо более культурно: «перебрать лодышек». А я скажу иначе: использовать социально-политического «демона Максвелла». То есть провести меритократическую кадровую политику, опираясь на лучших, а не на своих и не на социально близких. Когда народ это увидит, у него проснется воля к жизни. Рано или поздно, но проснется. Все время говорят, что мы не пассионарии. Вспомните китайцев, китайцы – гораздо более древний народ, и никакого слома пассионарности у них нет. И если вопрос стоит между тем – жить или не жить, то я думаю, что наш народ не настолько еще стар и дряхл, чтобы захотеть умереть. Но я бы хотел, чтобы энергию этой воли к жизни уже сейчас взяли действующие политики, а не нелюди из подворотни.

М.Шалыгин: Кого Вы числите по разряду действующих политиков России?

С.Кургинян: Ну, как... Путина, Медведева, «Единую Россию». Весь этот список, классический бомонд. Скажите мне, у нас есть альтернативная экспертиза военной реформы? Я не говорю, хорошая эта реформа или плохая, я не говорю, какие у нее цели. Я спрашиваю: где альтернативные экспертизы, где мозговые штурмы в парламенте, где они?

М.Шалыгин: Сергей Вадимович Степашин, руководитель Счетной палаты России, выступая буквально вчера в Государственной Думе, когда его начали упрекать в одном, втором, третьем, задал вопрос депутатам: а что **вы** можете сделать?

С.Кургинян: Есть вещи, которые они не могут сделать, а есть вещи, которые они могут сделать. Собрать совещание и выслушать экспертов – консервативных, либеральных и других – по поводу военной реформы они могут и должны. Они не имеют права передоверять реформу МВД

отдельным чиновникам этих же ведомств с сомнительными непрозрачными мотивациями.

М.Шалыгин: Сергей Ервандович, вот у меня иногда такое ощущение складывается, когда я наблюдаю за тем, что происходит в Министерстве обороны и Вооруженных силах, что слово «реформа» неприменимо, поскольку реформа предполагает некий изначальный план, а вот его-то как раз, по-моему, нет.

С.Кургинян: Нет, он есть! Все совершенно понятно. Отделяют периферию армии от центра, создают кадровое ядро, т.е. людей, которые будут убивать и умирать, все остальное отдают штатским, а между ними строят коммерческую связь. Что в результате происходит? Нет ни ядра, ни этих коммерческих штатских, ни связи. Все три компонента, на которые они хотят перевести армию, отсутствуют, а реформа превращается в катастрофу. А хотят они вестернизации армии. У них у всех есть единственная концепция, что большой войны не будет, а армию надо готовить к малым войнам, поэтому нужны мобильные бригады и все прочее. Китай готовится к большой войне, Соединенные Штаты, НАТО, Индия – все, даже Судан, – готовится к большой войне. Только мы готовимся к малым войнам! И при этом говорим, что мы теперь наконец-то действуем так же, как все. Мы действуем противоположным образом всем остальным!

М.Шалыгин: Ну, в Российской империи была такая традиция, в казачьих поселениях вдоль границы, чтобы мужичок и огород пахал, и границу защищал.

С.Кургинян: В Российской империи была дискуссия между Милютиным и Бярятинским (у меня в организации есть люди, которые изучали эту дискуссию) о структуре Российской армии. И Советская армия заимствовала лучшие эталоны Российской.

М.Шалыгин: Сергей Ервандович, а насколько эта дискуссия вообще вероятна?

С.Кургинян: Дискуссия все равно будет в сегодняшнем обществе. Она все равно будет, мы не дадим полусонной бюрократии и ее различного рода охвостьям погасить дискуссионный климат в стране, это невозможно. Вопрос заключается в том, будет ли она в парламенте или в интернете.

М.Шалыгин: Или на улице.

С.Кургинян: Сначала в интернете. «...Сначала были разговоры / между лафитом и клико». Мы хотим, чтобы она была в парламенте. Мы хотим того, что позволит правящему классу и правящим группам овладеть политическими энергиями. Политик – это управление общественными процессами, общественной энергией. Есть закон сохранения энер-

гии. Застой – это мистификация, застоя не бывает. Энергия может только уйти на глубину, она может изменить качество, но ее нельзя убить. И, как мы знаем, застой обернулся перестройкой. Так я не хочу, чтобы застой обернулся перестройкой! Я не хочу, чтобы эта энергия ушла на глубину, приобрела там качество политического дурдома, а потом с вытаращенными глазами таскалась по улицам и подворотням.

М.Шалыгин: Общественный запрос сегодня на это есть?

С.Кургинян: Есть, безусловно. У нас много грамотных нормальных молодых ребят, поездивших по миру (иногда по эконом-классу, иногда как-нибудь иначе), делавших бизнес или не делавших, пользующихся открытостью, свободой и возможностями читать. У нас достаточно образованная страна, у нас есть эти группы. Они жадно обсуждают все подряд – свою историю, сложные сюжеты, у них есть запрос на сложность. Этот запрос минует политический фокус, минует господствующий класс. И это происходит, опять-таки, потому, что под управлением имеется в виду некий сон, в котором больной будет спать, а с ним что-то будут делать. Но больной уже не хочет спать, больной не хочет новой перестройки.

М.Шалыгин: Ну, а с другой стороны, пока не пожелают и национальный лидер Владимир Путин, и действующий президент Дмитрий Медведев, отказаться от того, что приятно, и тех, кто приятен, в пользу тех, кто принесет больше пользы, то вряд ли что-то...

С.Кургинян: Выбор, который стоит перед сегодняшним Путиным, через десять лет, – это выбор между желаемым и должным. И пока выбор не будет сделан в пользу должного, желаемое будет медленно, медленно гасить страну. Позитив в том, что медленно, а негатив в том, что гасить.

М.Шалыгин: Когда мы достигнем дна, снизу постучим... Вот, знаете, смотрю на то, что пишут наши радиослушатели из стран постсоветского пространства... Путиным больше восхищаются.

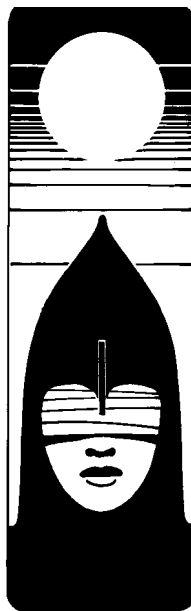
С.Кургинян: Ну и что, конечно, восхищаются. Во-первых, все познается в сравнении, прошу прощения. А, во-вторых, Путин – яркий человек. И, в-третьих, все хотят, чтобы в рамках возможного что-нибудь исправилось, в рамках имеющегося никто не хочет опять крутых перемен.

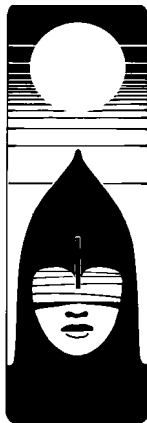
Чтобы знать, что он существует в истории, человек должен обнаружить, что он принадлежит коллективу, который принимает участие в истории, являющейся общей для многих коллективов.

Реймон Арон

Чем больше людей, специалистов того или иного рода ... оказывались зависимы друг от друга, тем больше становилось необходимо, чтобы их функции и деятельность координировались друг с другом.

Норберт Элиас





Владимир Дегоев

**О СОВРЕМЕННЫХ
ПРОБЛЕМАХ
ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
93/94
394

This is an article on the teaching and studying of the controversial problems of the North Caucasus history. The author argues that this branch of Russian historiography is going through severe crisis partly due to the demise of Marxist paradigm to be followed by ideological vacuum. He sees the way to overcome it in the post-modernist overarching approach to the issues sensitive to non-Russian peoples on the one hand, and in ridding of powerful myths firmly established in nationalistic-oriented consciousness, on the other, to develop broader vision of the past.

Ключевые слова: история Северного Кавказа, преподавание «национальных» историй, историография, Россия и Кавказ, Кавказская война XIX века, мифологическое сознание.

Key words: history of the North Caucasus; teaching of the "national" stories; historiography; Russia and Caucasus; the Caucasian war of the XIXth century; mythological consciousness.

E-mail: degas@list.ru

¹ К предстоящему выходу в свет первого тома «Политической истории Северного Кавказа XVI–XX веков», автор – Дегоев В.В.

Распад СССР вызвал лавинообразные процессы во всех сегментах общественной жизни. Едва ли не в первую очередь – в духовно-интеллектуальных. Произошла небывалая актуализация той исторической проблематики, которая в советские времена занимала весьма скромные ниши в массовом сознании. Так случилось и с историей Северного Кавказа.

На протяжении большей части XX века это был обычный регион СССР, не доставлявший особых хлопот ни себе, ни центральной власти. Его потенциально деструктивная специфика не имела возможности самореализоваться естественным образом – так, как это было, скажем, в XVIII веке и ранее. Мешали конструктивные особенности советской цивилизации, обеспечивавшие «сейсмоустойчивость» на случай внештатного выброса социально-тектонической энергии.

Но, как правило, эта мощная энергия не превращалась в неуправляемую стихию, поскольку высвобождалась равномерно и, через искусственные механизмы, преобразовывалась в общественно-полезное, смыслодержущее действие.

Для исследователей революционных катаклизмов и взрывоопасных ситуаций советский Северный Кавказ представлял мало интереса, ибо там «ничего не происходило». Не случайно, что до начала 1990-х годов западная историография насчитывала единичные работы об этом «скучном» крае.

Отечественная научная литература была, конечно, гораздо богаче. Но она создавалась узким кругом специалистов и для них же предназначалась. Некоторые темы находились под негласным запретом, остальные – под идеологическим контролем или под гнетом добровольных цензурных самоограничений авторов. При всем этом наличие профессиональных достижений в советском кавказоведении трудно отрицать. Другое дело – крайне низкий уровень их востребованности вне замкнутой научно-корпоративной среды. Причина отчасти в том, что Кремль не поощрял внедрение в пронизанную духом оптимизма и созидания социально-идеологическую практику знаний, порождающих «многие печали» и сомнения. А отчасти и потому, что отсутствовала массовая потребность в такого рода знаниях, неактуальных и не согласующихся с советско-имперским мегаконцептом «дружбы народов».

Безусловно достойные внимания результаты советских кавказоведческих исследований не находили широкого практического применения прежде всего в сфере образования. В вузовских и, тем более, школьных учебниках по отечественной истории Северному Кавказу

отводилась в лучшем случае пара страниц бесцветного и маловразумительного текста.

Эти учебники, издававшиеся миллионными тиражами, представляли собой важное средство воспитательного обучения молодого поколения и управления массовым сознанием. Они были одним из инструментов укрепления морально-политического единства многонационального советского общества, предпосылки которого закладывались всей историей Российской империи.

Северному Кавказу досталась во многом незаслуженная репутация неудобной темы, поскольку первая ассоциация, вызываемая им почти автоматически, была связана с Кавказской войной XIX века. Как ни рядили ее в «антифеодалные», «антиколониальные», «антисамодержавные» одежды, она оставалась войной, которую нельзя было вести, не проливая кровь. Игнорировать это плохо удавалось еще и потому, что мешал непререкаемый авторитет великих русских писателей, обращавших мощь своего таланта на раскрытие трагедии Кавказской войны, как части трагической сути истории вообще.

Между тем литературные, в том числе и поэтические шедевры – это не учебные пособия. Сюжеты прошлого, пропущенные через чувства, страсти, мироощущение художника, образуют особую реальность, зачастую далекую от реальности исторической. Это другой тип восприятия вещей, другой способ их познания со своими законами, правилами, целями. Можно бесконечно восхищаться гением того же Л.Н.Толстого, но смотреть на Кавказскую войну его глазами – значит добровольно отдать себя во власть сконструированного художественного образа. «Изучая» данный сюжет по Толстому, мы изучаем не историю, а писательское дарование.

Что касается истории как гуманитарной науки и учебно-образовательного предмета, то это совсем другое. Тут нужно неизмеримо больше дисциплины в обращении с источниками и фактами. Тут нужна специфическая познавательная техника, основанная на научных теориях, методологиях, процедурах. Тут нужна внутренняя готовность исследователя по возможности избавиться от «гнева и пристрастия», то есть от того, что составляет главный смысл и ценность художественного произведения.

Прошлое наполнено отнюдь не только и не столько благостью. В нем много такого, что очень болезненно и ущербно для индивидуального, коллективного, национального самосознания. Самолюбие отдельно взятого человека, этноса, народа инстинктивно защищается от воспоминаний о своих исторических ошибках, поражениях, постыдных деяниях.

Иногда это происходит путем искусственного блокирования памяти. А иногда совсем наоборот – путем ее перевозбуждения для того, чтобы вытеснить комплекс вины и неполноценности комплексом безгрешности и величия.

Самооправдание или, если по Максус Веберу, «рационализация» – типичное свойство коллективной исторической памяти. Оно по необходимости особенно развито у малочисленных народов, ибо в их истории, относительно скромной по длине и содержанию, не так много места, чтобы позволять роскошь отвести хотя бы часть его для чего-то некомплементарного или отвратительного.

Конечно, такая особенность, с точки зрения исторической науки, совершенно контрпродуктивна, но она требует уважения со стороны ученых (и преподавателей). Речь не о политкорректном снисхождении к убогому мифотворчеству местечковых краеведов, сбывающих свои откровения широкой публике. Речь о воспитании высокой профессиональной и, если угодно, гражданской, нравственной ответственности исследователя за методы и результаты его работы с деликатными историческими материалами и с глубоко неоднозначной исторической реальностью.

В современной жизни, наполненной угрозами и непредсказуемостью, девиз «не навреди» становится не только медицинской практикой. Советская историография худо-бедно справлялась с такой задачей. В разные времена, разные по степени жесткости партийно-пропагандистские установки ориентировали ученых на поиск и концептуализацию фактов, свидетельствовавших о вековых корнях приязненных, дружественных, союзнических или просто неконфликтных отношений между народами СССР. И это было не только идеологическое принуждение, но и естественная общественная потребность видеть в прошлом то, что в настоящем может служить делу объединения, а не разъединения людей.

Но самое главное – для этого историкам не требовалось прилагать сверхизобретательных усилий, обходить правила своего ремесла, идти на сделку с совестью. Многое из того, что годилось для создания концепта «исторической дружбы народов», лежало на поверхности.

Неисчислимо количество источников не оставляет сомнений в том, что у политических элит и простонародья Северного Кавказа испокон веков наличествовало тяготение к Руси, Московии, Российской империи. Колебалась его интенсивность, сложно и порой экзотично переплетались его мотивы, менялись пропорции в общем социальном, этническом, конфессиональном составе людей, представлявших это внешне-

политическое настроение. Но в любые, даже самые трагические для России эпохи надежда на нее никогда не исчезала из народного сознания. С течением времени северное направление в разновекторных исторических связях северокавказских народов укреплялось, вытесняя остальные.

Причин тому было много. Романтизировать и иррационализировать их нет никакой надобности. Все они имели прочную прагматическую основу. Советская историография хорошо это показала на документах, хотя явно переусердствовала в попытках искусственно «состарить» русско-кавказские отношения и наполнить их социально-классовым, идеологическим содержанием.

Советским историкам тем не менее следует воздать по заслугам. Находясь под гигантским партийно-идеологическим прессом, они умудрялись сохранять верность «клятве Геродота», своей профессии, своей внутренней свободе и совести. Им приходилось лукавить, прибегать к экивокам и эзопову языку, обходить острые углы и замалчивать неуютное сильными мира сего.

Это, кстати говоря, выработало чувство ответственности за сказанное и весьма строгие правила работы с источниками и аргументами. При всех своих пороках конформизма, при всех своих большей частью совершенно искренних заблуждениях, они никогда не позволяли себе столь открытой и агрессивной лжи, которая сегодня заполонила книги по истории Северного Кавказа. И столь неуважительного отношения к читателю, здравому смыслу, логике. В конечном итоге – к самому себе. Автор данных строк вынужден признать это несмотря на то, что он по-прежнему придерживается во многом глубоко критического взгляда на советскую кавказоведческую литературу.

* * *

Причины, в силу которых Кавказ вообще и Северный Кавказ в частности стали сегодня «до боли нескудными» точками земного шара, достойны сожаления. И в не меньшей степени – изучения. За два десятка постсоветских лет в России и за рубежом произведено на свет невообразимое количество литературы об этом регионе, в подавляющем большинстве – политологической. Ее научно-познавательный ресурс крайне ограничен спецификой жанра политической аналитики, сосредоточенной на том, что происходит сейчас и может произойти завтра. При этом системное изучение современности, предполагающее нечто большее,

чем анализ текущей информации, вытесняется и подменяется поденным комментаторством, а несбывающиеся прогнозы невольно наталкивают на сравнение с гаданием на кофейной гуще.

Вдобавок российская политология, по причинам объективным (запоздалое рождение) и субъективным (изначальная идеологическая и методологическая зависимость), обречена на вторичность, эпигонство и более или менее умелое подражание оригинальным западным технологиям политического исследования. Это очень похоже на нашу обреченность покупать компьютеры с неотделимой от них чужой операционной начинкой, которая, хотя и называется «мягкой», может в один совсем не прекрасный день повести себя неожиданно жестко и непредсказуемо.

Впрочем, у многих интеллектуалов есть понимание полной бесплодности попыток изучать современный Северный Кавказ, опираясь на негласный, но по сути утвержденный явочным порядком посыл о том, что история наиболее достойных внимания явлений в регионе началась после 1991 года. Эта часть ученых отнюдь не склонна исключать из сферы своего профессионального интереса богатейшие исторические пласты, где, возможно, сокрыты ответы на злободневные трагические вопросы.

Однако здесь имеются свои проблемы. И немалые. Одна из них связана с фетишизацией исторического опыта, стремлением механистически применить его к иной, современной реальности. Не будем углубляться в этот извечный и, по-видимому, неразрешимый философский вопрос. Заметим лишь, что он напоминает задачу построения квадратуры круга или вычисления условных координат некоей золотой середины между крайностями – пренебрежением историей и слепым поклонением ей.

Северный Кавказ в XVI веке – это одно. В составе Российской империи – другое. В качестве органичной части Советского Союза – третье. В его нынешнем состоянии – четвертое. И этим переменам не будет конца. В то же время не будет конца и связующим историческим нитям, пронизывающим прошлое, настоящее и будущее, придающим Северному Кавказу определенную сущностную цельность. Но и с последней не все так просто.

Между народами региона культурно-ментального сродства столько же, сколько различий. И то и другое – порождение собственного жизненного опыта, собственного исторического развития. Единство природно-ландшафтной среды, условий хозяйствования, внешних вызовов не мешало каждому этносу быть самим собой. Непонимание или недопонимание этих принципиально важных вещей приводило и приводит к

крупным ошибкам в политике российского руководства на Северном Кавказе.

Постсоветская эпоха – эпоха переизбытка противоречий и парадоксов во всем. Кавказоведческая историография – не исключение. Теоретически вроде бы логично было ожидать, что либеральная революция 1991 года создаст предпосылки для интеллектуального, методологического прорыва в этой отрасли знаний, вывода ее из профессионального кризиса, в котором она пребывала в постсоветское время.

На самом деле все оказалось куда сложнее и печальнее. Оптимистические ожидания оправдались лишь в единичных случаях. Многие северокавказские историки, получив свободу от партийно-пропагандистских директив, без всякого внешнего принуждения обменяли ее на еще более жесткую идеологическую зависимость – зависимость от воинственной этноцентричной мифологии и националистической экзальтации. Широко разрекламированная деидеологизация прошлого реально обернулась прямо противоположным процессом, выразившимся в крайне радикальных и опасных формах.

К весьма странным способам реализации творческой свободы тяготели и некоторые представители, так сказать, «столичного», «академического» кавказоведения (Москва, Санкт-Петербург). Они не стали разрабатывать собственные идеи, которых на поверку не оказалось, а с восторженной готовностью присягнули на верность чужим, сверхполитизированным, сверхидеологизированным и сверхмодным концепциям. Эти концепции были созданы на Западе аккурат к моменту развала СССР с тем, чтобы «научно» объяснить абсолютную, эсхатологическую закономерность гибели «империи зла», органически несовместимой с прогрессивным развитием человечества по единственно возможному для него пути либеральной демократии.

Два самых популярных конструкта такого рода – «конец истории» и «столкновение цивилизаций» – были быстро и весьма своеобразно освоены российскими историками и этнологами, включая кавказоведов. Они отождествили с образом бесконечного во времени и пространстве Зла всю историю России и ее взаимоотношений с нерусскими, в частности северокавказскими, народами. И пришли, по сути, к такому выводу: прошлое нашей страны с незапамятных времен наполнено явлениями, которые иначе как врожденной историко-генетической патологией назвать нельзя. Эта тупиковая ветвь глобальной цивилизационной эволюции была с самого начала приговорена к умерщвлению всей логикой мирового исторического процесса. Великая миссия уничтожения столь

чудовищной aberrации выпала на долю западной либерально-рыночной демократии, олицетворявшей собой самое совершенное, на что только способен род людской, апогей в его социально-генетическом и культурном развитии.

Одновременно с провозвестием Фукуямы явились «евангелия» от Хантингтона и Бжезинского, тут же ставшие предметами поклонения в нашем отечестве без пророков. Их идеи, дополняя и взаиморасшифровывая друг друга, с точки зрения идеологии и геополитической прагматики, образуют некий гибрид под названием «столкновение цивилизаций на великой шахматной доске».

Подтекст (как, впрочем, и контекст) книг этих авторов, явно пронизанный рекомендательными интонациями, таков, что и особо домысливать не нужно. Их главный посыл, обращенный к практикующим политикам, сводится к следующему. Извечная борьба народов и государств за жизненное пространство, ресурсы, место под солнцем никуда не исчезает, а лишь ожесточается и видоизменяется; глобальный естественный отбор теперь проявляется в форме конфликта между цивилизациями, в котором Запад должен доказать свою жизнестойкость и победить любыми путями; советская имперская система, как неудачный побочный продукт мировой истории, повержена, но оболящаться рано, ибо Россия еще слишком велика, богата и сильна, чтобы отказаться от курса на ее ослабление, расчленение и перевоспитание в максимально удобном для Запада коллективное существо.

Такой взгляд стал иконообразным теоретическим руководством для российских гуманитариев «новой волны», эдаким марксизмом-ленинизмом наоборот. Они, как это и случается с неофитами, поспешили применить идеи своих западных кумиров к исследованию внешнеполитической истории России. Результаты можно было предположить заранее. Выяснилось, что в этой истории якобы нет ничего, кроме завоевания чужих территорий, порабощения и уничтожения нерусских этносов, томления их под гнетом царской, а затем советской империй, в которых беспощадно подавлялось стремление к свободе, независимости, самобытности.

Из этого следовала целая цепь умозаключений.

Во-первых, СССР был еще более страшной «тюрьмой народов», чем самодержавная Россия.

Во-вторых, он представлял собой физическую и идейную угрозу евро-атлантическому миру, как военная сила и как вредоносный вирус,

способный вызвать фатальную мутацию человеческого общества, культуры, психики.

В-третьих, историческая борьба Запада против преемственно связанных между собой «империй зла» – российско-самодержавной и советской – была справедливой, оборонительной и спасительной стратегией, абсолютным императивом для евро-атлантической цивилизации.

И, наконец, главное: союзниками просвещенного Запада в вековой священной войне против варварского «Карфагена» были, есть и будут поработанные, нерусские народы царской империи, СССР и современной России, отказавшейся от либеральных ценностей.

Все это превращено в макрометодологический инструмент изучения истории Северного Кавказа. Почему такой примитивизм торжествует именно тогда, когда, казалось бы, появились беспрецедентно благоприятные условия для избавления от него и когда современная эпоха ставит перед интеллектуалами головоломные вопросы, будоражащие творческую мысль и воображение?

Дело, возможно, в том, что познавательный процесс, смысл которого – открытие тайн мироздания, – сам является тайной, поскольку порой очень сложно бывает установить, по каким законам он развивается, что в нем внутреннее, имманентное, а что внешнее, привходящее.

Если же делать конкретные предположения, то ничего не остается, как констатировать усиливающуюся зависимость современных гуманитарных исследований от идеологических течений, в свою очередь являющихся неотъемлемой частью ужесточающегося геополитического, экономического, культурно-цивилизационного соперничества в глобальном масштабе.

Во всяком случае, не чем иным, кроме как высокой степенью идеологизированности, нельзя объяснить тот уже упоминавшийся примитивизм, который типичен для многих российских и зарубежных кавказоведческих трудов. А коли так, то все становится на свои места и уже не приходится удивляться тому, что многовековую, сложнейшую и во многом загадочную историю Северного Кавказа можно легко и непринужденно уложить в элементарную схему, дающую один универсальный ответ на все вопросы, если, конечно, кто-то увидит смысл в том, чтобы их задавать поклонникам столь странного методологического минимализма.

Ныне такого рода редуцирование производится с помощью весьма нехитрого приема: сущностные характеристики некоторых целенаправленно отобранных сюжетов и явлений проецируются на всю историю

взаимоотношений России и Северного Кавказа. Самым вольготным поприщем для решения этой задачи считается тема Кавказской войны, осмысленная лишь в таких категориях, как вражда, ненависть, взаимоистребление, культурно-ментальная несовместимость и т.д. Наделять ее еще каким-то, более глубоким и неоднозначным содержанием – значит ломать всю методологическую, точнее идеологическую, конструкцию, основанную на политически ангажированном подходе.

Есть и другие трудности логического порядка. Они проистекают из давней проблемы определения временных и пространственных рамок Кавказской войны. Если ограничивать их 30-ми – началом 60-х годов XIX века и горными районами Дагестана, Чечни и Черкесии – это один взгляд на вещи, слишком узкий, чтобы вместить в него далеко идущие обобщения. Именно этим он не устраивает современных историков, которые искусственно «растягивают» содержательную ткань Кавказской войны и хронологически, и географически. В их интерпретации она началась если не с походов киевского князя Святослава (X век), то уж точно с Ивана Грозного (XVI век). Что касается локализации ее театра, то это, по меньшей мере, весь Северный Кавказ от моря до моря, а в принципе все кавказское пространство, где Россия только и делала, что воевала, разрушала, порабощала.

Некоторые политиканствующие ученые пошли еще дальше, вообще упразднив хронологические границы Кавказской войны. Она, оказывается, никогда и не прекращалась, о чем якобы свидетельствуют последняя треть XIX века, весь XX век и наше, новейшее, время. Иначе говоря, между политикой России (во всех ее исторических ипостасях) на Кавказе и Кавказской войной можно спокойно ставить знак равенства.

* * *

Автор видит свою основную цель отнюдь не в борьбе с этими мифологемами, несмотря на всю их злокачественность. По крайней мере – не в той борьбе, какую обычно ведут оппоненты, выбирая метод либо разрушения чужой концепции с помощью последовательно выстраиваемых аргументов, либо конструирования соответствующей контрконцепции. Учебные пособия – не место для таких научных операций, при том, что не подлежит сомнению сама по себе необходимость развития у студентов умения применять базовые элементы научного анализа.

С этой точки зрения, моя «сверхзадача» проще. Она – в том, чтобы с помощью совершенно конкретного материала довести если не до созна-

ния, то хотя бы до сведения тех, кто будет заниматься по этому учебнику, что они живут в великой многонародной державе, история которой наполнена триумфами, трагедиями, невероятной жизненной энергией, подвигами освоения умопомрачительных просторов, падениями в пучину безвременья, возрождениями из небытия.

Величие истории «этой страны» еще и в той ее уникальной цивилизационной особенности, которую констатировали многие мыслители, среди них И.Ильин, образно заметивший: «Сколько Россия приобрела народов, столько же и соблюла», то есть сохранила. Уже этого одного достаточно для чувства уважения к ней, тем более, если вспомнить об этносах, исчезнувших с лика земли в ходе беспощадной борьбы за существование. Многие из них стали жертвами настоящего геноцида, методично осуществляемого «просвещенными» западными колонизаторами, взвалившими на себя тяжкое «бремя белого человека».

Однако историческая заслуга России не только в том, что она спасла народы, но и в том, что сумела вдохновить их на строительство огромной многонациональной цивилизации в рамках имперского проекта, обладавшего магической силой культурно-духовного притяжения.

Данное учебное пособие призвано показать все это на частном, но типичном примере истории Северного Кавказа XVI–XX веков, неотъемлемой от истории государства Российского. Задача эта настолько же трудоемкая технически, насколько простая технологически. Тут нет необходимости прибегать к сверхизоощренным приемам концептуализации материала, сложным системам его отбора, просеивания, компоновки и интерпретации. Тут всего-то и нужно, что обратиться к хорошо известным опубликованным источникам и воссоздать историческую реальность с той или иной степенью приближения к «тому, что было».

Почему же тогда никто до сих пор не сделал этого в рамках обобщающего учебно-образовательного издания? Столь странное обстоятельство (учитывая актуальность данной темы и во многом нездоровый ажиотаж вокруг нее) послужило для меня едва ли не главным побуждением к исправлению того, что хотелось бы считать не более чем случайным недоразумением.

На возросшую объективную потребность в исторических знаниях о Северном Кавказе отечественные (и зарубежные) историки отвечают преимущественно трудами научного жанра (не будем возвращаться к теме об их качестве и идеологической оснастке). Они издаются небольшими или крохотными тиражами, о чем далеко не всегда приходится сожалеть, ибо порой это невероятно тоскливые и, что греха таить, не

вовне грамотные, а то и вообще безграмотные тексты. Живость в них появляется там, где лучше бы ее не было: речь идет об уже отмеченных нами русофобских оценках. Ни по содержанию, ни по форме эта литература, в значительной своей части, не пригодна для образования, духовного воспитания и нравственного оздоровления современной российской молодежи.

Что касается учебных изданий, которые по определению должны были бы выполнять подобную миссию, то они тоже страдают многими недостатками, и это уже чревато более серьезными и долгосрочными последствиями, чем те, которые могут принести «тысячи цветов», расцветающих на страницах «научных» книг откровенно антироссийской направленности.

Во-первых, имеющиеся учебные пособия лишены макроконцептуального единства, совершенно необходимого для такого рода издательской продукции, особенно сегодня. Макроконцептуализм – это не жесткий стандарт, направленный против творческого разномыслия. Это жесткий стандарт, противопоставленный ксенофобии и близким к ней разрушительным, экстремистским идеологиям. В нынешних условиях такой подход следует именовать не политизацией, а гуманизацией истории и исторического образования, спасением «умов нетвердых» от деструктивного зомбирования.

Во-вторых, в учебной литературе нет единого предметного пространства, которое включало бы крупные, общие для всего Северного Кавказа сюжеты, явления, процессы, достойные изучения в широком хронологическом и географическом контексте. Существующие учебные пособия, связанные, как правило, с соответствующими спецкурсами, лишают такой объект познания, как «история Северного Кавказа», цельности, тем самым сознательно или непреднамеренно упраздняя его вообще. Дробление исторического процесса и исторической материи, как реализация непрекращаемого принципа плюрализма, породило крайне тревожную тенденцию к «краеведенизации» вузовского и школьного обучения. Она, сливаясь с оголтелым мифотворчеством, принимает фантазмагорические, анекдотичные формы. Однако становится совсем не до смеха, когда понимаешь, сколько молодых людей попадает в зону поражения идеями национального превосходства и национальной исключительности – идеями, которые не могут существовать вне логического (озвучиваемого или подразумеваемого) посыла о чьей-то второсортности.

В-третьих, учебная или используемая как учебная литература превращена в поле, где сводятся идеологические и личные счёты между

местными историками, которые не обязательно принадлежат к разным этносам. Под какими только лозунгами ни ведется эта борьба: «вернуть народу его прошлое и его героев», «снять завесу лжи с человека долга и чести», «развенчать клевету фальсификаторов истории», «призвать Россию к покаянию», «восстановить историческую справедливость и правду, которая всегда одна» (и т.д.).

Встречаются и более изысканные формы прикрытия для этого мало-пристойного занятия. В них нет площадной риторики, вместо которой предлагается вроде бы здравая мысль – обсуждать острые проблемы истории Северного Кавказа в русле научного, а не идеолого-пропагандистского дискурса, изъев из него, кроме прочего, «все личное». Когда же ученые начинают с энтузиазмом и надеждой откликаться на такую профессиональную постановку дела, то выясняется, что их, оказывается, призывают безоговорочно разделить некую концептуально-теоретическую схему, которая «не оставляет никаких вопросов», поскольку представляется единственно верным взглядом на вещи.

В каком-то смысле этот весьма занимательный подход вольно или невольно имитирует идею «конца истории» с той разницей, что в данном случае провозглашается «конец историографии». Иначе говоря – методология исторической науки, достигнув своего конечного назначения, должна почтить в Бозе. Именно такой образ напрашивается в отношении концепций, которые разрабатываются лишь для того, чтобы «не оставить никаких вопросов».

Беда в том, что в эти безумные игры вовлекаются студенты, аспиранты, молодые преподаватели северокавказских вузов, в которых воспитывают чувство необходимости встать в «правильный» строй и под «правильные» знамена для борьбы с «врагами», борьбы до победного конца.

Сегодня, когда нужно собирать многонациональную Россию физически и духовно, состояние, в котором находится учебно-просветительская составляющая нашего кавказоведения, совершенно недопустимо. Понимают ли вузовские и школьные преподаватели на Северном Кавказе, открыто проповедующие воинственно-националистические идеи, что они работают на уничтожение и своей страны, и своего народа? Даже и не знаешь, что здесь хуже – святая простота (как сейчас выражаются, «позитивное заблуждение») или преднамеренное действие.

Как бы там ни было, ясно одно: давно назрела и перезрела необходимость кардинально пересмотреть сложившуюся в постсоветские годы практику невмешательства государства в учебно-образовательный и учеб-

но-воспитательный процесс там, где дело касается преподавания отечественной истории вообще и истории Северного Кавказа в частности.

Все это вместе взятое оправдывает, на наш взгляд, идею осуществления крупного учебно-методического и издательского проекта под общим названием «Политическая история Северного Кавказа XVI–XX веков», предполагающего пять томов: том 1 (XVI в.–1762 г.), том 2 (1762–1829 гг.), том 3 (1829–1864 гг.), том 4 (1864–1917 гг.), том 5 (1917–1991 гг.). Данная структура одновременно является и периодизацией. Она, как ей и положено быть, условна. Однако посвященные сразу поймут ее логику, даже если совершенно справедливо посчитают, что периодизация может быть как более, так и менее детальной, по сравнению с предложенной.

Каждый том, оставаясь с точки зрения методологии, методики, стиля, неотъемлемой частью издания, также может использоваться в учебном процессе в качестве отдельного пособия, охватывающего определенный исторический отрезок. Сочетание интегративного и структурно-хронологического принципов изложения материала позволило, как мне кажется, соблюсти внутреннее, концептуальное единство авторского замысла.

Я стремился соединить два классических и, по большому счету, не противоречащих друг другу подхода к историописанию. Одного из них придерживался С.М.Соловьев с его идеей целостности и преемственности исторического развития, другого – В.О.Ключевский, тоже не отрицавший «естественного и органичного» течения истории, но в то же время видевший в ней драму, разделенную на акты.

Прошлое Северного Кавказа, бесспорно, заслуживает того, чтобы изучать его, опираясь, в том числе, и на бесценное наследие русской историографии и источниковедения XIX – начала XX века. Данное убеждение заставило меня погрузиться в эту сокровищницу гораздо глубже, чем доводилось ранее, и вновь прийти к выводу, что она открыла нам еще далеко не все свои тайны и богатства. То же относится и к зарубежной литературе и источникам.

Работы здесь непочатый край. Она требует большого труда и времени, которого у вузовских и школьных преподавателей очень мало. Поэтому, чтобы сэкономить чужие силы, я решил потратить свои. Для благородного дела – не жалко.

РОССИЯ В МИРЕ

Мое будущее есть обнаружение моих свойств, и будущее человечества – обнаружение его свойств.

Только в человеческом обществе взаимодействие принимает специфически-сознательную форму.

**Доходит до «логического» или
научного взаимодействия и дает
свои высшие плоды в виде
культуры.**

Питирим Сорокин





Владимир Лапин

ИСТОРИЯ РОССИИ В РАМКАХ ИСТОРИИ ТЕХНОЛОГИЙ.

КАК БЫЛО, КАК ЕСТЬ,
А КАК БУДЕТ?¹

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94
17.023.36

It is indisputable that the 21st century as well as the preceding century is the period of rapid transformations in the world of technologies. It turns out that position of every country in the world stage is increasingly depending on an extent to which a country succeeds in adjustment to generational change of machines and forms of labor organization. Historical traditions and mentality of population and of national elite find expressions in this breathtaking competition. Types of social and productive relationships of the past epochs that seem to be moribund reemerge first as menacing shadows and then acquire flesh and in its renewed forms they feel quite comfortable among very sophisticated devices the very ideas of which only fantasists or scientists who normally direct their regard to the future could grasp just a decade ago. The concluding article casts the total to the historian's reflections on chances of Russia in the technological race and on the burden of the historical heritage that impedes progress of Russia in this race.

Ключевые слова: эволюция путей и средств сообщения; социальная мобильность; экологическая история России; охотничья культура; технологическая дисциплина; воздействие техники на общественное развитие.

Key words: evolution of ways and means of communication; social mobility; ecological history of Russia; hunting culture; technological discipline; influence of engineering on public development.

E-mail: history@spb.ru

¹ Окончание цикла статей. Начало см.: Россия и Европа: погоня на поле технологий // Россия XXI. 2009. №4; История России в рамках военных технологий XVII – XXI вв. // Там же. №5.

Император Николай I был крут и афористичен. Его фраза о том, что в России две беды – дураки и дороги, известна, пожалуй, всем соотечественникам, хотя и без указания авторства. В другой раз царь сказал: «Расстояния – наше проклятье». Действительно, национальная гордость по поводу того, что наша страна занимает одну шестую часть суши, выглядит несколько странно, когда надо проехать по этой самой суше из пункта А в пункт Б, путь между которыми можно измерять Бельгиями. При этом визит в настоящую Бельгию не наносит удар по тому же национальному самолюбию только в том случае, если в этой маленькой, но очень благоустроенной (и этим очень гордой!) стране одновременно оказывается на гастролях балетная труппа Мариинского или Большого театра. Наши необъятные просторы в технологическом отношении крайне затрудняли и затрудняют коммуникацию между экономическими регионами, подталкивали и подталкивают к экстенсивному пути развития, способствовали и способствуют нерациональному использованию территории, оттягивали и оттягивают переход к экологически безопасным технологиям.

Европейцев, посещавших Россию во второй половине XVII – начале XIX в., поражало развитие мелкой крестьянской металлургии. В крошечных домницах, конструкция которых не менялась с момента перехода от эпохи бронзы, селяне выплавляли железо для изготовления нехитрых и недорогих изделий. Они получали металл из местных болотных руд, которых не хватало для устройства крупного предприятия, поскольку доставка сырья из рассеянных месторождений резко удорожала производство². Расстояния вкупе с техническими возможностями транспорта в «дожелезнодорожную» эпоху ставили жесткие преграды на пути внедрения передовых технологий, возможных только на крупных предприятиях. Единственными сухопутными транспортными средствами в этот период были телеги (сани), поднимавшие зимой 250–400, а летом – 200–250 кг груза. Скорость передвижения составляла 3 версты в час или 30 верст в сутки при дальних перевозках. Так, Олонецкий Александровский и Кончезерский заводы, потреблявшие на рубеже XVIII–XIX веков 9 600 тонн руды ежегодно, требовали для своего обслуживания 7 500 возчиков. Кроме руды, топлива и воды, для производства металла требовался известняк (до 20% к весу руды), а также огнеупорная глина.

² Любомиров П.Г. *Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947. С.217–220.*

Приписные крестьяне³ обязывались возить руду и другие припасы на заводы из расчета 0,05 копейки за пудо-версту (с 1779 года по 0,1 копейки за пудо-версту). Вольные возчики нанимались за более высокую плату. Близкое расположение рудников становилось условием рентабельности производства. Более выгодным был водный транспорт: барки-«коломенки», обычные для волжско-балтийских путей, поднимали 3 000–6 000 пудов, волжско-камские – в два раза больше. От Чусовой пристани на Каме до Астрахани доставка стоила 11–12 копеек за пуд, 16–18 копеек – до Рыбинска, 25–26 копеек – до Петербурга и Калуги⁴. Однако на пути развития водного транспорта в России встала природа. Во-первых, практически все реки – как в Европейской части страны, так и в Сибири – текут в меридиональном направлении. Для доставки грузов от Урала, считавшегося с начала XIX в. местом уже довольно обжитым, к берегам Тихого океана приходилось совершать поистине героическое путешествие. Обычное направление было таким: по реке Туре от Екатеринбургa груз сплавлялся до Тобола, затем по Иртышу – в Обь. Потом следовал трудный путь против течения Оби и ее притока Кети. В зависимости от размеров лодок и уровня воды в реках волок к притоку Енисея реке Большой Кас составлял от 25 до 45 км. Здесь путников ждало нелегкое путешествие против течения рек Енисей, Ангара и Илим до того места, где за невысоким хребтом начинался бассейн Лены. По Алдану, Мае и Юдому караван тянулся к волоку до речки Охоты, впадавшей в «одноименное» море. На карте эта трасса выглядит весьма замысловатым зигзагом. Путь до Байкала обычно занимал 5 месяцев, до Охотска – 8 месяцев.

Проложить голубую дорогу с запада на восток и с востока на запад можно только устройством каналов – делом дорогим и технически сложным. Гидрологический режим всех водоемов России зависит от ее континентального климата: долгое покрытие льдом, мощное половодье и ярко выраженный межень в конце лета, когда сильно мелели даже такие реки, как Волга. В районе нынешнего Волгограда существовал Телячий брод: в июле–августе в нижнем течении «русского Нила» можно было перегнать скот с берега на берег. В этих условиях строительство каналов и шлюзов было делом почти бессмысленным: первая же

³ Феодальнозависимая категория населения, «принадлежавшего» предприятиям и переходившего к новому собственнику вместе с производственными мощностями.

⁴ Любомиров П.Г. Указ. соч. С.302–304, 310–311.

дружная весна после многоснежной зимы унесла бы все труды гидро-техников в Каспийское море.

Протяженность шлюзованных участков и размеры самих камерных шлюзов являлись важнейшим показателем развития водных путей сообщения. Первые сооружения такого рода появились в Италии в XV веке и предназначались для облегчения условий подвоза мрамора к строящемуся знаменитому Миланскому собору. К началу XVIII столетия голубые магистрали сыграли огромную роль в экономическом развитии Западной Европы. До складывания сети железных дорог именно речные и морские суда перевозили грузы, транспортировка которых гужом была либо технически невозможна, либо нерентабельна. Водный транспорт – спутник и соавтор технического прогресса на Европейском континенте. Европейские гидростроители накопили громадный опыт к тому времени, когда к строительству каналов и шлюзов приступила Россия.

XVIII век – век рационализма – не случайно стал веком бурного гидростроительства в Европе. Для XVII–XVIII веков система шлюзов была демонстрацией торжества человеческого гения над природой. Судно получало возможность перебираться через водораздел, не превращаясь, как это было на волоках, в тяжкий и малополезный груз. Поднятие барки в «гору» для человека петровского времени было чем-то сродни полету аэроплана в начале века прошлого или старту ракеты для современников. В России петровской строительство каналов являлось и своеобразным проявлением идеологии: «регулярному государству» требовалось регулярное движение по речным и сухопутным путям.

В Европе водный транспорт сыграл решающую роль в развитии тяжелой промышленности и индустрии в целом. Превращение Англии в «мастерскую мира» было невозможно без тысяч барок, доставлявших по многочисленным каналам топливо, сырье, металл, строительные материалы и тому подобные тяжеловесные грузы по месту назначения. В России же реки служили в основном для экспортных операций (прежде всего – вывоз зерна). О значении водного транспорта говорит такой факт: отсутствие удобных сплавных рек привело к тому, что леса Кавказа, где преобладали ценные породы (бук, дуб, орех и т.д.) не стали источником древесины. Более того, экономически выгоднее оказывалось доставить бревна из-под Воронежа по Дону в Таганрог и затем на корабле перевезти их в Туапсе или Сухуми, нежели заготовить такой материал в окрестных лесах у этих городов.

Развитие речного и железнодорожного транспорта является спутником урбанизации и даже в значительной степени ее средством. Только большегрузная барка и вместительный вагон в состоянии доставить нужное количество продовольствия, сырья и топлива в человеческие муравейники и вывезти оттуда произведения сотен тысяч рабочих рук. Суда и поезда проходят мимо множества сел, но их конечный пункт – всегда какой-то один город.

В 1921 году из-за разрыва международных торговых связей и транспортной разрухи в Петроград завезли всего 98 тыс. тонн угля, в 18 раз меньше, чем до войны. Не выручали ни нефть (272 тыс. тонн), ни дрова, которых в городе оказалось 458 тыс. тонн, в два с лишним раза меньше необходимого⁵. Жизнь показала, что Петроград не должен зависеть от импорта угля. Практически все кочегарки колыбели трех революций потребляли топливо, привезенное из Англии. Доставка отечественного угля из Донбасса обходилась дорого: каждый четвертый вагон топлива, отправлявшегося оттуда к берегам Невы, расходовался на его доставку и обратный перегон порожняка⁶. В 1920-е годы родилась даже теория «затухания Петрограда», согласно которой большинство крупных заводов следовало перевести во внутренние районы страны – ближе к источникам энергии и сырья. Огромные расстояния и связанные с ними непомерные транспортные расходы стимулировали развитие «автаркичных» схем производства, когда все или почти все необходимое сосредоточивалось в одном месте. Дороговизна транспорта и его ненадежность (установить точный график доставки было практически невозможно) оказались дополнительным серьезным препятствием для развития специализированных производств, где в первую очередь практиковались разного рода технологические новшества.

Устройство надежных дорог для колесного транспорта было делом непростым вообще, а в России – в особенности. Препятствовала тому долгая и холодная зима с высоким снежным покровом, а осенью и весной распутица. Во многих губерниях необходимые для строительства шоссе камень, щебень и гравий приходилось завозить издалека, что чрезвычайно удорожало строительство. Гидрологический режим рек России ставил ряд трудных задач перед мостостроителями. Прежде всего, следует сказать, что на территории России была намного более

⁵ Цыперович Г. *Будущее Петрограда. Докладная записка Петроградского совета Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету*. Пг., 1922. С.20.

⁶ Там же. С.37.

густая сеть мелких рек и ручьев, чем в западной Европе. Это связано с сохранением большей площади лесов. Весеннее половодье превращало речки и ручьи в грозные потоки; весной льдины таранили сооружения. Понижение уровня воды зимой приводило к тому, что лед повисал на конструкциях, не рассчитанных на такую тяжесть. Летом реки сильно мелели, деревянные конструкции высыхали и деформировались. Металлические детали, а в безлесных районах и деревянные были завидной добычей любителей казенного добра. Таким образом, мост в России был дорогим и очень уязвимым сооружением. Зимой и летом большинство рек переставали быть преградами. С ноября по март держались ледовые переправы, а в июле–августе и на крупных реках существовали броды (даже на средней и нижней Волге!). Таким образом, летом и зимой мосты были не очень и нужны, а весной и осенью главным препятствием была распутица. Получался своего рода замкнутый круг: отсутствие мостов делало движение весной и осенью почти невозможным, но летом и зимой они оказывались ненужными.

Железные дороги и вокзалы в России становились островками европейской цивилизации не только потому, что этот вид транспорта пришел с Запада. Здесь сама технология настоятельно требовала строгого соблюдения графика, отсюда – особая точность расписания движения. Именно локомотив внес в жизнь россиян представление о минуте как о практически значимом отрезке времени. Организация пассажирского сообщения требовала от «периферии» европейского типа второй половины XIX в., чтобы человек тратил на подъезд к станции заранее рассчитанное количество часов или минут. Но движение по российским проселкам рассчитать было не менее трудно, чем плавание на паруснике в бурном море, и потому путники в своем стремлении не опоздать приезжали обычно заранее. Для удовлетворения их потребностей на вокзале создавалась соответствующая структура – рестораны, разного рода торговля и т.д. В Петербурге человек знал, сколько ему надо ехать с Васильевского острова до Варшавского вокзала, но, во-первых, к поезду собирались не только горожане, а во-вторых, многие петербуржцы несли в себе рудименты сознания провинциалов, привыкших все делать загодя. Большую роль играло и то обстоятельство, что в XIX – начале XX в. сама поездка была не рутиной, а настоящим событием. Путешествие начиналось в момент принятия решения о нем, само по себе было довольно длительным, и потому прибытие на вокзал задолго до отхода поезда не оказывало существенного воздействия на его общую временную протяженность.

Передвижение людей играло огромную роль в культурных процессах. Горизонтальная социальная мобильность служит важным показателем развития общества. В экономических системах с высокой натуральностью хозяйства подвижность населения и элементов производства минимальны: сама деятельность, модель потребления сужают поле деятельности. Развитие техники, усложнение технологий неминуемо ведут к быстрому развитию транспорта, причем более быстрыми темпами, чем сам грузо- и пассажиропоток как таковой, потому что средствам транспорта приходится, кроме полезного груза, перевозить «воздух» и самих себя. При этом следует учитывать влияние изменения жизненных стандартов на интенсификацию пассажиропотоков. Улучшение условий путешествий привело к тому, что в путь решались пуститься те, которых ранее сдерживал страх перед разбойниками, тяготами пути и дороговизна. Усиление потока путников и грузов в свою очередь стимулировало развитие транспортных средств и дорог. В Европе где-то в XVI–XVIII вв. круг замкнулся, и транспортный маховик стал наращивать обороты.

Развитие транспортных технологий в России (как, впрочем, едва ли не все восприятие элементов европейской цивилизации) имело две стороны. С одной – государство всячески стимулировало развитие транспорта для удовлетворения потребностей вооруженных сил (доставка провианта, фуража, металла, судостроительных материалов). Важную роль в развитии средств сообщения играло стремление улучшить управляемость государственным аппаратом. Кроме того, здесь в полной мере сказывались патерналистские установки российской государственности. Правительство отвечало за все и потому должно было делать страну проезжей, без чего невозможно было развитие торговли, промышленности, подвоз хлеба в неурожай и т.д.

С другой стороны, составной частью государственной политики была минимизация подвижности населения, ярко проявлявшаяся в функционировании жесткой паспортной системы, в других ограничениях полицейского характера, в сохранении общинной системы. Таким образом, в самом решении транспортной проблемы в России изначально были заложены глубокие противоречия. Общее место в историографии железнодорожного дела в России – приоритет военных, стратегических интересов. При этом мало говорится о том, что эти интересы в подавляющем большинстве случаев в корне расходятся с интересами общества.

Общество в России не могло защитить свои «транспортные» интересы через бюджетную политику из-за отсутствия соответствующих представительных учреждений либо прямо – путем строительства дорог частными лицами. Во втором случае на пути вставала природа, пространство и дороговизна строительства. Не случайно поэтому частные железные дороги в России строились только в местах с оживленным сообщением и имели небольшую протяженность. Строительство протяженных магистралей было в России не по силам частным предпринимателям. Формирование транспортной сети государством, и прежде всего в интересах государства, сама организация российского пространства стали еще одним мощным инструментом воздействия на общество. В отечественной исторической литературе этому феномену еще не уделено должного внимания.

В конце XVIII – начале XIX в., когда главным источником энергии для промышленности был каменный уголь, Россия оказалась в явно невыгодных условиях. Только в конце XIX века донецкий уголь и бакинская нефть позволили броситься в погоню за ушедшим вперед Западом. Необходимость импортировать топливо легла тяжким грузом на отечественную экономику 1840–1880-х годов. В период, когда нефть стала завоевывать первенствующие позиции на рынке энергоресурсов, положение России заметно улучшилось благодаря наличию месторождений высококачественной нефти.

Одной из причин долгого существования в России «классической» рассеянной мануфактуры можно назвать чисто техническую проблему: затруднения с устройством заводской плотины. Равнинный характер России, неустойчивый гидрологический режим многих рек, высокая хозяйственная ценность поймы (лучшие сенокосы на заливных лугах уничтожались водохранилищем и около него), большое значение рек как транспортных путей вызывали неприязненное отношение крестьян к фабрикантам и вынуждали заводчиков устраивать валяльную мельницу зачастую «на отшибе» от остальных производственных помещений⁷.

Технологическими же причинами объяснялось и распространение мелкой металлообработки. Кузнечная мастерская могла обходиться без водяного двигателя, кузнец производил продукцию мелкими партиями и, учитывая спрос и вкусы местного рынка, без особого труда обеспечивал себя топливом. Сосредоточение же нескольких десятков мастеров

⁷ Любомиров П.Г. Указ. соч. С.40–44.

такого профиля на крупном заводе, не принося видимого профита, прибавило бы забот по обеспечению углем еще одного подразделения⁸.

Проблему огромных расстояний унаследовали большевики, которые принялись за ее решение с революционным азартом. Транспортное строительство стало одним из приоритетных направлений индустриализации; строительство знаменитого Турксиба – едва ли не самый яркий пример. Колоссальные усилия прилагались к развитию внутренних водных путей. Тому были три веские причины. Во-первых, многие промышленные центры, как уже существовавшие, так и намеченные к строительству, располагались на берегах судоходных рек, что облегчало доставку сырья и топлива. Во-вторых, Советская Россия считала себя (и действительно была) «осажденным лагерем» из-за враждебного капиталистического окружения. Слабый военно-морской флот СССР в довоенную эпоху не мог обеспечить безопасность своих берегов, а о доступе к океанским коммуникациям в случае конфликта с западными державами не могло быть и речи. В этих условиях значение внутренних коммуникаций, недоступных удару извне, приобретало особое значение. В-третьих, для устройства каналов, шлюзов, для спрямления речного русла требовались огромные объемы земляных работ. А это удел неквалифицированных тружеников, в том числе и подневольных, в которых при Сталине не было недостатка. Символом такой стройки стал Беломоро-Балтийский канал, имевший минимальное экономическое значение. Была проведена также глубокая реконструкция Мариинской и Северо-Двинской водных систем, построен канал имени Москвы, позволивший добавить к эпитетам коммунистической столицы еще один – «Порт пяти морей». В послевоенные годы была осуществлена давняя мечта речников: соединены судоходным каналом Волга и Дон, а по трассе Мариинской системы сооружен грандиозный Волго-Балтийский водный путь. Н.С.Хрущев в своей речи на XXII съезде обозначил в качестве приоритетной задачи гидростроительства соединение Черного и Балтийского морей по трассе Неман–Припять–Днепр. Страсть к масштабным стройкам (а гидросооружения по определению должны быть великими) объяснялась еще и тем, что борьба с природой, всякие повороты рек, укрощения Днепров и Енисеев являлись частью ментальности зодчих советской политики. Это были зримые, хотя и не всегда экономически целесообразные, доказательства успеха советского строя в соревновании с «загнивающим западом». Нельзя забыть еще об одной стороне строек века. Каждое водо-

⁸ Там же. С.434.

хранилище навсегда хоронило тысячи гектаров ценных сельскохозяйственных угодий и лесов, что было возможно только при полной государственной собственности на землю, поскольку не требовалось компенсировать ущерб владельцам затопленных земель. Даже с личной собственностью селян и горожан, попавших в зону «переселения», не особенно церемонились.

Если водный, железнодорожный и морской транспорт получили заметное развитие как в предвоенные, так и в послевоенные годы, то автомобильный и авиационный явно отставали от потребностей государства. О потребностях населения речи не было, поскольку его интересы не учитывались вообще. Автомобиль и самолет – технические антиподы института т.н. «прописки», жесткой системы административного регулирования миграции населения. Препятствием для быстрого развития автотранспорта стала также высокая стоимость строительства шоссе, сооружение которых в значительной степени теряло смысл из-за малой интенсивности сухопутного транспортного сообщения. До сей поры Дальний восток Российской Федерации не имеет прямого надежного автомобильного сообщения с ее европейской частью. По своему качеству федеральные трассы отличаются от региональных и местных только тем, что на первых водители клянут за убийственные выбоины власть центральную, на вторых – губернскую, на третьих – районную.

Советская транспортная система работала гораздо медленнее западной (речь идет о скорости доставки пассажиров и особенно грузов) уже по той причине, что лозунг «время–деньги» в условиях социализма не был наполнен никаким смыслом. В условиях же свободного рынка скорость перемещения грузов тесно увязывалась с прибылью. Здесь-то и крылась одна из причин того, что узлы, отвечавшие за погрузку–разгрузку и сортировку грузов за рубежом, значительно превосходили по своим технологическим параметрам аналогичные отечественные структуры.

Милитаризация промышленности имела своим следствием то, что военная техника (танки, истребители, бомбардировщики и штурмовики) по своим техническим показателям не только не уступали иностранным аналогам, но даже часто их превосходили (и превосходят, и проявляют все признаки того, что будут превосходить). В то же время автомобили и гражданские самолеты бесспорно уступали западным собратьям по типу и классу (и уступают, и не проявляют признаков того, что не будут уступать). Это объяснялось тем, что население фактически было лишено возможности выбора и спрос не оказывал давления на производите-

лей, вынуждая принимать меры для улучшения качества продукции и ее технического и морального обновления. Исчезновение печально знаменитого «железного занавеса» и включение России в свободный мировой товарообмен в ряде случаев только усугубили ситуацию в области развития транспортной техники. Получив возможность выбора, скольконибудь состоятельный российский гражданин однозначно выбирал импортное изделие. Единственной конкурентной чертой большинства родных вещей стала их сравнительная дешевизна и традиционная ремонтпригодность, от которой во многих сферах за границей вообще отказались (вещь служит без поломок отведенный срок, а затем заменяется новой без затрат на ремонт, дорогостоящий и бессмысленный из-за морального и технического старения). Значительный и безответственный государственный заказ, боязнь социальных потрясений в моногородах и связанные с этим вливания из казны в «тонущие» предприятия и целые отрасли консервируют техническое отставание, выглядящее все более и более впечатляющим.

Огромные просторы подталкивали к созданию армии, большой по численности не только потому, что надо было оберегать рубежи, протянувшиеся от Белого моря до Черного и от Черного до Сахалина. переброска войск с одного возможного театра военных действий на другой затруднялась слабым развитием транспортной инфраструктуры. Деньги, которых остро не хватало на модернизацию вооружений, шли на прокормление бесчисленных батальонов. Руководство военно-морских сил Франции считало главной своей проблемой неизбежное разделение флота на две части – Средиземноморскую и Атлантическую. Россия оказалась перед необходимостью делить свой флот на четыре части (Балтика, Черное море, Север, Тихий океан). Для того, чтобы перебросить корабли из одного бассейна в другой, надо совершать дальние переходы, надо в четырех бассейнах создавать базы и береговую инфраструктуру, которая может быть качественно (технологически) совершенной только при богатстве казны. А где оно, это богатство?

**«Много в ней лесов,
полей
и рек...»**

Одной из оборотных сторон развития цивилизации является деградация природы, особенно в тех местах, где восстановительные возможности вод, почвы, флоры и фауны начинают уступать антропогенному воздействию. Россия не имела каких-то принципиальных особенностей своей экологической истории,

с той лишь разницей, что общество заинтересовалось охраной окружающей среды гораздо позже, чем на Западе. Фактически какое-то давление с его стороны государство стало ощущать только в годы перестройки, когда в эту сферу переместилась политическая активность граждан.

Одной из причин традиционного равнодушия к проблемам сохранения окружающей среды был миф о небывалом, «неисчерпаемом» богатстве природы России. Составляющих этого мифа – множество. Среди них и очень авторитетные для россиян высказывания европейцев, любовно цитируемые в отечественных публикациях. Возьмем хотя бы то, как восхищались богатством фауны Восточноевропейской равнины иностранцы-путешественники. Сигизмунд Герберштейн, совершивший поездки по России в 1517 и в 1526 годах, в своих «Записках о Московитских делах» не раз писал о многочисленных диких животных, попадавшихся на его пути от польских рубежей до приволжских степей. Западные уезды богаты буйволами, зубрами и лосями, а на Дону «...дичи множество, и ее так легко добывают стрелами, что путешественники в тех краях нуждаются только в огне и соли»⁹. Не отставали от иностранцев и россияне. В 1552 году во время похода на Казань армия Ивана Грозного кормилась тем, что ей бог посылал: «...лоси являлись стадами, рыбы теснились в реках, птицы сами падали на землю перед нами»¹⁰, – писал один из участников этого военного предприятия. Михаил Литвин в следующих словах описал богатство фауны юго-западной России XVI века: «...Зверей такое множество в лесах и степях, что дикие волы, дикие ослы и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается кроме филейных частей, коз и кабанов оставляют без внимания. На берегах живет множество бобров. Птиц удивительно много, так что мальчики весной наполняют лодки яйцами уток, гусей, журавлей, лебедей и потом их выводками наполняются и птичьи дворы...»¹¹. До XVI столетия охота была выгодным промыслом для московских князей, а охотничьи угодья служили одним из важнейших, если не важнейшим, источников дохода. Князья поселяли на своих землях, богатых дичью и особенно пушниной, зависимых людей – т.н. «делноев», которые за пользование угодьями обязывались ловить зверей¹². Судя по тому, что

⁹ Цит. по: Силантьев А.А. *Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С.3.*

¹⁰ Там же. С.4.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

дань уплачивалась мехами, леса были доступны всем и каждому. Право частной собственности распространялось только на бобровые гоны, т.е. на те участки, где в изобилии водились эти зверьки с драгоценным мехом. Известный источник по истории Древней Руси «Русская правда» уделяет большое внимание охоте – за различные нарушения в этой области назначались суровые наказания.

Весной в некоторых губерниях практиковался совершенно варварский способ охоты – гон дичи по насту. Мартовское солнце или короткие оттепели в сочетании с ночными морозами создавали прочную ледяную корку, по которой легко скользили лыжники, но которую пробиwały копыта лесных зверей. В этих неравных условиях охотник легко достигал любого зверя, ноги которого оказывались изранены о наст. Имеются свидетельства о том, что нередко в таких загонах за один раз убивалось по несколько десятков лосей или других копытных, причем без особой пользы для самих охотников, не имевших физической возможности вывезти свою добычу из леса. Справедливости ради, надо сказать, что такой дикой охотой занимались не промысловики, а обычные крестьяне, для которых охота не была основным или даже особо прибыльным занятием. Таким же диким и бессмысленным избиением (бессмысленным из-за невозможности переработать или сохранить добычу) была охота на водоплавающую дичь во время линьки. Селяне в лодках гонялись по водоемам за гусями и утками, которые из-за выпадения маховых перьев на некоторое время лишались возможности взлететь, и глушили птиц палками. «Тотальному» отлову в ряде мест подвергались перепелки и куропатки.

Можно говорить о принципиальном различии в охотничьей технологии и в охотничьей культуре населения промысловых и непромысловых губерний. Жители губерний, где основным занятием стало сельское хозяйство или отхожие промыслы, рассматривали охоту и рыбную ловлю как источник дополнительного дохода или, скорее, дополнения к рациону. Этим занятиям отводились, как правило, праздничные и свободные от полевых работ дни. Уже одно это обстоятельство неминуемо придавало охоте и рыболовству характер забавы, со всеми последствиями для предмета забавы. Трудно представить себе корову или рабочую лошадь в качестве такой «забавы». Обычно крестьяне не владели навыками настоящих охотников, не имели хорошего промыслового снаряжения и потому были склонны применять «простые», т.е. в большинстве случаев варварские, способы охоты типа уже упоминавшегося избиения линяющих гусей или лишенных подвижности из-за наста лосей. Каждая

такая «удачная» охота надолго опустошала данную местность и накапливала желание крестьян восполнить долгий «пост» новой удачной охотой, как только представятся необходимые обстоятельства. Таким образом, хищническая охота в непромысловых губерниях создавала замкнутый порочный круг, разорвать который оказывалось невозможно никакими грозными приказами и штрафами. Мир дикой природы, дичь были чужими крестьянину средней полосы и Черноземья, дичь была ничьей, божьей. Заяц, лось, щука не имели и в принципе не могли иметь хозяина. Важной причиной браконьерства крестьян было то, что охотой и рыболовством, как уже говорилось, крестьяне занимались в свободные от полевых работ дни. Наибольшее число таких дней в средней полосе России выпадало на начало июня: посевная была завершена, а сенокос еще не начинался. Этот сезон – время наибольшей уязвимости дичи, как четвероногой, так и пернатой, время выведения потомства, когда в «промысловых» сообществах исключается всякая охота вообще.

Таким образом, сельскохозяйственный календарь, технология зернового хозяйства в европейской России создавали условия для хищнической охоты и рыбной ловли. В последнем случае можно с уверенностью сказать, что «водным гадам» просто повезло: их не выловили подчистую только потому, что в распоряжении крестьян не было соответствующих орудий лова. Если бы в деревне была взрывчатка – поговорки про карася, щуку и ерша были бы малопонятны значительной части населения страны по незнакомству с таковыми. Опросы, проведенные по 50-ти европейским губерниям в конце XIX века, показали, что в непромысловых губерниях значительная (или даже большая) часть крестьян занималась охотой и рыболовством для получения дополнительного дохода. Практически во всех случаях в отчетах упоминалось, что «они-то в основном и занимаются хищнической и несвоевременной охотой»¹³.

Во второй половине XIX века в Архангелогородской и Вологодской губерниях функционировали четыре специализированные ярмарки¹⁴, на которых формировались партии дичи, направлявшиеся в столицы и в другие города. По установившемуся зимнему пути шли обозы с рябчиками, тетеревами и глухарями, первых считали по 1 000 штук на воз,

¹³ Там же. С.252.

¹⁴ Никольская – Пинега, Введенская – Великоустюжский уезд, Георгиевская – Усть-Сысольский уезд и Андреевская – посад Красный Бор.

вторых – 500, третьих – 250 штук. Всего в 1870-е годы в Петербург привозили 2–3 млн. штук битой дикой птицы¹⁵.

Катастрофические последствия для животного мира, и прежде всего для пушных зверей, имело распространение торгово-денежных отношений в этой сфере, развитие частного предпринимательства в торговле мехами. Уже уплата налогов шкурами (ясак) негативно сказывалась на поголовье соболя, песца, лисы, бобра. Когда же за дело взялся алчный скупщик-промышленник, началось настоящее истребление ценных видов животных, район их обитания постоянно сжимался, отодвигался в малодоступные районы. Поскольку основная масса мехов добывалась в Сибири и на севере европейской России, промысловики оказывались в специфических условиях абсолютной монополии скупщиков, нещадно их эксплуатировавших.

Транспортные и информационные проблемы (фактическое отсутствие того и другого) приводили к тому, что торговец полностью контролировал «свой» район, скупал добычу в обмен на товары по совершенно фантастическим ценам, загонявшим промысловиков в долговую кабалу, принимавшую подчас наследственный характер. Опутанный долгами сибиряк нарушал заповеди таежного охотника, связанные с соблюдением сроков и правил охоты, спивался, деградировал и формировал принципиально иное отношение к богатствам своего родного края, напоминая своими действиями люмпена с двустовкой из центральных великорусских губерний¹⁶. В сельском хозяйстве нарушение технологий в ряде случаев компенсировалось резистентными адаптационными способностями растений и животных (чего нет у машин и механизмов). Но, с другой стороны, в отличие от промышленного и ремесленного производства, в сельском хозяйстве последствия нарушения технологии могут иметь более тяжелый характер в связи с длительностью и порой необратимостью производственного цикла. Другими словами, если работник травил скот недоброкачественным кормом, восстановление стада требовало длительного времени, большего, нежели ремонт механической пилы, сломанной из-за разгильдяйства его промышленного «собрата».

Основным топливом в металлургической промышленности и в металлообработке до первой половины XIX века были древесина и древесный уголь. Для производства 1 кг чистой меди в зависимости от

¹⁵ Силантьев А.А. Указ. соч. С.422–423.

¹⁶ Там же. С.479.

сорта руды требовалось от 20 до 120 кг угля, для выплавки 1 кг чугуна полагалось 4 кг угля, для выковки 1 кг железа – еще 4–6 кг. Для получения 1 кг угля требовалось пережечь примерно 3 кубических метра дров в зависимости от породы дерева. Таким образом, изготовление одной пушки самого распространенного в начале XIX века 12-фунтового калибра требовало 27 000 кубических метров дров. Кроме того, значительное количество древесины требовалось для устройства шахтных креплений, для отопления производственных и жилых помещений, для обжига руды, для промышленного строительства. Установка паровой и крайне неэкономичной машины (2–3% КПД) поднимала планку энергопотребления еще выше. Учитывая неизбежные потери при заготовке и транспортировке топлива, можно с уверенностью говорить, что даже не очень крупный завод стремительно опустошал окрестности и через 20–30 лет работы радикально изменял ландшафт. Причем происходила замена пород деревьев и соответствующие изменения в остальной флоре и фауне, изменения в гидрологическом режиме местных водоемов¹⁷. В Европе высокая плотность населения и концентрация промышленности подталкивали к мерам по уменьшению загрязнения окружающей среды, поскольку восстановительные возможности природы имели свои пределы. В России можно было беззастенчиво сбрасывать загрязненную воду куда попало, поскольку общие колоссальные потоки разбавляли стоки не только до безопасных, но и до незаметных концентраций. Так же не выглядели катастрофическими последствия хищнической выруб-ки лесов и охоты.

Для самоочистки рек и озер России большую роль играл гидрологический характер этих водоемов. Мощное половодье ежегодно их основательно промывало, и загрязнение не доставляло заметных неудобств населению. В дореволюционной России контроля за качеством воды практически не существовало и санитарные службы обращали внимание только на те производства, которые распространяли вокруг себя отвратительный смрад. Так, за пределы городов и вниз по течению рек переводились в принудительном порядке кожевенные предприятия. В СССР санитарно-эпидемиологические станции являлись частью административной машины, которая в «государственных интересах» закрывала глаза на сброс разного рода токсичных веществ. Когда на весах, с одной стороны, оказывалось, например, производство продукции, необходимой для военно-промышленного комплекса, а с другой, – чистота како-

¹⁷ Любомиров П.Г. Указ. соч. С.306–309.

го-либо уникального объекта вроде озера Байкал, всегда перевешивали печально знаменитые «народно-хозяйственные» интересы.

Отсутствие гражданского общества в России также являлось реальной угрозой окружающей среде, поскольку население не оказывало активного сопротивления источникам загрязнений и само бездумно применяло и применяет эффективные, но токсичные препараты в быту и на производстве. Более того, известно, что очень немногие садоводы-любители соблюдают нормы и правила использования пестицидов и инсектицидов. Количество приобретенных таких средств каждый сезон значительно превосходит потребности всех суммированных «шести соток». Куда деваются неиспользованные, купленные «с запасом» или впрок яды? Кто из любителей тюльпанов и ранней редиски возил эти совсем небезобидные пакетики в специальные пункты утилизации? Таких пунктов нет? А как им быть, если никто к их услугам прибегать не собирается? После развала множества колхозов и совхозов сотни тонн средств защиты растений оказались никому не нужны, платить за их переработку никто не собирался, да и организовать такую процедуру на местах часто было просто некому. Поэтому «ничьи» ядохимикаты в лучшем случае просто закапывали, а чаще просто бросали, предоставляя дождям и ветрам стереть видимые признаки преступного бездумья.

Во многих реках после десятилетий молевого сплава древесины, когда бревна просто сбрасывались в воду и неслись течением до пункта, где их вылавливали и складировали, дно оказалось буквально вымощено затонувшим и гниющим кругляком. Результат – химическое изменение состава воды, ставшей негодной для выживания практически всех пород рыб. О последствиях варварского способа доставки леса знали и власти, и жители прибрежных сел, занятые лесоповалом, сплавом и рыбалкой, но всерьез задумывавшиеся о ситуации только тогда, когда приходилось искать новые места для добычи привычного продукта.

По крайней мере в течение последних двух столетий в умы россиян упорно внедрялась мысль об удивительном богатстве неисчерпаемых отечественных недр. В России действительно много различных руд, ископаемых углеводородов, минералов для химической промышленности, но, во-первых, с раскладом этих сокровищ на многомиллионное население страны их блеск сразу блекнет. Во-вторых, многие месторождения располагаются на значительном удалении от центров переработки сырья, в районах с суровым климатом, что серьезно повышает себестоимость добычи и даже в ряде случаев делает рудники нерентабельными. Как только рубль стал действительно денежной единицей,

т.е. экономическим феноменом, стоящим на рубеже спроса и предложения, многие горные предприятия в одночасье покатались под откос и их закрытие стало только вопросом времени. В стране появились поселки-призраки и даже города-призраки, потерявшие жизнеспособность вместе с градообразующим предприятием. Тем не менее слова о природных богатствах повторяются как заклинание пропагандистами всех мастей и поколений и, что самое главное, прочно угнездились в головах у «простых людей». Анализ высказываний в различных ток-шоу, в публикациях и т.д. свидетельствует о том, что едва ли не главной проблемой страны считается несправедливый дележ отечественного газо-нефтяного пирога, которого, по общему мнению, вполне может хватить на всех, если резать его на равные доли. В этих условиях красивые слова о развитии производств, основанных на высоких технологиях, иногда расцениваются даже как попытка отвлечь общественное мнение от сверхприбылей сырьевых баронов. Прочно сидящая в головах идея уравнилельных доходов от природной ренты, причудливо переплетаясь с характерным для православной этики принципом достаточности, является мощнейшим психологическим барьером на пути модернизации промышленности. «У нас всего много, как-нибудь проживем и так», – вот формула, которая в различных вариациях проявляется в рассуждениях россиян о путях развития страны.

Величие – важная часть российского национально-государственного мифа: самая большая территория, самые большие запасы того-то и того-то – кусочки мозаики (местами очень осыпавшейся), представлявшей державу-победительницу недругов, державу-покорительницу космоса и т.д. Испания в начале XIX столетия потеряла почти все свои колонии, но сохранила и лелеяла имперский миф, память о своем былом величии, мечтала о реванше, все более и более переходя в разряд «невеликих держав». Некоторые историки считают, что если бы Мадрид не тратил огромные суммы на военные цели, а обратил бы их на развитие экономики, то страна к началу XX века подошла бы совсем в другом виде¹⁸. Миф мобилизующий и миф истощающий очень близки друг к другу.

Если бы удалось каким-то образом в конструкцию национальной идеи вмонтировать поговорку «мал золотник, да дорог», решение целого ряда проблем России значительно облегчилось бы. Но пока сторон-

¹⁸ *Blinrhorn M. Spain. The Spanish Problem and the Imperial Myth // Journal of Contemporary History. 1980. Vol.15. P.5–25.*

ников замены количества качеством явное меньшинство. «Большевики» по-прежнему у власти.

В XIX–XX столетиях центрами научно-технических разработок, внедрения всякого рода новшеств были крупные предприятия, располагавшие достаточными ресурсами разного рода. В последние три десятилетия картина заметно меняется: малые и средние предприятия успешно занимаются новинками, их доля в наукоемких производствах неуклонно и быстро растет. Объясняется это стремительным ходом технологического прогресса, при котором небольшие «организмы» быстрее и адекватнее реагируют на запросы общества и экономики, чем транснациональные монстры. «Летальность» в этом экономическом сегменте довольно высока, поскольку просчет или не зависящая от менеджеров рыночная неудача часто ведут к ликвидации фирмы. Однако это не является трагедией для отрасли, поскольку в ней заняты сотни и тысячи таких небольших структур. В России развитие высоких технологий сегодня затрудняется тем, что бюрократия, криминал и ряд негативных социокультурных особенностей страны создают мощные барьеры на пути малого и среднего бизнеса. Возникают парадоксальные ситуации, когда специалистам высочайшего уровня проще и выгоднее открыть пекарню или магазин, нежели наладить какое-то высокотехнологичное производство.

**«И может
собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
российская земля рождать...»**

Одним из важнейших показателей экономического и технологического развития является скорость внедрения технических и организационных инноваций,

что зависит как от разумной политики государства, так и от активности торгово-промышленных кругов. Финская исследовательница А.Аэр в своей работе рассмотрела процесс появления и развития патентной системы в дореволюционной России. На стыке экономической истории и истории права она предложила свой вариант ответа на следующие вопросы: что подразумевалось под правом интеллектуальной собственности в России? Какую роль играла патентная система в диффузии новых технологий?¹⁹ Число патентов, выданных в России, Пруссии и Англии в 1850–1860 гг., демонстрирует огромную разницу в темпах техни-

¹⁹ Aer A. *Patents in Imperial Russia. A History of the Russian Institution of Invention Privileges under the Old Regime.* Helsinki, 1995. P.5.

ческого прогресса этих стран. В России выдавалось в среднем по 35 патентов в год, в Пруссии – 66, а в Британии – 1 690. В последующие десятилетия число патентов, зарегистрированных в России, значительно возросло, но даже 107 российских «привилегий» 1875 года выглядели более чем скромно на фоне четырехзначных цифр тех же показателей Англии и Бельгии, пятизначных цифр США. Большая часть получателей патентов в России были иностранцы. В 1880 году, например, из 165 человек 74% были подданными других государств. К концу XIX века этот показатель увеличился до 79%. Получение патентов за границей было общим явлением, но там доля иностранцев немногим превышала одну треть²⁰. Охрана авторских прав на технические новшества получила видимую практику в Венеции еще в XV веке, а в 1624 году в Великобритании были заложены основы современной патентной системы. Базисом патентной системы в Европе была концепция интеллектуальной собственности, развивавшаяся из прав ремесленных гильдий от корпоративного к индивидуальному. Отсутствие в России цеховой организации ремесла, подобной западноевропейской, ставило «секреты мастерства» на принципиально иную правовую основу²¹.

Отсутствие в России того, что принято называть гражданским обществом, приводило к тому, что и в таких важных отраслях, как распространение передовых технологий и стандартизация изделий, роль государства, имевшего свое понимание нужд и чаяний торгово-промышленных кругов, оказывалась руководящей²².

В сфере применения электрической энергии Россия имела «равные возможности» с Западной Европой. Традиционно историю электричества делят на 5 этапов:

- до 1800 года – становление электростатики,
- 1800–1830 годы – закладка научных основ электротехники,
- 1830–1870-е годы – зарождение электротехники,
- 1870–1891 годы – становление электротехники как самостоятельной отрасли науки и техники,
- после 1891 года – превращение электротехники в ведущую отрасль энергетического производства.

Вклад России в развитие науки электротехники на первых 5-ти этапах довольно скромный, еще более скромным оказалось восприятие

²⁰ *Ibid.* P.69, 129, 179, 187.

²¹ *Ibid.* P.11.

²² Любимиров П.Г. Указ. соч. С.28–30, 103–104, 229, 703–705.

электротехнических новинок. Исключение составили удачные опыты В.В.Петрова с электрической дугой в 1802 году и создание П.Н.Яблочковым лампочки накаливания. Переход же к торжеству электротехники неотделим от имени российского ученого-изобретателя М.О.Доливо-Добровольского, которого можно смело ставить в один ряд с Д.Уаттом, Д.Стивенсоном или Г.Даймлером. Он создал трехфазный электродвигатель и трансформатор, что позволило изготавливать практически применимые электрические силовые системы.

В области практического применения электричества Россия отставала от Европы и Америки не в сроках внедрения того или иного новшества, а в масштабах этого внедрения. Так, первый трамвай был пущен в России всего на 11 лет позже после пуска трамвая в Берлине (1892 и 1881 годы соответственно), но в первом десятилетии XX века длина трамвайных линий в России была в десятки раз меньше, чем в Европе и США (особенно в расчете на душу городского населения). Здесь следует сказать о значении величины городов, так как городской электротранспорт становится рентабельным при определенном минимуме пассажиропотока. В России городов с достаточным населением было немного. Даже в крупных городах не требовалась развитая сеть из-за многочисленности среднего класса – основного потребителя транспортных услуг такого рода. Состоятельная публика пользовалась индивидуальными экипажами, а люди из беднейших слоев либо ходили пешком, либо, проживая в районе работы, вообще только эпизодически выбирались в другие районы города. В 1913 году только 42% потребностей в области электрического дела обеспечивала отечественная промышленность, а 58% приходилось на импорт. При этом следует отметить, что большая часть наиболее сложного оборудования ввозилась из-за границы.

Отечественная энергетика страдала от неразвитости специализированного производства. Если конструктивные формы применявшихся и строившихся энергоагрегатов в основном соответствовали мировым стандартам, то по развитию технологических приемов производства отечественное энергомашиностроение находилось на значительно более низком уровне²³. К концу XIX века потребности отечественной экономики и экспортные возможности стимулировали развитие нефтедобычи и нефтепереработки. Высококачественные бакинская и грозненская нефть сыграли важную роль в развитии российской промышленности.

²³ *История энергетической техники СССР. М., 1956. Т.1. С.141–142.*

Удаленность промыслов от мест потребления и переработки привела к появлению передовых по тем временам технологий транспортировки сырой нефти и продуктов ее перегонки.

Довольно частые «плачи» в современных СМИ по поводу невнимания к отечественным разработчикам, о скудном финансировании нужных изобретений, о трудном пути новинки от идеи до ее массового промышленного применения создают у историка, касавшегося этих проблем применительно к XIX – началу XX века, ощущение дежавю. Все это – хронические болезни России. Источником для финансирования инноваций могли быть государство и торгово-промышленные круги. Государство обо всем это радело, но как бестолковая, жадная и необразованная мамаша. Плюс к тому – вечная волокита и коррупция. Владельцы фабрик и заводов в подавляющем своем большинстве не были склонны к вложениям с неизвестным результатом. Следует помнить, что большая часть предпринимателей имела крестьянские корни и как следствие врожденное недоверие ко всяким новинкам.

Но даже импортированные приемы производства приживались зачастую с большим трудом. Оказалось, что крестьяне, пришедшие в город на заработки (а это и были основные кадры для промышленности), не имели необходимых трудовых навыков. Но и это не стало главной проблемой: человека всегда можно научить. Приучить же к чему-либо всегда многократно труднее. Самым слабым местом стало несоблюдение норм и правил – того, что сейчас называют технологической дисциплиной. Единственным, пожалуй, действенным средством борьбы с ее нарушениями является длительное, порой в течение нескольких поколений, воспитание в системе промышленного производства, существование в условиях строгого соблюдения технологической дисциплины.

В России в целом были неблагоприятные условия для создания технологической дисциплины, которую воспитать в крестьянском сообществе нельзя в принципе. Некоторые шансы сделать это имелись только при организации производства, не имеющего абсолютно никаких корней в стране. Легче научить новой технологии крестьянина, ничего не смыслившего в выплавке металла, нежели ремесленника, имеющего какие-то определенные представления на этот предмет.

В Европе революционные изменения в сельском хозяйстве произошли уже тогда, когда в течение длительного времени функционировала настоящая система промышленного производства.

Трасса Москва–Петербург образовала своего рода культурную ось. Эта трасса способствовала еще большей концентрации интеллектуаль-

ных сил, культурного и материального богатства в этих двух городах. Москва и Петербург как бы отгородились железнодорожной насыпью от остальной России.

Первая железная дорога получила название Николаевская в честь императора, при котором она была построена. Но она стала поистине николаевской и по тем порядкам, которые на ней царили. Все пороки и достоинства империи отражались в ней, как в зеркале. Это была николаевская Россия в миниатюре. Государь не мог не любить свое детище с его стройностью, строгостью, военным порядком и парадно-казарменной эстетикой. Николаевская дорога стала образцом для всех других дорог России, и их устроители, не задумываясь, переносили во второй половине XIX столетия в Сибирь, в Туркестан, в Поволжье и в Молдавию смесь капральства с продукцией ума инженеров и техников. Николаевская Россия еще много лет после смерти самого императора Николая Павловича тиражировалась в полосах отчуждения.

Одной из особенностей технологии с древнейших времен и до середины XIX столетия было практически полное игнорирование интересов рабочих и сохранности природы. Техника безопасности рассматривалась исключительно как техника безопасности производства, т.е. как набор мер, препятствующих разрушению оборудования или порчи изделий. Поэтому в ходу были технологии, наносившие большой вред здоровью, буквально загонявшие в могилу непосредственных исполнителей (ртутное золочение, производство спичек, крашение тканей, изготовление химикатов). Не принимался во внимание и ущерб, причиняемый природе. Исключение составляли только те случаи, когда экологически вредные производства вступали в противоречия с другими интересами государства или влиятельных частных лиц (реже).

Энциклопедические словари определяют технологию как «...совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материалов или полуфабриката, осуществляемых в результате производства продукции». В политическую лексику прочно вошло выражение «избирательные технологии» для обозначения комплекса мер, направленных на формирование определенного общественного мнения о лице или о партии с целью получения этим лицом выборной должности. Это одно из свидетельств возможности широкого толкования понятия «технология», максимально возможного сближения его с понятиями «культура», «цивилизация».

Технология в нашем понимании – это совокупность *сознательных* действий, направленных на достижение определенной цели в сфере

материального производства, управления, искусства, образования, действий, учитывающих имманентные свойства материалов, технические возможности машин и механизмов, энергетическую вооруженность, биологические особенности растительного и животного мира, физиологию и духовный мир человека, регулирующих воздействие общественных и государственных институтов.

Но в этом *сознательном* неизбежно присутствует значительная доля *бессознательного или полубессознательного* в форме традиций, особенностей менталитета и т.д. До недавнего времени на эту составляющую гонки на поле технологий не обращали особого внимания, поскольку предметы, с трудом формализуемые и подверженные инструментальным измерениям, не сразу находят себе достойное место в умах технократов. На исторические корни и национальные традиции стали больше обращать внимание в связи с различием темпов экономического развития государств вне Европы. Способы передачи технической информации, мобильность организаторов производства, слабая зависимость многих отраслей от источников сырья или источников энергии ставят буквально все точки земного шара с приемлемым климатом на одинаковые стартовые позиции, но результаты «забега» показывают, что местные условия в ряде случаев становятся решающими.

Технологии интернациональны по своей сути, поскольку основываются на природных свойствах материалов, на естественных физических, химических и биологических законах. В то же время изменение технологий в большинстве случаев требует больших или меньших перемен в организации производства. Эти перемены и являются основными формами воздействия техники на общественное развитие. Нередко культурные, политические, социальные особенности общества оказывались препятствием на пути этих перемен, иногда, наоборот, имел место удивительный резонанс культурных феноменов, возникших в совершенно иной эпохе, при наличии суперсовременных технологий. В случае непримиримости противоречий выход мог быть найден в адаптации технологий к социально-экономическим и культурным реалиям общества-реципиента, либо в деформации этих реалий усилиями государства или под воздействием общественной заинтересованности.

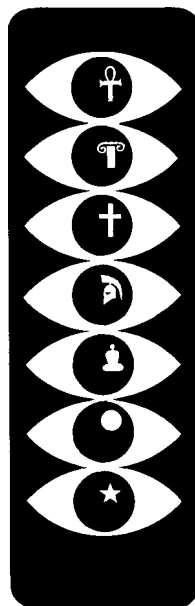
**Вопросы постоянно меняются,
ход истории неостановим.**

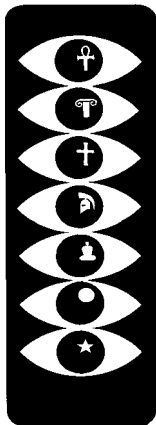
Роберт Дарнтон

**Если посмотреть на вещи в очень долгой
перспективе, то напрашивается очень
красивая и последовательная линия**

развития – возможно, слишком красивая и последовательная, чтобы быть совершенно достоверной.

Фрэнсис Амелия Йейтс





Мария Ферретти

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РАСКОЛОТАЯ ПАМЯТЬ: РОССИЯ И ВОЙНА¹

УДК

93/94

The Great Patriotic War of 1941-1945 is the single and the only event of the past memory of which is shared by all the country and plays the paramount role in reconstruction of the national identity after collapse of the USSR. The author investigates reasons that caused changes of attitudes toward the war and veterans in different periods of the Soviet and post-Soviet history. Two different memories have been traced to the war experience. The first memory is the recollections of the war tragedy, of liberation of not the Motherland but of the whole Europe from Nazism, memory of the utmost effort made for the sake of universal ideals of freedom. The other memory is connected with the revival of the state might and with creation of the cult of victory in the years of Brezhnev's rule. This cult was designed as a new source of legitimization, a source which had to replace ideals of the October revolution that had run dry by that time. According to the author dissemination of the totalitarianism concept in the present day society (this concept combines Stalinism and Nazism) also distorts the memory of war. Yet, despite the state cult of victory which is still dominant the memory which carries ideals of freedom is alive in the present day Russia.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; народный героизм; дух свободы; фальсификация потерь; сакрализация победы; ревизионизм в историографии; льготы ветеранов; возрождение памяти.

Key words: Great Patriotic War; national heroism; spirit of freedom; falsification of losses; a victory sacralization; a revisionism in a historiography; privileges of veterans; memory revival.

E-mail: mariaferretti@libero.it

¹ Сокращенный вариант статьи. Перевод с итальянского М.Лоскутовой. Полный текст см.: Ferretti M. *La memoria spezzata: La Russia e la guerra // Italia contemporanea*. 2006. Dicembre. №245.

*Памяти В.П.Данилова –
друга-фронтовика навсегда*

Особенность памяти о войне в России

Неся с собой ценности западного Модерна, идеи свободы и прав человека, память о войне послужила фундаментом новых западных демократий. В Советском Союзе, затем в России память о

войне обрела иную участь и оказалась связанной с иными ценностями. Задача данной статьи – рассмотреть, какие изменения претерпела в Советском Союзе, а затем в России память о Второй мировой войне за весь период со времени окончания войны и до сегодняшнего дня.

В отличие от западных стран, память о войне в России и в целом, на территории бывшего Советского Союза, расколота надвое, несет в себе два разных смысла. Именно в этом, с моей точки зрения, и заключается суть проблемы: сам опыт войны для СССР был трагически неоднозначным. Да, это была народная война за освобождение страны от нацистского нашествия, война до последней капли крови – на Востоке нацисты вели войну на уничтожение, чтобы повергнуть в рабство славян как «низшую расу», – война, завершившаяся победой, освобождением русских земель от иностранного ига. Однако в то же самое время победа стала предпосылкой консолидации и ужесточения сталинской диктатуры, что разбило все надежды на смягчение режима, возникшие в первые трагические годы войны.

Оплаченная страшной ценой (по последним оценкам в этой войне в СССР погибло, по крайней мере, 27 миллионов человек – военных и гражданских лиц²) ожесточенная борьба с нацизмом во имя идеалов свободы завершилась дальнейшим свертыванием той же самой свободы в самой стране-победительнице. Таким образом, к опыту войны восходят две противоречащие друг другу памяти, несущие противоположные ценности. Одна – это воспоминания о трагедии войны, о борьбе за свободу, воодушевлявшую фронтовиков. Эти люди отдавали свою жизнь ради освобождения от фашизма не только своей страны, но и всей Европы во имя универсальных идеалов свободы, на которые формально ссылалась и советская власть. Другая память о войне связана с традиционной для России идеей об ее мессианском предназначении по отноше-

² *Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1995. С.21.*

нию ко всему человечеству. На первый план выдвигается борьба за защиту родной земли, за возрождение государственного могущества.

**Сталинская память о войне:
воспевание победы**

При всех последующих переработках и изменениях, как бы они ни были важны, общая структура памяти о Великой Отечественной

восходит в России к тому толкованию, которое было дано советским руководством еще во время самой войны. С наступлением мира, когда сталинский режим находился в самом зените, она окончательно кристаллизовалась в единый, лишенный внутренних противоречий рассказ. Превращение реальных событий в упорядоченную последовательность должно было придать новую легитимность режиму в тот момент, когда революция стала уже достаточно смутным воспоминанием. После коллективизации и Большого террора 30-х гг., а также поражений первых лет войны Сталин – безусловный хозяин страны – снова должен был стать сакральной фигурой. Он сам и очертил основные контуры официальной интерпретации таким образом, что вопреки пережитому война воспринималась как реализация его гениальной стратегии. Эта трактовка основывалась на четырех основных положениях³.

Первое из них определяло природу конфликта. Война подразделялась на два основных этапа, носивших разный характер. Первый из них завершался нападением нацистских армий на Советский Союз и рассматривался как война, которую вели между собой империалистические державы. Это позволяло оправдать Пакт о ненападении, заключенный Кремлем с Германией накануне вторжения в Польшу, и в то же самое время возложить ответственность за случившееся на западные демократии, которые слишком долго колебались, не желая связывать себе руки антифашистским альянсом с Москвой. На втором этапе, когда вооруженный конфликт перерос в народную войну за национальное освобождение, в борьбу с захватчиками родной земли, Вторая мировая война превращалась в Великую Отечественную. Сам выбор этого определения имел сильнейшую эмоциональную нагрузку. Он отсылал к войне за освобождение России от наполеоновских армий, которая всегда рас-

³ Сталин И.В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.: Политиздат, 1946; Кулиш В.М. *Советская историография Великой Отечественной войны* // *Советская историография* / Под ред. Ю.Афанасьева. М.: Изд-во РГГУ, 1996. См. особенно: С.274–283; Gallagher M. *Trends in Soviet Historiography of the Second World War* // *Contemporary History in Soviet Mirror* / Ed. J.Keep. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1964.

сматривалась как патриотическая война за независимость страны. Иными словами, со вступлением СССР во Вторую мировую войну менялся ее характер: начиналась война за освобождение страны и всей Европы от фашистской тирании.

Второй пункт сталинской трактовки войны относился к катастрофе, пережитой Красной армией с началом нацистской агрессии, заставшей Москву врасплох. Поражения Красной армии замалчивались или приписывались исключительно внезапности вторжения. Однако эффект внезапности не мог полностью объяснить развитие событий вплоть до конца 1942 г., когда начало контрнаступления Красной армии под Сталинградом наконец обозначило перелом в войне. Чтобы снять ответственность с советских военачальников и самого Сталина за катастрофу, была придумана достаточно любопытная концепция «активной обороны», т.е. особой стратегии, предписывавшей отступать для лучшей подготовки к контрнаступлению. Она и стала третьим пунктом сталинской интерпретации, позволившим представить страшные поражения как плод политической и военной мудрости Сталина, якобы последовавшего примеру Михаила Кутузова, который предпочел отступить и позволил Наполеону дойти до самой Москвы, чтобы потом взять вражескую армию в клещи. О том, каким огромным числом человеческих жизней пришлось заплатить за стратегическую мудрость Сталина, естественно, умалчивалось. Наконец, четвертый пункт относился к политической трактовке победы СССР. С одной стороны, она становилась доказательством превосходства советского социализма, что оправдывало сталинскую «революцию сверху», превратившую отсталую Россию в великую индустриальную державу. С другой стороны, победа служила подтверждением сталинской гениальности, в конечном счете обеспечившей превосходство нового социального строя не только над фашизмом, но и капитализмом в целом.

Такой трактовке и должна была соответствовать память о войне. Воспевание победы затмило собою саму войну. Одна из функций такой трактовки состояла в том, чтобы заставить людей забыть трагедию пережитой войны. Создается впечатление, что кремлевский диктатор боялся даже самих воспоминаний о ней – по крайней мере, так можно предположить на основе множества различных признаков и свидетельств очевидцев. Одним взмахом его пера было перечеркнуто истинное число погибших, сведенное к шести миллионам. Такая цифра была вполне сопоставима с потерями нацистской Германии в Восточной Европе, позволяя и дальше скрывать страшную правду – неподготовленность к войне, посредственный уровень высшего военного и политиче-

ского командования, без всяких угрызений совести посылавшего на убой тысячи и тысячи солдат.

Пришедшие с войны инвалиды были вынуждены проходить унизи-тельную процедуру ежегодной «перерегистрации», подтверждая каж-дый раз свои увечья ради получения нищенской пенсии, словно их по-дозревали в стремлении к иждивенчеству. В конце 40-х годов наиболее искалеченных вообще выслали и заперли в особых лагерях, чтобы «очи-стить» города и села – в первую очередь Москву и Ленинград – от этих человеческих реликтов, чьи истрадавшие тела самим своим видом не позволяли прохожим забыть о войне. Ничто не должно было напоми-нать сиротам, вдовам и всем остальным об этой оборотной стороне победы⁴.

Государство, за некоторыми исключениями (например, в универси-тетах и других вузах, и особенно в вечерних школах, определенное чис-ло мест закреплялось за фронтовиками), не оказывало никакой помощи вернувшимся с войны, предоставив их самим себе⁵. В воспоминаниях встречаются образы бывших солдат и офицеров, вернувшихся с фронта и вынужденных просить милостыню или выносить на продажу послед-нее, что у них осталось с войны, – свои медали и военную форму⁶. Быв-шие военнопленные и угнанные на работу в Германию, вернувшись на родину после нескольких лет, проведенных в неволе, попадали в «фильтрационные» лагеря. Там их проверяли: не сдались ли они в плен добровольно, не сотрудничали ли с врагом⁷. Возникшие еще во время войны объединения фронтовиков стали распускаться после ее оконча-ния, а в 1948 году были закрыты даже те пивные, где обычно встреча-лись ветераны⁸.

⁴ О судьбе инвалидов и калек до недавнего времени говорить было не принято (См.: Фицелер Б. Нищие победители. Инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: сборник / Ред.-сост. М.Габович. – 2-е, испр. и расшир. изд. М.: Новое литературное обозрение, 2005). О нехватке протезов и их примитивности см., например, воспоминания (Лазарев Л. Записки пожилого человека. Книга воспоминаний. М.: Время, 2005).

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. С.28–37 и др.

⁶ Фицелер Б. Указ. соч. С.578.

⁷ Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военно-пленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.

⁸ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С.35.

Очевидно, Сталин действительно, как чумы, боялся фронтовиков и воодушевлявшего их духа свободы. После кровавой вакханалии 30-х годов этот дух снова возродился на фронте во время жестоких боев с наступавшей нацистской армией, когда солдаты, из последних сил защищавшие родную землю, отдававшие жизнь за свободу, заново открыли общественные ценности. Описывая настроения солдат в 1941 году, историк Михаил Гефтер, сам участник войны, говорил о «спонтанной десталинизации». Многие фронтовики в своих воспоминаниях рассказывали о том, как миф о Сталине растаял, будто снег под солнцем, столкнувшись с суровой реальностью войны⁹.

Этот возродившийся в окопах еще очень хрупкий дух свободы нашел идеальную питательную среду в новых братских отношениях, в чувстве солидарности, спонтанно возникавших между молодыми людьми, которым каждый день приходилось встречаться со смертью – вдали от нескромных глаз и ушей, от доносчиков, готовых сообщить кому следует о каждом сказанном слове¹⁰. Эти юноши уже научились побеждать страх. Они надеялись на то, что их будущее и будущее их страны будет иным, чем в начале войны: колхозы будут распушены, цензура ослаблена, свобода вероисповедания восторжествует.

Развитию духа свободы способствовали также и новые горизонты, открывшиеся солдатам во время войны: она вырвала их из привычного окружения, предложила им новые образцы для подражания. Десятки тысяч советских солдат открыли для себя Европу, которая – несмотря на все разрушения – предстала перед ними процветающей, совсем не такой, как тот образ, который внушала им пропаганда¹¹. Конечно, с учетом недостатка исследований о фронтовиках¹², сложно оценить, как часто встречался этот дух свободы, каково было его значение. Было ли это широко распространенное явление среди солдат, или оно затрагивало лишь низший командный состав – именно

⁹ Лазарев Л. Указ. соч. С.325 и след.; Твардовский А., Гефтер М. XX век. Голограммы поэта и историка. М.: Новый хронограф, 2006. С.143, 219, 341 и др.; Гефтер М. Десталинизация // 50/50. Опыт словаря нового мышления. / Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М.Ферро. М.; [Париж]: Прогресс: Пайо, 1989. С.395.

¹⁰ См., например, уже упоминавшиеся воспоминания: (Лазарев Л. Указ. соч.).

¹¹ О значимости открытия Европы см., например, воспоминания Константина Симонова (Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. №3. С.48).

¹² Из самых общих работ здесь можно упомянуть, кроме уже приводившейся выше работы Е.Ю.Зубковой, исследование Елены Сенявской (Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С.184–190).

этой среде по большей части принадлежат дошедшие до нас воспоминания (что, возможно, связано с тем, что это были относительно образованные люди).

Вполне вероятно, именно дух свободы, носителями которого были фронтовики, вызывал параноидальное недоверие Сталина. Как пишут многие очевидцы, его преследовал кошмар повторения заговора, подобного заговору декабристов. Лишь страх перед фронтовиками может как-то объяснить отношение Сталина к солдатам-победителям – желание унижить их. Оно заметно, в частности, в решении 1947 года отменить, под предлогом холодной войны, празднование Дня победы. 9 мая стало рабочим днем, который вся страна продолжала отмечать *в частном порядке*, по домам, где встречались бывшие однополчане, чтобы помянуть погибших.

Возможно, страх перед тем, что возродившийся дух свободы способен породить новую оппозицию в доведенной до нищеты стране, где росло социальное недовольство (можно вспомнить, например, страшный голод 1946 г.¹³), и послужил причиной новой волны репрессий, развязанных Сталиным после войны. Благодаря войне власть и авторитет вождя стали неоспоримы. Репрессии же во многих случаях были направлены против тех, кто отличился во время войны. Наиболее яркий пример – «Ленинградское дело» 1949–1952 годов, помимо всего прочего, призванное изувечить настоящую память о блокадных днях, недаром был закрыт музей блокады, из библиотек изъяты работы, в которых прославлялся героизм жителей города¹⁴. Даже один из творцов победы, маршал Жуков, руководивший контрнаступлением Красной армии от Сталинграда до Берлина, пользовавшийся огромным авторитетом в стране, был летом 1946 года смещен с поста заместителя министра Вооруженных сил и направлен руководить Одесским военным округом. Сталин, завидовавший престижу и популярности маршала, боялся, что тот поддастся бонапартистскому соблазну.

¹³ Зима В.Ф. *Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия*. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С.11.

¹⁴ Календарова В. *Формируя память: блокада в ленинградских газетах и документальном кино в послевоенные десятилетия // Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / Под ред. М.Лоскутовой*. М.: Новое издательство, 2006. С.277–278, 284–285; *Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Под ред. А.В.Блома*. М.: РОССПЭН, 2004. С.361.

Десталинизация и пробуждение памяти о войне

9 мая 1953 года, уже после смерти Сталина, в газетах не появилось никаких статей, посвященных памятной дате, о победе в войне было упомянуто лишь в традиционном обращении министра обороны. В 1955 году X годовщина окончания войны отмечалась в минорной тональности, о Генералиссимусе по возможности старались не упоминать¹⁵. Зато после XX съезда война предстала в совершенно ином свете. Хрущев не только опроверг оптимистические оценки людских потерь Советского Союза¹⁶, но и предложил новую трактовку войны, которая во многих важных моментах расходилась со сталинской.

Таким образом, преследовались сразу две цели. С одной стороны, речь шла о том, чтобы возложить на одного лишь Сталина всю ответственность за поражения первых лет войны. Согласно Хрущеву, они были обусловлены, во-первых, репрессиями 1937–1938 гг., оставившими Красную армию без командного состава на всех уровнях¹⁷. А во-вторых, отказом Сталина верить поступавшим от внешней разведки сигналам о грядущей агрессии. Таким образом, отрицались эффект внезапности вражеского нападения и странная теория «активного сопротивления» – два пункта, которые, как уже говорилось, настойчиво подчеркивались в сталинской интерпретации начала Отечественной войны 1941–1945 гг. С другой стороны, Хрущев вообще ставил победу в заслугу не Сталину, чья роль подверглась радикальной переоценке, а героическому советскому народу и мудро руководившей им партии (с которой, таким образом, совершенно снималась ответственность за ужасы прошлого: вся вина возлагалась персонально на диктатора)¹⁸. Так были очерчены границы разворачивавшейся десталинизации.

¹⁵ Андреев Д., Бордюгов Г. *Пространство памяти: Великая Победа и власть*. М.: Агро, 2005. С.15, 17.

¹⁶ Хрущев, хотя и не давал точных цифр, допускал, что погибших было намного больше: с начала 1960-х годов официальные источники приводили цифру 20 миллионов.

¹⁷ См.: Кулиш В. *К вопросу об уроках и правде истории* // Наука и жизнь. 1987. №12.

¹⁸ Хрущев, пусть и мимоходом, отдал дань уважения и маршалу Жукову, которого в марте 1953 г. снова призвали на вершины власти, назначив заместителем министра обороны и главнокомандующим сухопутными войсками, а в 1955 году – министром обороны. На последней должности, впрочем, Жуков пробыл недолго, через два года он был вновь смещен со всех военных и партийных должностей по тем же обвинениям в бона-

После сделанных Хрущевым разоблачений (он особенно нападал на навязываемые пропагандой представления о войне) историкам предложили приступить к работе по написанию истории Великой Отечественной¹⁹. Историческая наука пережила недолгую весну. Именно в годы «оттепели» увидели свет первые исследования, сосредоточенные прежде всего на установлении фактов²⁰. Тогда начали публиковаться воспоминания о войне, среди них – мемуары ведущих военачальников и командующих среднего звена. Конечно, в этих воспоминаниях имели место многочисленные умолчания (например, о попавшем в опалу Жукове, как и о Сталине, перестали упоминать), их авторам приходилось подчиняться постоянно меняющимся указаниям Кремля (так, роль Хрущева стала преувеличиваться – еще один признак того, что войне придавалось огромное значение как способу легитимации власти). Тем не менее память о войне, уходящей все дальше и дальше в прошлое, освобождалась от стереотипов сталинской эпохи.

Кино и особенно литература наиболее емко представили ту память о пережитой войне, которая старательно подавлялась в сталинские годы. Писатели, прошедшие фронтovou ад – такие, как Василий Быков, Георгий Бакланов и тот же Константин Симонов, – смогли приступить к воссозданию реалистического образа войны, донести до читателей «окопную правду», как тогда говорили, освобождая представление о войне от риторических пропагандистских клише и понемногу обращаясь к самым темным ее сторонам (к произволу и злоупотреблению властью со стороны командиров, к жестокости офицеров НКВД и НКГБ).

Обновление культуры, которое Хрущев поощрял в том числе и ради того, чтобы заручиться поддержкой интеллигенции, позволило пробудиться подлинной памяти о войне, сделало возможным возвращение фронтовиков в общественную жизнь.

Для страны это имело огромное значение. С моей точки зрения, именно этот дух свободы, которую несла *иная* память о войне и выразителями которого были фронтовики, и создал необходимые условия для запущенного Хрущевым процесса десталинизации. Дух свободы дал этому процессу резкий толчок, преобразовавший его за несколько лет в

партизме.

¹⁹ *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М.: Политиздат, 1960–1965. Т.1–6.*

²⁰ *См., например: Самсонов А.М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1960. – Об изменении в историографии войны в этот период см.: Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны... С.283–295.*

гораздо более мощное движение, которое освобождало и демократизировало советское общество, не выходя, впрочем, за рамки социализма. Эта спонтанная десталинизация, начавшаяся на фронте и сразу же подавленная с наступлением мира, возобновилась исподволь после 1953 года и вышла из тени после XX съезда. Хотя вначале это поколение фронтовиков, выразителем которых стал Александр Твардовский, было готово дисциплинированно подчиняться решениям партии, отказываясь от собственных взглядов, тем не менее из потрясенного открытия собственной личности, из обретения собственного мнения²¹, из отстаивания права его иметь возникло стремление к свободе, стремление сделать необратимыми происходящие перемены. Эта свобода была еще очень хрупкой, ее еще предстояло завоевать.

Получив возможность переосмысливать прошлое, память о войне стала в итоге носителем системы ценностей, в центре которой была свобода. Это не соответствовало стремлению советского руководства удерживать процесс десталинизации в строго определенных пределах, не допуская обсуждения основного принципа, на котором строился режим, – монополии партии, с ее жесткой внутренней иерархией, на власть. Об эти границы разбивались все порывы реформаторски настроенной интеллигенции, стремившейся превратить демонтаж сталинской системы в более глубокий процесс обновления.

Однако со времен «оттепели» взаимоотношения интеллигенции и власти были весьма непростыми, отмеченными вспышками напряженности, явными и скрытыми конфликтами. В 1963 году разоблачение сталинизма, по всей видимости, вышло за рамки дозволенного Кремлем²². Память о войне, с ее духом свободы, пробужденная Хрущевым ради ниспровержения мифа о Сталине, стала представлять опасность для режима, чья легитимность все больше и больше обосновывалась именно ссылками на нанесенное им нацизму поражение.

Вместе с тем откровения о злодеяниях Сталина вызвали у людей вопросы, вылившиеся в обсуждение легитимности власти если не всей

²¹ Именно так называлось одно из первых литературных произведений, вызвавшее настоящую сенсацию после XX съезда (Гранин Д. *Собственное мнение* // *Новый мир*. 1956. №8).

²² Самый яркий пример – это опыт журнала «Новый мир» Твардовского. О «Новом мире» см.: Frankel E.R. *Novy Mir. A Case Study in the Politics of Literature, 1952–1958*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; Spechler D.R. *Permitted Dissent in the USSR. Novy Mir and the Soviet Regime*. N.Y.: Praeger, 1982. См. также: Spechler D.R. *Op. cit.* P.81–87, 141–160, 198–212.

партии, то, по крайней мере, ее правящих кругов – наследников диктатора. Где были Хрущев и все остальные, когда Сталин совершал все эти страшные преступления? И почему они не попытались остановить диктатора? Как они могли вообще *ничего не знать*?²³

Прибегая к метафоре, можно сказать: Хрущев в конце концов стал заложником ситуации, не допускавшей признания живой, подлинной, проникнутой скорбью памяти о войне, памяти народа. Принять память фронтовиков о пережитой войне, с ее духом свободы, означало способствовать радикальному обновлению системы, что поставило бы под сомнение монополию партии на власть. Иными словами, это было равносильно отказу от власти – естественно, так поступать не собирались ни Хрущев, ни другие наследники Сталина. Возвращение же к привычной памяти о победе означало на деле если не реабилитацию Сталина, то, по крайней мере, реставрацию мифа о нем, то есть отказ от всего уже достигнутого – Сталин и победа за долгие годы фальсификаций и мифотворчества стали неразделимы. Хрущев оказался в тупике.

Брежневские годы: сакрализация победы

Отстранив от власти Хрущева в октябре 1964 г., Брежнев тут же попытался вернуть Сталина на почетное место в общественной памяти о самой героической странице прошлого. С этого он начал свое правление, и значение происходящих перемен, именно в силу их глубокого символического смысла, было сразу же отмечено современниками. В 1965 году была торжественно отмечена XX годовщина победы. На Красной площади состоялся военный парад. 9 мая вновь стало праздничным днем, постепенно превратившись в один из главных праздников советского календаря. Сталину снова стали поклоняться как творцу победы, ради которой можно было забыть обо всех его преступлениях, именовавшихся теперь «ошибками», максимум – «перегибами». Память о войне – настоящая память – вновь отошла на второй план, дабы ничто не нарушало официальных торжеств. Цензурной правке подверглось даже выступление Константина Симонова на праздновании годовщины

²³ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С.171–183; Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С.288–290, 378–385, 422–425, 432–448 и др.

победы в Доме писателей, в котором говорилось о том, что нужно помнить *всю* войну – не только победу, но и трагедию первых лет войны²⁴.

Историю войны быстро переписали в очередной раз. Новаторские исторические исследования, начатые во времена «оттепели», были прекращены. Сигналом о переменах стало «дело Некрича» (осень 1965 г.)²⁵. Под непосредственным наблюдением бдительных идеологов из ЦК была подготовлена новая многотомная «История Второй мировой войны», из которой искусно были удалены все критические упоминания о действиях Сталина, малейшие намеки на репрессии, которым подверглась Красная армия накануне войны, обозначая страшные потери, понесенные кадровым составом в годы «Большого террора», многозначительным оборотом: «репрессированные по необоснованным обвинениям»²⁶. Хотя это издание воскрешало старые мифы, основанные на сталинской трактовке войны, в нем, однако, уже не было безудержного прославления диктатора, свойственного публикациям первых послевоенных лет, место которого, как и во время «оттепели», заняло восхваление героизма советского народа и партии, которая привела его к победе. Подобная интерпретация была характерна и для новых работ по истории партии. Из них постепенно исчезли почти все упоминания о катастрофе первых лет войны, сводимые, как правило, в невыразительные разделы, ханжески обозначаемые как «временные неудачи»²⁷.

При каждом переиздании авторы были вынуждены переделывать текст, приспособляясь к новым формулировкам, продиктованным из Кремля. Даже воспоминания участников войны переписывались под жестким контролем Главного политического управления Советской армии, где был создан особый отдел, в котором скрупулезно проверяли соответствие мемуаров официальной версии событий: по приказу этого отдела не вписывающиеся в нее воспоминания подлежали уничтожению²⁸.

²⁴ Симонов К. Уроки истории и долг писателя. Заметки литератора // Наука и жизнь. 1987. №6.

²⁵ «Дело А.М.Некрича» (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. №5. С.82–97; Некрич А.М. Отрешись от страха (фрагменты из книги) // Некрич А.М. 1941, 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995; Петровский Л. Дело Некрича // Вестник РАН. 1995. №6. С.528–539.

²⁶ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М.: Воениздат, 1971–1982. Т.1–12.

²⁷ Кулли В.М. Советская историография Великой Отечественной войны... С.297–299 и др.

²⁸ Там же. С.303–304. – Особенно старательно замалчивалась роль Хрущева в войне –

Именно в брежневский период, между 1965 и 1980 годами, после всех перемен, которые принесла «оттепель», память о войне окончательно кристаллизовалась в культ победы, став одним из столпов новой государственной идеологии. Возникшая в результате конструкция сохраняла устойчивость, несмотря на все последующие изменения. Она и сегодня во многом определяет концептуальные рамки памяти о войне в посткоммунистической России – хотя, как мы увидим, и с известными оговорками.

Особенно важно здесь отметить следующие ее составляющие. Во-первых, это возрождение русского национализма, начавшееся еще в 30-е годы и достигшее апогея с окончанием войны. Во-вторых, это прославление героизма советского народа, понимаемого как однородное целое, в котором слились старые общественные классы и этносы. Именно в годы войны понятие «советский народ», до этого бывшее чистой абстракцией, обрело плоть и кровь. В-третьих, прославлялась непогрешимость руководства страны, приведшего народ к победе. Сначала это руководство отождествлялось с личностью Генералиссимуса, позднее эта роль, по крайней мере отчасти, перешла к партии, как коллективной общности, унаследовавшей харизму победы. Превращение победы в национальную святыню сопровождалось замалчиванием ответственности Сталина за поражения и репрессии. Сакрализация победы предполагала если не реабилитацию Сталина, то по крайней мере реставрацию его образа как человека, воссоздавшего национальное величие. В заслугу ему ставился не только его полководческий дар (подвергшийся новой переоценке), но и создание в тридцатые годы мощной военно-промышленной базы, которая смогла выдержать удар врага. С помощью этого тезиса официальная историография брежневской эпохи оправдывала ужасающее насилие, сопровождавшее модернизацию страны, все преступления сталинизма ссылками на «историческую необходимость». В-четвертых, происходила банализация, тривиализация нацизма. Фашизм, как еще с 20-х годов твердила советская пропаганда, был якобы не чем иным, как высшей стадией капитализма, не прикрытой никакой демократической маской диктатурой капитала, который рано или поздно должен был развязать новую мировую войну и напасть на СССР. Это представление порождало синдром враждебного окружения, во многом обусловивший последующую историю страны. Кроме того, отождествление фашизма с капитализмом приводило к тому, что фашизм утрачивал свою самую существенную свою особенность – ради-

роль, которая в предшествующий период была значительно преувеличена.

кальный расизм, выражением которого стала проводившаяся в промышленных масштабах политика последовательного уничтожения человеческого разнообразия. Кульминацией этой политики стал Холокост. И хотя почти половина уничтоженных в Европе евреев – от 2 600 000 до 2 800 000 человек – погибли на территории Советского Союза, до самого распада СССР о Холокосте в этой стране было не принято говорить²⁹.

У *культы* победы брежневской эпохи, отличавшегося крайне ритуализированными формами, был свой протагонист – ветеран. Как уже говорилось, с наступлением мира возвратившиеся с фронта участники войны оказались вытесненными на обочину общества. В лучшем случае они были предоставлены сами себе. Спустя два года после окончания войны, когда был отменен праздник победы, ветераны лишились тех немногих льгот, преимущественно экономического характера, которыми до тех пор они могли воспользоваться. Однако с приходом Брежнева к власти политика по отношению к ним радикально поменялась, и ветераны получили, наконец, общественное признание, в котором до тех пор им отказывали. В 70-е годы участникам войны воздаются почести, они получают различные привилегии и компенсации – от права проходить без очереди в магазине и в различных учреждениях до введения особых льготных категорий при распределении квартир, права бесплатного проезда в транспорте и т.д. Фигура ветерана с медалями и орденами на груди, шагающего в первых рядах на параде 9 мая, воплощала, как тогда говорили, «лучшие качества советского человека», олицетворяла все те же «патриотические ценности», служила молодежи образцом для подражания. Общественное признание, участие в публичных ритуалах, связанных с культом победы, подразумевали значительную трансформацию самого образа участника войны³⁰.

Сакрализация победы, произошедшая в 70-е годы, стала завершением процесса, начавшегося, как уже говорилось выше, во время войны, – изменения источников легитимации власти. На смену Октябрьской революции приходит воссоздание имперского могущества старой России. Национализм, слегка подернутый патиной социализма и скромно переименованный в «патриотизм», становится тем цементом, который

²⁹ См. об этом: Альтман И. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // *Память о войне 60 лет спустя*. С.509–530.

³⁰ До сих пор нет исследований, в которых бы прослеживался процесс формирования образа ветерана. Отмечу все же интересные наблюдения: Дубин В. «Кровавая война» и «великая победа». О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // *Отечественные записки*. 2004. №5.

объединяет и поддерживает утратившую былую силу идеологию режима. Эта идеология, хотя и продолжает апеллировать к коммунистическим идеалам и обещать построение нового общества, отказалась от утопии, на что указывает и появление достаточно любопытной концепции «реального социализма». Утверждение в этот период национализма связано с целым рядом факторов, из которых я остановлюсь здесь лишь на одном³¹.

Вспомним о том, что дрейф в сторону национализма был вызван во многом и синдромом вражеского окружения, обострение которого было спровоцировано «Пражской весной». В чехословацком движении за «социализм с человеческим лицом» советское руководство увидело в первую очередь результат очередного заговора, подстроенного коварным Западом (если не евреями³²) с целью отколоть от СССР верного союзника, – чехословацкими провозвестниками либерализма просто искусно манипулировали. Для изменения памяти о войне в СССР события в Чехословакии имели двойные последствия. С одной стороны, Советский Союз, чувствуя угрозу со стороны, замкнулся в самом себе, прибегнув к утешительной мифологии, восхвалявшей особый исторический путь России, ее превосходство перед Западом. Эта мифология, развитая в этот период возрождения славянофильства, стала одним из столпов национализма³³. Кроме того, чтобы оправдать вторжение в Чехословакию, идеологи апеллировали к крови, пролитой советскими солдатами за освобождение этой страны от нацистов. Таким образом, память о войне, сведенная к одному лишь прославлению народного героизма и воспеванию победы, использовалась для легитимации доктрины Брежнева, признававшей за так называемыми народными демократиями лишь ограниченный суверенитет.

³¹ *О формировании национализма после смерти Сталина см.: Митрохин Н.А. Русская партия. Движения русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.*

³² *Антисемитизмом, который является не последней составляющей русского национализма, особенно отличались пропагандистские публикации Воениздата.*

³³ *Показательно, что как раз в начале 1968 г. журнал «Молодая гвардия» – предтеча зарождающегося русского национализма – публикует два сочинения, отличающиеся ярко выраженной антизападной направленностью. В них впервые звучат основные мотивы нового «славянофильства» (Чалмаев В. Великие искания. – 1968. №3; Лобанов М. Просветительное мещанство. – 1968. №4). Анализ взаимоотношений между новым славянофильством и официальной идеологией коммунистического национализма см.: Berelowitch A. Des slavophiles aux russophiles // Revue d'études slaves. 1981. №2.*

В итоге, оказавшись в международной изоляции после вторжения в Чехословакию, которое еще больше углубило раскол, уже существовавший в международном коммунистическом движении, Советский Союз все больше скатывался к национализму. В таких условиях *культ* победы позволял восстановить пошатнувшиеся представления людей о самих себе, своей стране – ведь из всех европейских стран социалистического лагеря Чехословакия ранее была самым верным союзником СССР, больше других испытывала признательность за освобождение от нацизма. Реакция реформаторской интеллигенции, ранее возлагавшей надежды на начатое Хрущевым обновление системы, а теперь открыто сочувствовавшей «Пражской весне», опять пробудила у советского руководства, которое особо и пугать было не нужно, панический страх перед риском «подхватить заразу».

Надежды на либерализацию системы, порожденные «оттепелью» и растоптанные в СССР с отстранением от власти Хрущева, возродились в обещаниях Дубчека построить социализм с человеческим лицом. И оттуда, из Праги, перекинулись обратно в Москву. Наиболее смелые люди отважились, к ужасу Кремля, публично выразить свою поддержку чехословацким товарищам – рядовым членам партии Дубчека. Для России этот жест горстки храбрецов – после долгих дискуссий их осталось всего семь человек, готовых отправиться в лагерь и тюрьму еще не столько ради политических принципов, сколько ради выполнения морального долга, готовых выступить против произвола властей, – имел огромное значение³⁴.

После того как заставили замолчать всех инакомыслящих, *культ* победы стал своеобразным утешением, проливающим бальзам на раны, нанесенные неотвратимым упадком престижа страны на международной арене.

Более того, вместе с сакрализацией победы все *иные* воспоминания о войне приобрели оттенок ереси и потому легко попадали под запрет как антипатриотические. В то же время прозападнически настроенная интеллигенция сама отказывается от памяти о войне. Конечно, все это было вызвано совпадением целого ряда факторов, которые еще не стали предметом исследования. Это, прежде всего, реакция на манипулирование памятью о войне в публичном пространстве, обостренная вторжением в Прагу; разочарование интеллигенции в социалистических идеалах с крушением надежд на социализм с человеческим лицом; мучительное осознание сходства двух диктатур – нацизма и сталинизма,

³⁴ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс; М.: Весть, 1992. С.214.

которое приходит во второй половине 70-х годов. В условиях, когда открыто говорить о сталинизме невозможно, фашизм становится поводом для разговора о тоталитарном режиме с его политическими репрессиями, подавлением инакомыслия, пропагандистскими манипуляциями общественным мнением и насаждением слепой веры в вождя. Фашизм становится зеркалом, в котором видится советская действительность: поэтому многие произведения составлены из сплошных аллюзий, даже независимо от авторского замысла, и они такими воспринимаются и публикой, и цензурой³⁵.

Тенденция проводить параллель между двумя диктатурами, которая усиливается с конца 70-х годов по мере распространения в произведениях самиздата концепции тоталитаризма, приводит к потере *смысла войны*: пробужденный ею дух свободы кажется иллюзией, а на первый план выходит горькое чувство бессмысленности принесенных жертв. Это чувство лишь усиливалось от столкновения с унылыми буднями и нищетой страны, победившей нацизм, и бьющим в глаза богатством, которое снова обрела побежденная Германия. В брежневские годы либеральная интеллигенция постепенно отказывается от памяти о войне, бросая ее на произвол судьбы, и тогда она переходит в другие руки и становится исключительно наследием националистов.

Перестройка: пробуждение демократии и молчание памяти о войне

приведшую в 1991 году к концу коммунистической системы в СССР, память о войне с ее ценностями свободы, носителями которой были фронтовики, была во многом уже утрачена. Это было видно хотя бы по тому, в какое замешательство приходила либеральная интеллигенция, вернувшаяся на политическую арену и заявившая о своем намерении повести страну к благосостоянию и западной демократии, когда она сталкивалась с памятью о войне. Действительно, превращение в брежневские годы памяти о войне в исполненный пафоса и риторики культ победы, бальзамирование памяти о войне вызвали отторжение. Это проявилось сразу же, как только ослабла цензура: возникло общественное настроение, требующее приостановить строительство в Москве гигантского монументального ансамбля в честь победы, начатое по

Когда в теперь уже таком далеком 1985 году Михаил Горбачев взошел на вершину власти в Кремле и начал перестройку,

³⁵ Примером тому может служить документальный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1966) – достаточно прозрачная аллюзия на сталинский режим.

велению Брежнева. Данное движение изначально зародилось именно как отказ от такого публичного использования памяти о войне, когда вместо траура по погибшим прославлялась мощь второй державы в мире. И протест общественности увенчался успехом: летом 1986 г. работы по строительству памятника были прерваны. Однако этого оказывается недостаточно, чтобы придать сил *другой* памяти о войне, которая робко проявляется и почти сразу забывается, как только разоблачение сталинских преступлений радикализуется. Проклятие, брошенное Сталину, уносит с собой и память о войне и отдает ее снова в полное владение националистов и коммунистов. Триумф культа победы в брежневские годы привел к тому, что Сталин и война оказались в сознании общества неразрывно связаны между собой. *Другую* память о войне продолжали отстаивать лишь немногие. Одному из лидеров демократического движения писателю Алесю Адамовичу в этот период удается опубликовать без цензурных купюр собранные им воспоминания современников о блокаде Ленинграда³⁶.

Решающую роль в отказе от памяти о войне сыграло утверждение в общественном сознании в 1988–1989 годы концепции тоталитаризма, объединяющей сталинизм и нацизм. В результате Вторая мировая война перестала восприниматься как столкновение двух противоположных систем ценностей, превратившись, напротив, в борьбу двух кровавых диктатур, двух зеркальных отражений, в схватку гигантов, где Западу отводилась едва ли не роль ничего не понимающего зрителя, со своей очарованной Сталиным антифашистской интеллигенцией. На подтверждение этого видения войны работают и осуждение пакта Молотова–Риббентропа, который воспринимается как что-то вроде окончательного доказательства тождества двух систем; и правда об убийстве польских офицеров в Катыни (за что Кремль, наконец, берет на себя ответственность).

³⁶ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1989. – Первое издание «Блокадной книги» вышло в 1979 году, но в нем были изъяты все фрагменты, не соответствовавшие героическому образу блокады, например поведение, не соответствующее образу настоящего советского гражданина, – от случаев мародерства до каннибализма. Бдительная цензура не позволяла даже упоминать о вещах, которые считались неподходящими для воспитания молодежи, – в частности, об общих банях, где из-за недостатка топлива вместе приходилось мыться женщинам и мужчинам. Об этом эпизоде главный идеолог ЦК КПСС Михаил Суслов отозвался как о порнографии! (См.: Календарова В. Указ. соч. С.293).

В этом контексте *иная* память утрачивает всякое значение: коль скоро борьба за свободу, воплощением которой был антифашизм, оказалась пропагандистской выдумкой, то и воспоминания о ней превращались в заблуждение. Такого рода рассуждения стали возможны именно потому, что в брежневские годы было утрачено понимание *отличительных особенностей* нацизма, а сведение их к банальности позволяло ставить знак равенства между нацизмом и сталинизмом и приходиться к утверждениям, которые быстро превратились в общее место: Сталин якобы был гораздо хуже Гитлера, поскольку проводил «геноцид» против собственного народа, в то время как нацистский диктатор ограничивался уничтожением «инородцев»³⁷.

В результате этого процесса переосмысления в начале 90-х годов в российской историографии появился ревизионизм, рядом черт напоминающий аналогичное явление на Западе. Он выражался прежде всего в реабилитации коллаборационизма, переоценке личности генерала Власова, который, оказавшись в плену у немцев, организовал в 1944 году под эгидой вермахта Русскую освободительную армию, провозгласив своей целью уничтожение кровавой сталинской диктатуры³⁸. Однако, несмотря на то, что коллаборационизм в Советском союзе отличался от западного и в какой-то степени действительно выражал стремление покончить со сталинским режимом³⁹, тем не менее вряд ли возможно его рассматривать исключительно как форму борьбы за национальное освобождение, считать, что сама по себе оппозиция советской власти порождала систему ценностей, в центре которой была свобода. Этот тезис не выдерживает критики, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, при оценке движения нельзя пренебрегать тем обстоятельством, с кем приходилось сотрудничать, поскольку сотрудничество предполагает

³⁷ В конце 1980-х, эта идея стала общим местом. Одну из первых формулировок см.: Капустин М. *Камо грядеши?* // Октябрь. 1989. №8.

³⁸ Одной из первых публикаций стала монография: Колесник А. *РОА – власовская армия*. Харьков: Простор, 1990. – Коллаборационизм был запретной темой для историков, заниматься этой темой стало возможно только в 90-е годы. Обобщенный анализ проблемы см.: Семиряга М.И. *Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН, 2000.

³⁹ При настоящем состоянии исследований трудно оценить, насколько большую роль играло это стремление, равно как и ответить на вопрос о том, насколько распространенным явлением было сотрудничество с нацистами. Этот показатель варьировался в зависимости от региона (коллаборационизм, например, особенно часто встречался среди казаков, которых Сталин преследовал с особым ожесточением).

некоторую общность целей. Во-вторых, даже если эти люди противостояли сталинскому режиму, трудно поверить, что их вдохновляли принципы свободы и демократии. Симпатия, с которой в России относились в определенный период к коллаборационизму, была, кажется, все же не только показателем результативности ревизионистских трактовок, но и в первую очередь свидетельством общей потери ориентиров исторической памяти.

Сходными причинами объясняется и популярность у либеральной интеллигенции – вопреки протестам специалистов – скандальных сочинений Виктора Суворова («Ледокол» и «День "М"»), советского агента, сбежавшего в Великобританию в начале 80-х годов, в которых дословно воспроизводились теории нацистской пропаганды, обосновывавшие необходимость агрессии против СССР, поскольку Сталин якобы готовился к «превентивной войне» с Германией⁴⁰. Утрату ориентиров доказывал и призыв либеральной интеллигенции начала 90-х годов к своеобразному «примирению памяти» – признанию обеих сторон жертвами двух тоталитарных режимов. В качестве жеста «доброй воли» предлагалось воздвигнуть памятник нацистским солдатам, в том числе и эсэсовцам⁴¹.

Утрата исторической памяти ориентиров – показатель трудностей, с которыми столкнулась либеральная интеллигенция при попытке выработать те смысловые «рамки», с помощью которых воспоминания о войне могли бы принять определенную форму. Все это подготовило

⁴⁰ Суворов В.А. *День «М»: когда началась Вторая мировая война?* М.: Все для вас, 1994; *Его же. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?* М., 1993 (1-е изд. – 1992). – Тезисы Суворова получили некоторое научное признание в работах историка Афанасьева (одной из заметных фигур среди либеральной интеллигенции), в то время занимавшего пост ректора РГГУ (Афанасьев Ю.Н. *Другая война: история и память // Другая война. 1939–1945 / Под ред. Ю.Н.Афанасьева. М.: РГГУ, 1996*). О расколе в кругах специалистов см.: Бобылев П.Н. *К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 г. // Отечественная история. 1995. №5*; Мельтюхов М.И. *Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Там же. 1994. №3, 4–5*; Печенкин А.А. *Была ли возможность наступать? // Там же. 1995. №3*; *Его же. Миф о превентивной войне // Великая Отечественная война в оценках молодых. М.: РГГУ, 1997*. – О проблеме ревизионизма в России см. мою работу: Ferretti M. *Nazismo, guerra e resistenza: il revisionismo e il paradosso della memoria russa // A cura di E.Collotti. Fascismo e antifascismo. Rimozioni, revisioni, negazioni. Roma-Bari: Laterza, 2000*.

⁴¹ Афанасьев Ю.А. *Ревани // Новое время. 1994. №4*; Каравцев В. *Я убит и не знаю, наши ли Ржев, наконец // Комсомольская правда. 1997. 22 февраля*.

почву для возрождения в середине 90-х годов такой памяти о войне, которая своими очертаниями повторяла *культ* победы брежневской эпохи.

Как показывают все опросы общественного мнения, память о войне до сих пор жива в обществе. Подавляющее большинство опрошенных (от 75% до 85%) считает победу СССР над нацизмом самым важным событием XX века. Неизменность этой оценки в период активного переосмысления прошлого показывает, насколько глубокие корни имеет память о войне в посткоммунистической России⁴². Более того, война – это единственное событие прошлого, память о котором действительно разделяется всей страной: применительно ко всей остальной истории общественное мнение расколото. Эта память играет первостепенную роль в воссоздании положительного образа страны и ее сограждан, в реконструкции национальной идентичности после провала СССР. Для россиян победа над нацизмом составляет главный предмет национальной гордости, что все время показывают результаты опросов общественного мнения. Во второй половине 90-х годов эта точка зрения получила еще большую поддержку. В 1996 году так думало 44% респондентов, в 1999 – 86% и в 2003 г. – 87%, т.е. подавляющее большинство опрошенных⁴³.

Именно значимость этих воспоминаний для российского общества и побудила Ельцина в 1995 году, когда отмечалось 50-летие победы над нацизмом, превратить ее в главное событие публичной памяти посткоммунистической России. В середине 90-х годов, после шока, вызванного страшными социальными последствиями экономической реформы (1992) и начала чеченской авантюры (1994), популярность Ельцина упала до предела. Воссоздание памяти о войне было прежде всего выгодно, как способ вернуть доверие общества, перетянуть его на свою сторону (несмотря на тот государственный переворот, который произошел в 1993 году, когда было потоплено в крови восстание Верховного

⁴² Гудков Л. *Победа в войне: к социологии одного национального символа* // *Мониторинг общественного мнения*. 1997. №5. С.12; Левада Ю. *От мнений к пониманию*. М.: МШПИ, 2000. С.450; Его же. «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект Пресс, 1995. Т. II / Под ред. Т.Заславской. С.220.

⁴³ Гудков Л. *Память о войне и массовая идентичность россиян* // *Память о войне 60 лет спустя*. С.89; Дубин Б. *Прошлое в сегодняшних оценках россиян* // *Мониторинг общественного мнения*. 1996. №5. С.29; Левада Ю. *Указ. соч.* С.452. Щербакова И. *Над картой памяти* // *Память о войне 60 лет спустя*.

Совета, выступившего против централизации власти в руках президента), лишив одновременно поддержки коммунистов и националистов, которым к тому времени все больше симпатизировал электорат. День победы – праздник, вытесненный на обочину общественной жизни в перестройку и в первые годы постсоветской России, стал снова отмечаться с большой помпой, как и во времена Брежнева. В 1995 году торжества были организованы в чисто советском стиле, начиная с внушительного военного парада⁴⁴.

С известными поправками возродились стереотипы брежневских времен. Разговор о войне строился вокруг двух основных моментов. С одной стороны, прославлялся героизм, которым всегда отличался русский народ, призванный постоянно жертвовать собою ради освобождения родной страны от врагов. При этом его противник окончательно утратил конкретное обличье, став последним в длинной череде иноземных захватчиков, на протяжении многих столетий посягавших на священную русскую землю. С исчезновением руководящей партии и ее непогрешимого вождя, могущество государства нашло воплощение в армии – вооруженном народе – и ее генералах, защитивших честь Святой Руси. На тот пьедестал, который ранее занимал Сталин, ельцинская Россия возвела маршала Жукова. Именно его признали истинным творцом победы над нацистской Германией. Он становится символом героизма русского народа, ему посвящается множество сочинений откровенно агиографического характера⁴⁵, в его честь воздвигнут конный памятник перед входом на Красную площадь.

Несмотря на все усилия пропаганды, замена Сталина на Жукова оказалась искусственной. Она свидетельствовала о болезненном неблагополучии российской исторической памяти, которой никак не удастся свести счеты со сталинизмом. Дело в том, что сам Жуков, хотя он и попал потом в опалу, в действительности неразрывно связан со сталинизмом. Он не только был абсолютно предан Сталину, но его методы

⁴⁴ Аналогий с прошлым можно было провести очень много и в монументальной политике, и в структуре дискурса. После периода застоя в лихорадочном темпе возобновились работы по строительству новых памятников в честь победы. В рекордные сроки, чтобы успеть с открытием к юбилею, заканчивается возведение гигантского монументального комплекса в столице – Парка победы, строительство которого, как уже отмечалось, было приостановлено в начале перестройки.

⁴⁵ См., например: Гареев М.А. *Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства*. М.; Уфа: Восточный университет, 1996; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. *Иной Жуков*. М., 1996.

ничем не отличались от методов Генералиссимуса. Известны его участие в армейских репрессиях, пренебрежение человеческой жизнью. В 1995 году до реабилитации Сталина еще было далеко, в это время о нем предпочитали не упоминать, но возведение памятника Жукову означало первый шаг к реставрации культа победы.

В то же самое время упрощенное понимание нацизма, сведение его к банальному злу подрывало самые основы *иной* памяти о войне – осознание того, что война велась за универсальные человеческие ценности, за свободу всего человечества. Утрата *другой* памяти о войне способствовала полному забвению всего советского прошлого. В 90-е годы все, что происходило с Россией после революции, рассматривалось как исторический тупик, страшный провал в славной истории страны. При таком прочтении прошлого фронтовики, с их надеждами на освобождение, обновление общества, воспринимались в лучшем случае как несчастные, глубоко заблуждавшиеся люди, слепые игрушки в руках могущественных сил.

При Ельцине, однако, возрождение памяти о войне остановилось на полпути: о многом было сказано, но о многом и умалчивалось. В этот период память о войне приобрела черты постмодернизма: по волнам прошлого плавали фрагменты различных воспоминаний, лишенные определенного смысла. Несмотря на все усилия Кремля и настойчивые призывы к примирению с прошлым, которому так и не давалось никакого определения, эти фрагменты не могли сложиться в единое целое, создать такую память, которая разделялась бы всем обществом, на основе чего могла бы возникнуть новая идентичность посткоммунистической России.

Память о войне в современной России

Когда в 2000 году Владимир Путин, выбранный Борисом Ельциным, пришел к власти, ситуация поменялась. После двух десятилетий неопределенности и потрясений *культ* победы был восстановлен со всей подобающей торжественностью, возродились основные стереотипы брежневской эпохи, хотя, как мы увидим, с некоторыми существенными различиями.

К помпезным юбилейным торжествам 60-ой годовщины победы долго и тщательно готовились⁴⁶. Обманутыми оказались лишь ветераны

⁴⁶ См.: Полян П. Юбилей а la Glavrou: Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия // *Память о войне 60 лет спустя*. С.282–286.

– настоящие ветераны, которых по прошествии стольких лет осталось в живых совсем немного. Как и все российские пенсионеры, они оказались за чертой бедности. Их тяготы лишь усугубились в январе 2005 года вместе с отменой целого ряда льгот, которые, как теперь считалось, не соответствуют рыночным реалиям. Обещание дать, наконец, всем ветеранам квартиру было отложено до лучших времен. Теперь им посулили более скромный подарок: установить телефон (стационарный, не мобильный) со скидкой на оплату⁴⁷. Государство не нашло денег даже на то, чтобы выполнить давнее обязательство – спустя более полувека, когда архивы, наконец, открыты, найти останки миллионов безвестных солдат и места их захоронения. Эти люди, «пропавшие без вести», отдали жизнь ради спасения страны, погибли в массовой бойне. Их дети – младенцы в годы войны – теперь уже сами немолоды, но так и не знают, где лежат их отцы, нет даже могилы, куда можно прийти и оплакать своих родителей.

С реставрацией *культы* победы достиг завершения процесс «придумывания» прошлого, который посткоммунистическая Россия, потерявшая ориентиры после краха Советского Союза, положила в основу своей идентичности. После стольких лет самобичевания за все грехи, совершенные во времена СССР, Россия снова подняла голову и создала, наконец, позитивный образ своей истории – такой, который способен вытеснить из памяти страшные события реального прошлого и создать основу сильной национальной идентичности, пропитанной «патриотическим духом». Такая идентичность должна соответствовать той роли великой державы, на которую Россия претендует⁴⁸.

Победа над нацизмом предстает апофеозом всей российской истории не только в силу эпического масштаба противостояния, но прежде всего потому, что с этой войной Россия снова обрела статус великой имперской державы, утраченный ею после Октябрьской революции. Акцент ставится на государственном могуществе. Несмотря на видимое сходство, можно проследить глубокую метаморфозу, произошедшую с культом победы по сравнению с брежневскими временами. Тогда, как уже говорилось выше, вместе с победой прославлялся героизм советского народа, победившего нацизм под руководством партии и ее непогрешимого вождя. Теперь исчезла не только партия, которая, в отличие от

⁴⁷ Там же. С.294.

⁴⁸ Именно это Путин пообещал стране, униженной и обиженной после распада Советского Союза и разочаровавшейся к этому времени в Западе. Это обещание, по мнению многих аналитиков, и стало одной из причин успеха российского президента.

своего вождя, в реальной жизни сошла со сцены уже при Ельцине, – пропал и сам народ. За ним признаются героические качества, но это качества пассивные (самоотречение, дух самопожертвования), типичные скорее для послушной «упорядоченной массы»; победа на самом деле служит прославлению русского оружия и мощи государства. Праздник победы в современной России служит культуре сильного авторитарного государства.

Существование преемственности между двумя моделями репрезентации прошлого более всего заметно в произошедшей переоценке личности Сталина, в подчеркивании его вклада в победу и возрождение национального могущества. Однако и здесь достаточно много отличий. В брежневские годы Сталин действительно олицетворял мощь государства, прикрытую, однако, подобием социализма, рожденного Октябрьской революцией, – диктатор всегда считался наследником Ленина. Сегодня ненужная маска сброшена: в современной России Сталин служит воплощением абсолютной власти сильного государства – России, а не Советского Союза. Он олицетворяет имперский статус великой державы. Новая трактовка войны и победы действительно «историзирует» Сталина, позволяя включить его в историю страны, откуда он был вычеркнут с крахом коммунизма.

Подобная инициатива имела достаточно глубокие корни: как показывали все опросы общественного мнения, сделанные по этому поводу и не только, память о Сталине в России сильно поляризована. Для половины населения Сталин – это кровавый тиран, на котором лежит ответственность за смерть миллионов невинных людей, лишивший страну всякой свободы, установивший власть террора. Однако для другой половины, наоборот, – прежде всего творец победы над нацизмом, человек, который вернул России статус великой державы, утраченный после революции, и восстановил порядок в стране⁴⁹.

Сталин подобен двуликому Янусу: обе его личины обращены к двум принципиально различным, непримиримым традициям. Во время перестройки и в первые годы после конца коммунистического режима, когда Россия мечтала о демократии, казавшейся совсем близкой, в общественном мнении господствовало первое представление. Реальным признаком перемены климата в последние годы служит возрастающее число публикаций псевдонаучного характера, издающихся массовыми тиражами, в которых без всяких полутонов реставрируется образ диктато-

⁴⁹ 50 лет со смерти Сталина // www.wciom.ru. 2003. 4 марта; Сталин – великий и ужасный // www.polit.ru. 2003. 3 марта.

ра. В этих работах минимизируются, если не отрицаются вовсе, преступления, которыми запятнал себя Сталин во имя спасения Родины⁵⁰.

Впрочем, новый культ победы воплощает все эти ценности потому, что сегодня память о войне используется для консолидации новой идеологии посткоммунистической России, основанной на прославлении авторитарной власти. Благодаря своей многогранности, способности отвечать на разные политические запросы, удовлетворять потребность в идентификации, культ победы с легкостью занял господствующее положение в посткоммунистической России.

Другая память: Россия и Запад

Реставрация культа победы получила поддержку широких слоев населения, что показывает, в частности, благожелательное отношение к торжествам по случаю 60-й годовщины⁵¹. И все же следует задаться вопросом: действительно это означает, что другая память о войне оказалась полностью вычеркнутой?

По многим признакам можно предположить, что иная память о войне все еще жива и достаточно распространена в обществе, хотя ее и вытеснили с публичной сцены и ей не хватает «рамки» для выражения. Это ясно показывают, например, работы школьников старших классов, представленные на конкурс, проводимый «Мемориалом»⁵².

⁵⁰ См., например: Жуков Ю. *Иной Сталин*. М.: Вагриус, 2003; Карпов В. *Генералиссимус*. М.: Вече, 2002. Т.1–2.

⁵¹ По данным опросов общественного мнения, значительное число россиян одобрительно отнеслось к торжествам. Около половины респондентов (44%) их безоговорочно одобряли, еще треть (33%) одобряли с некоторыми оговорками, в то время как неодобрявших было менее 12% (*Общественное мнение 2005*. С.175). Эти результаты, однако, не опровергают данные другого исследования: на вопрос, как лучше всего было бы отметить 60-летие победы, более половины опрошенных (59%) утверждали – «заботиться о ветеранах», а 18% – укреплять мир и ликвидировать существующие очаги войны, лишь 21% считали, что лучше всего отметить юбилей военным парадом и официальными торжествами (*У каждого поколения свое мнение о победе // www.levada.ru. 2005. 5 мая*).

⁵² Эти сочинения, которые часто отталкиваются от семейных воспоминаний – этих неиссякаемых источников памяти, действительно обнаруживают не только глубокий след, оставленный войною в народной памяти, но именно присутствие другой памяти – памяти о страданиях войны, ее буднях, памяти прежде всего трагической, а не героической, ведь это воспоминания о горе, о непоправимо разбитой жизни (Цена Победы. *Российские школьники о войне*. М.: Мемориал – Новое издательство, 2005).

Другая память возникает также в опросах общественного мнения, – например, в определениях, которые используют респонденты для описания войны. Слова, которые приходят на ум в связи с войной, действительно выдают сильные переживания, горе людей, отсылают в первую очередь к трагедии, а не к экзальтированному героизму официальной памяти. Войну называют великой (38% опрошенных), кровавой (35%), трагической (31%), страшной (28%), героической (25%), долгой (12%)⁵³. Здесь нет ненависти к тогдашним врагам, но есть глубокое убеждение, что войну нужно было вести и одержать победу любой ценой, потому что речь шла о самом существовании страны, а кроме того, о свободе⁵⁴.

Для подавляющего большинства россиян (около 80%) Вторая мировая война была единственной *справедливой* войной, которую вела их страна в XX веке⁵⁵. По мнению большинства опрошенных (68%), в этой войне советские солдаты защищали свой дом, своих близких и саму страну от агрессии⁵⁶. Представление о справедливой войне – признак стойкости *другой* памяти о ней; это, помимо всего прочего, еще и показатель глубокого внутреннего сопротивления, которое встречает беззастенчивое публичное использование Кремлем памяти о войне ради легитимации всех последующих войн, которые вела страна, включая и войну с Чечней.

Впрочем, *другая* память о войне в СССР, а затем в России всегда была проникнута пацифизмом – достаточно вспомнить о кинематографе времен «оттепели», поднимавшем вопрос о справедливости войны. Идея справедливой войны, однако, не означает забвения страшной человеческой трагедии, о чем говорят 29% опрошенных, утверждающих, что «все войны несправедливы, потому что всегда сопровождаются насилием и жестокостью с обеих сторон»⁵⁷.

⁵³ *Общественное мнение 2003. М.: ВЦИОМ, 2003. С.85.*

⁵⁴ По данным опроса, проводившегося в 2002 году, подавляющее большинство (76%) респондентов отвечало утвердительно на вопрос о том, стоило ли платить такую высокую цену за победу в войне, отрицательно отвечало лишь 19%. На вопрос «В чем для Вас заключается смысл войны?» 44% респондентов отвечало, что война была борьбой за существование родной страны, 28% утверждало, что война была борьбой с фашизмом, за свободу и демократию во всем мире, в то время как 21% полагали, что это была борьба СССР с гитлеровской Германией (61-я годовщина начала Великой Отечественной войны // www.polit.ru. 2002. 21 июня).

⁵⁵ *Общественное мнение 2005. С.177. См. также: Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. С.90.*

⁵⁶ *Общественное мнение 2005. С.177.*

⁵⁷ Там же.

Более того, признание войны справедливой при всей страшной цене, которую пришлось заплатить за победу, совершенно не означает оправдания Сталина и его безумной политики⁵⁸. Сурово осуждается сталинская жестокость, которую часто пытаются представить необходимым условием победы. Больше половины россиян действительно считает, что войну можно было выиграть и без знаменитого приказа Сталина «ни шагу назад»⁵⁹. В то же время тезисы ревизионистов не получили особой поддержки в народе: только 19% опрошенных согласны с утверждением Суворова о том, что СССР планировал превентивный удар по нацистской Германии; эту гипотезу отвергают две трети (66%) респондентов⁶⁰.

Другая память о войне живет в обществе, хотя и всего лишь в расплывчатом, неоформленном виде. Быть может, она даже кристаллизуется в каких-то отдельных «нишах». В отличие от брежневской эпохи, когда любые воспоминания, отличавшиеся от официальной версии, подавлялись в силу полного отсутствия свободы слова и печати, теперь издательское дело свободно, несмотря на все стремление средств массовой информации прислуживать новым властям. Существует свобода исследования: в последние годы были опубликованы документы и воспоминания, имеющие большое значение не только для реконструкции военных и политических событий, но также и понимания военной повседневности – например, блокады Ленинграда.

Если читатель позволит мне оставить на минуту ремесло историка, чтобы в заключение обратиться к более общим вещам, то я могу сказать следующее. Мне кажется, именно эта *другая* память о войне, которая ближе всего к памяти о войне, существовавшей на Западе до недавней волны ревизионизма, значительно ее извратившего, может и должна стать основой нашей совместной работы по созданию общей европейской памяти о войне. Такая память будет носителем идеалов свободы, гражданской активности и общей ответственности за судьбы Европы. Эти идеалы представляют – пусть пока лишь потенциально – наше общее достояние. Эта память сможет стать фундаментом общей идентичности жителей Европы XXI в., частью которой – с точки зрения истории и культуры – является и Россия.

⁵⁸ Большинство опрошенных возлагают ответственность за трагедию первых месяцев войны на диктатора. Причины колоссальных потерь, понесенных Красной армией, связываются с внезапностью нацистского вторжения (41%), в которое Сталин до последнего отказывался верить, с репрессиями, которым подверглась армия в годы Террора (40%), с тем, что считавшаяся непобедимой армия была на самом деле подготовлена и оснащена намного хуже, чем вермахт (Общественное мнение 2005. С.172).

⁵⁹ 53% – «да», 35% – «нет» (61-я годовщина начала Великой Отечественной войны).

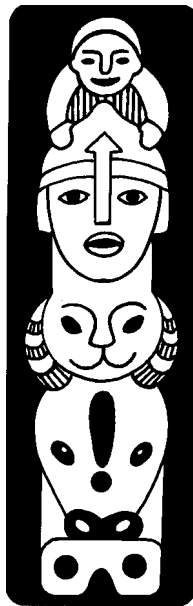
⁶⁰ Общественное мнение 2005. С.170.

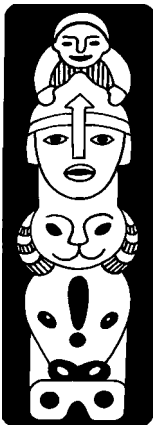
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

Наблюдатель более свободен, более раскован, он заметит побудительные причины, которые участник из-за запрета или слепоты хочет игнорировать, он заметит мотивы, которые участник игнорирует, потому что они имеют бессознательный или очевидный характер.

Как каждый преобразует свое
прошлое, как художник
преобразует модель,
так и биограф преобразует
своего героя.

Реймон Арон





Юрий Аксютин

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

«КАЩЕЙ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

УДК
929

The article is devoted to M.A.Suslov, one of the leading politicians of the USSR. The author undertakes the first attempt to offer an answer to the question why this man was so attractive for the first leaders of the party and the state and why I.V.Stalin, N.S.Kruschev and L.I.Brezhnev who regarded such Suslov's purely human traits as excessive formality of communication and the absolute lack of predisposition to backslapping and to foul language perhaps critically and even disdainfully nevertheless appreciated Suslov's extensive and retentive memory, ability to grasp complicated international and ideological issues, diligence and efficiency, lack of exorbitant ambitions that brought to ruin carriers of many other colleagues in the top Soviet leadership. The article also deals with the issue to what extent the fame that Suslov was the embodiment of the mean aspects of the regime which fostered Suslov who tried his best in serving to the regime with no fear or reproach (this fame was ascribed to Suslov by the efforts of the liberal intellectuals) corresponds to the reality.

Ключевые слова: М.А.Суслов; местные партийные организации; Великая Отечественная война; идеологическая работа; международная деятельность КПСС; события в Венгрии 1956 г.

Key words: M.A.Suslov; the local party organizations; the Great Patriotic War; ideological work; the international activity of the CPSU; Hungary events of 1956.

E-mail: aksyutin37@mail.ru

«Кашеем» его звали не только за фигуру – высокий, но сутулый и изможденный, непомерно худой. Такое прозвище в старину давали также скряге, скупцу и ростовщику, корпящему над своею казною. Кашеем Бессмертным было сказочное лицо отнюдь не положительного свойства: в восточнославянской мифологии это был злой чародей, похитивший царевну-красавицу, которая хитростью сумела выведать у него тайну его смерти, спрятанную в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметах. Филологи считают слово «кащей» не столько производным от костей, сколько заимствованным из тюркского *Kosci*, «пленник». Так что прозвище Сулова можно толковать и несколько иначе: он не только держал в идеологическом плену людей, но и сам был пленником (другое дело, что добровольным) системы, из которой вышел, которая его воспитала и дала возможность подняться к вершинам власти. Иначе обстоит дело с другим его прозвищем. «Серым кардиналом» считается неофициальный лидер, замыкающий на себя процессы управления организацией. Часто формальный руководитель, например, король или генсек, только думает, что влияет на процессы, а на самом деле – он лишь получает положенные почести и мало за что отвечает. Реально ситуацией управляет какой-нибудь авторитетный «серый кардинал». Таким был, например, кардинал Ришелье при короле Людовике XIII. Но про Сулова такое сказать никак нельзя.

**Уметь показать
свою ценность,
не обнаруживая
личных амбиций**

Михаил Андреевич Сулов родился 8 (21) ноября 1902 года в селе Шаховском Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне Павловского района Ульяновской области) в

семье крестьянина, занимавшегося отходничеством. Революция застает отца Сулова в Архангельске, где его избирают в Совет рабочих депутатов. Вернувшись в 1919 году на родину, он вступает в РКП (б)¹, работает в Хвалынском уездном комитете партии и совдепе. А его сын Михаил, успев побывать в комбедде, где занимался реквизициями продовольствия, в феврале 1920 года вступил в комсомол, активно участвовал в жизни Хвалынской уездной организации РКСМ.

¹ См.: *Медведев Р.А. Штрихи из жизни Михаила Сулова // Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. С.321.*

С 1921 года – коммунист. Образование получил на Пречистенском рабфаке (1924), в Московском институте народного хозяйства имени Г.В.Плеханова (1928), одновременно вел преподавательскую работу в столичных Текстильном институте и Химическом техникуме. Затем учился (числился в аспирантуре? – Ю.А.) в Институте экономики Коммунистической академии (Волхонка, 14 / М.Знаменский пер., 1) и одновременно преподавал политэкономии в Московском университете и в Промышленной академии им. Сталина (Новая Басманная, 20)². Активно участвовал в борьбе против троцкистов и зиновьевцев, а потом и правого уклона в партии. В 1931–1934 годах работал в аппарате Центральной контрольной комиссии ВКП (б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ), в 1934–1936 – в Комиссии советского контроля при СНК СССР.

1 декабря 1934 года состоялся его первый визит в Кремлевский кабинет Сталина. Обсуждалось известие об убийстве Кирова в Ленинграде. И членам Политбюро, и наркому внутренних дел Г.Г.Ягоде зачем-то понадобились на 10 минут заведующий партийным агитпропом и главный редактор журнала «Большевик» А.И.Стецкий, редакторы «Правды» и «Известий» Л.З.Мехлис и Н.И.Бухарин, а также М.А.Суслов³.

С начала 1938 года Суслов (с 5 марта в ранге секретаря Ростовского обкома) заведует отделом руководящих партийных кадров обкома. В начале 1939 года возглавляет Орджоникидзевский (Ставропольский) крайком ВКП (б) и на XVIII съезде ВКП (б) в марте того же года избран членом Центральной ревизионной комиссии. Не упускал он случая «отметиться» и в центральной печати. 29 февраля 1940 года в «Правде» публикуется его статья «Праздник трудящихся Ставрополя», посвященная 20-летию занятия Ставрополя частями Красной армии и нынешним успехам советской власти⁴. На XVIII всесоюзной конференции ВКП (б) 15–20 февраля 1941 года Михаил Андреевич оказался среди тех 6 выдвиженцев, которые пополнили состав членов Центрального комитета.

² См.: *Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т.25; Состав Центральных органов КПСС, избранных XXVI съездом партии. М.: Политиздат, 1982. С.33.*

³ См.: *На приеме у Сталина: Журналы (тетради) записей лиц, принятых И.В.Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А.А.Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. С.142.*

⁴ Суслов М. Праздник трудящихся Ставрополя // Суслов М. *Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1982. Т.1. С.12.*

24 сентября 1941 года Суслов выступил на краевом партийном активе с докладом «Великая Отечественная война и задачи парторганизаций». Это был не совсем обычный для регионального руководителя доклад. Первый его раздел претендовал на теоретическое обоснование причин, целей и характера войны. В нем было изобилие цифр, ссылок на Сталина, Твардовского и Алексея Толстого, цитат из Гитлера, фактов зверств фашистской солдатни над мирным населением. Второй раздел освещал некоторые итоги и перспективы войны. Говорилось и о вкладе местных жителей в дело защиты Отечества: «На днях краевой комитет партии, Ворошиловский горком, Карачаевский и Черкесский обкомы получили от кавчасти, входящей в группу товарища Доватора, письма, подписанные командованием и бойцами и обсужденные на полковых собраниях. В этих письмах наши земляки шлют боевой пламенный привет трудящимся Орджоникидзевского края, рассказывают о своих боевых операциях, о славном кавалерийском рейде в тылу врага, рассказывают об отважных подвигах многих бойцов»⁵. В начале декабря 1941 года крайком получил письмо от генерал-майора Л.М.Доватора: «Теперь мы стоим неприступной стеной на подступах Москвы, но нас мало. Я бы был счастлив, если бы от вас получил пополнение на конях хотя бы человек пятьсот, чтобы и впредь сохранить состав 2-го гвардейского кавкорпуса из кубанцев и ставропольцев и чтобы корпус высоко держал боевые традиции орджоникидзевцев». И через две недели пополнение из 500 добровольцев на конях и с оружием, сделанным на месте, было отправлено⁶.

Менее года спустя война пришла и на Северный Кавказ. 3 августа 1942 года группа немецких армий «А» захватывает центр края Ворошиловск (Ставрополь), после чего устремляется на юг, к перевалам через Кавказский хребет. 10 августа для обороны на Грозненском направлении создается Северная группа войск Закавказского фронта в составе пяти общевойсковых армий. Командовал ею генерал-лейтенант И.И.Масленников, а Суслов стал членом ее Военного совета. 2 октября Суслов во второй раз лично понадобился за чем-то Сталину, Молотову и Берии. Разговор между ними в Кремле длился в течение 15 минут⁷. Пару раз Северную группу войск посещал член Военного совета Закавказско-

⁵ Суслов М.А. *Великая Отечественная война и задачи парторганизаций. Доклад на краевом партийном активе 24 сентября 1941 г. Ворошиловск, 1941. С.22–23.*

⁶ Суслов М.А. *Речь на торжественном заседании в Ставрополе 12 мая 1978 г. // Пребывание М.А.Суслова на Ставрополье 11–13 мая 1978 г. Ставрополь, 1978. С.12–13.*

⁷ См.: *На приеме у Сталина... С.386.*

го фронта Л.М.Каганович. И каждый раз обо всем увиденном там извещал довольно подробно Сталина⁸. 3 января 1943 года войска Северной группы Закавказского фронта начали наступление в направлении на Нальчик (освобожден 4-го) и Ворошиловск (23-го, но еще 12-го ему возвращено старое название Ставрополь). 24 января на базе Северной группы создан Северо-Кавказский фронт. Командующим его остался тот же Масленников. Для Сулова же фронтовая деятельность заканчивается.

26 января 1943 года в газете «Правда» печатается его статья «В освобожденном крае». Среди прочего в ней утверждалось об открытии железнодорожного движения между Кизляром и Минеральными Водами. В докладе о задачах партийных организаций в деле ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации, сделанном им на Пленуме Ставропольского крайкома ВКП (б) 10 марта 1943 года, Сулов целый раздел посвящает разоблачению политики грабежа и разорения, проводившейся оккупантами. Особое внимание он уделил «земельному закону» для оккупированных территорий⁹. Важнейшими задачами партийных организаций теперь Сулов объявляет организацию весеннего сева и восстановление общественного животноводства. Причем трудности на пути к выполнению второй из них, пожалуй, еще большие, чем первой. И происходили они от того, что, обещав наделить крестьян землей, немцы, исходя из сугубо прагматических соображений, не торопились выполнить это обещание до окончания войны, но содержать коров, овец и свиней, по их мнению, было продуктивнее и экономнее в частных руках. Вот и приходилось теперь советским властям забирать у людей то, что те получили от оккупантов¹⁰. Об укреплении общественной собственности колхозов Сулов рассуждает и в статье, опубликованной в конце 1943 года в журнале «Партийное строительство»¹¹. Восстановление разрушенного войной хозяйства сопровождалось ликвида-

⁸ Каганович Л.М. *Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника*. М.: ВАГРИУС, 1996. С.472–473, 538.

⁹ См.: Сулов М. *Задачи партийных организаций в деле ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации. Доклад на Пленуме Ставропольского крайкома ВКП (б) 10 марта 1943 г.* // Сулов М. *Марксизм-ленинизм и современная эпоха*. Т.1. С.80.

¹⁰ См.: Там же С.92–93.

¹¹ Сулов М. *Вопросы колхозного строительства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов* // Сулов М. *Марксизм-ленинизм и современная эпоха*. С.100–101.

цией 12 октября 1943 года Карачаевской автономной области, входившей в состав Ставропольского края. Практически за один день 2 ноября того же года оттуда выселили в Среднюю Азию 69 тысяч карачаевцев.

10 ноября 1944 года «для оказания помощи партийным организациям Литовской ССР», только что освобожденной от немецких войск, создано Бюро ЦК ВКП (б) по Литве. А его председателем назначается М.А.Суслов¹². Очевидно, при этом учитывался его опыт руководства местными партийными организациями в ликвидации последствий войны и в упрочении советского строя на Ставрополье, за что он 18 апреля 1945 года получил в Кремле орден Отечественной войны 1-й степени¹³.

В своих устных и печатных выступлениях он затрагивает самые острые и актуальные проблемы – такие, как судьбы крестьянства при социализме, роль национальной интеллигенции и борьба против местных националистов. И напоминает, что именно советская власть «навсегда воссоединила в пределах литовского государства Клайпеду и древнюю столицу Вильнюс»¹⁴. Во время кампании по выборам в Верховный Совет СССР в начале 1946 года Суслов пишет брошюру «Союз и дружба народов СССР – основа их свободного развития и процветания». В ней, естественно, клеймятся главные (хотя и негласные, действующие буквально из подполья) противники официальных кандидатов блока большевиков и беспартийных – вчерашние пособники Гитлера. Он признает, что в результате многолетней пропаганды фашистов у некоторой части населения не могло не остаться «известной психологической травмы, отравления сознания». Особенно это касается отдельных литовских интеллигентов, у которых «до сих пор живет еще червячок сомнения в судьбе литовской национальной культуры, литовского национального искусства при советском строе». Чтобы развеять эти сомнения, Суслов приводит многочисленные ссылки на опыт развития культуры в многонациональном СССР и на государственные ассигнования на хозяйство и культуру, несравнимые с теми, что были в буржуазной Литве. «Советское государство одинаково ценит и всемерно поощряет развитие передовой культуры и передового искусства всех национальных республик, создает для этого все необходимые условия»¹⁵.

¹² *История СССР. 1972. №5. С.127.*

¹³ *Правда. 1945. 19 апреля. С.1.*

¹⁴ *Суслов М.А. Быстрее восстановим сельское хозяйство республики. Речь на 1-м съезде трудовых крестьян Литовской ССР 29 марта 1945 г. // Суслов М. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Т.1. С.133–134.*

¹⁵ *Там же. С. 146.*

Сразу же после выборов в Верховный Совет СССР на Пленуме ЦК ВКП (б) в марте 1946 года Сулова избирают членом Организационного бюро ЦК, а с мая назначают заведующим отделом внешней политики ЦК ВКП (б)¹⁶. В его обязанности входит подбор кадров для работы в дипломатическом и внешнеторговом ведомствах, а главное – сбор сведений о том, что делают коммунистические партии, каковы взаимоотношения между их руководителями; выяснение и исправление их ошибок¹⁷. На Пленуме ЦК ВКП (б) в марте 1947 года статус Сулова в качестве заведующего отделом внешней политики повышается: он избирается секретарем ЦК. Его теперь посвящают во многие тайны взаимоотношений между ВКП (б) и другими компартиями. Принимая решение об оказании финансовой или материальной помощи какой-нибудь из них, Политбюро в одних случаях называло конкретный адрес, а в других, как, например, 23 мая 1947 года, только указывало: «Выдать т. Сулову для специальных целей 100 тысяч долларов»¹⁸.

В сентябре 1947 года Сталин меняет руководство Управлением пропаганды и агитации (УПиА) ЦК ВКП (б): вместо Г.Ф.Александрова его начальником назначается М.А.Сулов, продолжавший одновременно заведовать отделом внешней политики¹⁹. В составе УПиА был отдел науки. А заведовал им 27-летний сын Жданова Юрий, который, вознамерившись дать открытый бой засилью в отечественной биологии антинаучных методов Т.Д.Лысенко, 10 апреля 1948 года прочитал доклад на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма». Сталин был в гневе. 28 мая на заседании Политбюро, куда были вызваны Сулов, его заместитель Д.Т.Шепилов и Ю.А.Жданов, Сталин не скрывал своего возмущения: «Это неслыханное дело. Без ведома ЦК поставили на сборе лекторов молодого Жданова. Разделали под орех Лысенко. На каком основании? Кто разрешил?» Подводя итоги заседания, Сталин, по словам Шепилова, очень тихо и со «зловещей» нотой в голосе произнес, что надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова – он еще молодой и неопытный, – а отцов, указав мундштуком трубки при этом

¹⁶ См.: *Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю.В.Горячев. М.: Парад, 2005. С.387.*

¹⁷ См.: *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т.1. 1944–1948 гг. / Отв. ред. Г.П.Мурашко. С.681, 760–763, 787–800 и 814–829, 834–858.*

¹⁸ См.: *Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М.: Россия молодая, 1994. С.16.*

¹⁹ *Шепилов Д. Непримкнувший. М.: ВАГРИУС, 2001. С.89.*

на Жданова-старшего²⁰. Тот вскоре после этого тяжело заболел и через какое-то время умер. Служебные полномочия его по Секретариату ЦК были переданы Маленкову.

В том году Сулов понадобился лично Сталину аж 21 раз, из них 18 в первой половине года²¹. 10 июля 1948 года УПиА преобразовано в отдел пропаганды и агитации, но уже во главе с Шепиловым. Из ЦК начинают убирать людей, запятнавших себя тесным сотрудничеством с покойным главным идеологом. В марте 1949 года отдел внешних сношений (так он именовался с июля 1948 года) ликвидируется, а его аппарат изымается из Секретариата ЦК и передается новой комиссии Политбюро по вопросам внешней политики и связи с иностранными компартиями. Сулов же назначается главным редактором газеты «Правда». Число встреч его со Сталиным сокращается до 7. Из них последняя в этом году – 10 декабря, когда, судя по присутствующим, решался вопрос о замене первого секретаря МК и МКГ ВКП (б) и секретаря ЦК ВКП (б) Г.М.Попова Н.С.Хрущевым²². Сулов вместе с Маленковым, Берией и Кагановичем состоял в комиссии для проверки работы Попова, деятельностью которого был недоволен Сталин²³.

После XIX съезда КПСС, состоявшегося 5–14 октября 1952 года, Сулов включается Сталиным в расширенный до 25 членов Президиум ЦК КПСС, оставаясь в то же время одним из 10 секретарей ЦК²⁴.

«Человек в футляре»

5 марта 1953 года Сталин умирает, а незадолго до его смерти собравшаяся в Кремле советская элита беспрекословно соглашается с предложением Маленко-

ва, чтобы Президиум ЦК КПСС был сокращен до 10 человек. Понятно, что Сулов оказывается за его пределами. Но секретарем ЦК КПСС остается. С 16 апреля 1953 года по 1954 год заведует отделом ЦК КПСС по связям с зарубежными коммунистическими партиями, принимает активное участие во многих международных и двусторонних встречах

²⁰ Там же. С.130.

²¹ См.: На приеме у Сталина... С.499.

²² См.: Там же. С.527.

²³ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М.: Изд. РАГС, 1998. С.71.

²⁴ См.: Избрание Пленумом Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза исполнительных органов ЦК // Правда. 1952. 17 октября. С.1.

лидеров и деятелей коммунистических партий. И все больше вовлекается в разработку и обоснование внешнеполитических новаций коллективного руководства, причем ему здесь приходится сталкиваться с мнением Молотова.

На Пленуме ЦК КПСС в июле 1955 года Сулов вносит свой вклад в критику ошибок Молотова по югославскому вопросу²⁵. На том же Пленуме Сулов избирается членом Президиума (с 1966 – Политбюро) ЦК КПСС.

Когда Хрущев в начале 1956 года предлагает вынести на XX съезд обсуждение вопроса о совершенных Сталиным преступлениях в отношении большевистской элиты, Сулов поддерживает его, говоря 1 февраля на заседании Президиума ЦК: «За несколько месяцев узнали ужасные вещи. Нельзя оправдывать этого ничем»²⁶. «Надо делегатам съезда рассказать все, – говорил он и на заседании 9 февраля. – О коллективности руководства говорим, а со съездом будем хитрить?» Но в то же время призывал к осторожности, предупреждая, что «авансировать нельзя»²⁷.

В архиве сохранились несколько экземпляров первоначального проекта доклада Хрущева о культе личности, разосланного им своим коллегам 23 февраля. В том из них, что был послан Сулову, имеются подчеркивания и поправки, сделанные разными карандашами – красным, синим, фиолетовым и простым, что свидетельствовало о том, что его читали не менее четырех человек. Помимо сугубо редакционной правки, есть в нем и довольно любопытные пометы. Там, где говорится о начале войны, синим отмечено: «Уроки на будущее». Синим же перед разделом о Ленинградском деле сделана надпись: «Попраие нац. прав народностей 1943–1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы». И синим же на полях заключительной части, где содержалось предупреждение о том, что «этот вопрос мы не можем вынести за пределы

²⁵ Стенограмма утреннего заседания Пленума ЦК КПСС от 11 июля 1955 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.159. Л.130–131.

²⁶ Протокол №185 Президиума ЦК КПСС от 1 февраля 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С.96–97.

²⁷ Протокол №187 Президиума ЦК КПСС от 9 февраля 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.101.

съезда, а тем более в печать», добавлено: «Не обнажать язвы перед обывателем»²⁸.

К прямым последствиям XX съезда следует отнести то, что в союзной Венгрии начинается сильное движение против чрезмерной зависимости от СССР и за либерализацию режима. 23 октября Президиум ЦК принимает решение ввести войска в Будапешт и направить туда Микояна и Сулова²⁹. Первые их сообщения оттуда полны оптимизма: опасения венгерских партийных товарищей преувеличены, очаги вооруженного сопротивления быстро подавляются (24 октября). Оба посланца Кремля явно одобряют курс нового премьера Имре Надя на мирное разрешение конфликта и 27 октября докладывают, что разделяют его предложение о включении в правительство «мелкобуржуазных демократических общественных деятелей»³⁰. Но с ними не все согласны в Кремле. «Обстановка ухудшилась, – утверждал 28 октября Молотов. – Идет дело к капитуляции. Надь вот-вот выступит против нас». Его поддерживает Булганин. Хрущев, напротив, предлагает поддержать правительство, ибо развал его создаст угрозу того, что венгерские войска могут перейти на сторону повстанцев. С ним согласен Каганович: «Нападать на Микояна и Сулова не следует. Они действуют правильно». Это мнение разделяют Маленков, Сабуров и Жуков³¹.

28 октября Сулов прилетает обратно и докладывает о больших потерях при подавлении узлов сопротивления (600 человек убитых), об уходе рабочих с предприятий и стихийном образовании там советов, о том, что новый глава правительства И.Надь в свое обращение к нации вставил тезис о выводе советских войск. «Поддерживаем ли мы данное правительство с объявленной декларацией? Поддерживать. Другого выхода нет». Протестует Ворошилов: «Поспешно не выводить войска. Американская агентура действует сильнее, чем товарищи Сулов и Микоян... Зря вас послали туда». С ним не соглашаются Хрущев, Каганович, Булганин и Маленков, а также Жуков³².

Но положение в Венгрии продолжало ухудшаться. И уже 1 ноября Сулов сообщает: «Опасность буржуазной реставрации подошла вплот-

²⁸ РГАНИ. Ф.1. Оп.2. Д.16. Л.123, 133, 161.

²⁹ Протокол №48 Президиума ЦК КПСС от 23 октября 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.176–177.

³⁰ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С.160–161.

³¹ Там же. С.161–162.

³² Протокол №49 Президиума ЦК КПСС от 28 октября 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.184–186.

ную. Удержится ли это правительство? Нет гарантии. Только с помощью оккупации можно иметь правительство, поддерживающее нас». «Если не примем меры, Венгрию потеряем», – соглашается Булганин. «Действия должны быть решительными, – говорит Жуков. – Изъять всю дрянь. Обезоружить контрреволюцию». Ему и Суслову вместе с Коневым, Серовым и Брежневым поручено составить план мероприятий³³.

4 ноября советские войска (12 дивизий) под командованием Конева вступили в Венгрию, а вместе с ними туда вернулся Янош Кадар как председатель временного революционного правительства. О его первых шагах в Москву сообщают из Будапешта Суслов и посол Ю.В. Андропов³⁴. Кровавый исход мирно начавшейся революции, наши потери там, несомненно, наложили отпечаток на взгляды их обоих, заставив впоследствии относиться ко всем реформаторским новациям с подозрением.

Но пока что Суслов поддерживает предложение Хрущева децентрализовать оперативное управление промышленностью и строительством³⁵. А когда 27 марта 1957 года в Президиуме ЦК возникает полемика, вызванная скептической позицией Молотова, изложенной им в специальной записке, Суслов, как, впрочем, и все остальные, осудил сам факт ее подачи: «Нет лояльности, дружелюбия. Хочет заранее отмежеваться: "Будут трудности, вот"... Непартийное поведение»³⁶. В той острой борьбе, которая развернулась в партийных верхах между большинством членов Президиума и Хрущевым в июне 1957 года, Суслов прочно стоял на стороне последнего, но не разделял чрезмерно радикальных предложений силовиков. «Вот я теперь никто, – говорил Хрущев своим сторонникам во время одного из обеденных перерывов. – Не хотелось бы уйти с такими обвинениями, с таким решением». И предложил договориться: уходить ли ему из ЦК или найти другой выход? «Вам не надо уходить с поста первого секретаря, – твердо заявил Жуков. – А их я арестую». У него все готово. «Зачем арестовывать? – спрашивает Суслов. – К тому же в каких преступлениях можно их обвинить?» В таком

³³ *Протокол №50 Президиума ЦК КПСС от 1 ноября 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.194–195.*

³⁴ *См.: Протокол №55 Президиума ЦК КПСС от 13 ноября 1956 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.208.*

³⁵ *См.: Протокол №70 Президиума ЦК КПСС от 28 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.222.*

³⁶ *Протокол №85 Президиума ЦК КПСС от 27 марта 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.243.*

же духе высказывается первый секретарь ЦК КП Узбекистана Мухитдинов: «Надо все решать на Пленуме. А Пленум Вас поддержит, Никита Сергеевич». Хрущев благодарит их всех за откровенные товарищеские высказывания: «Действительно, наиболее реальный путь – быстро созвать Пленум, перехватить у них инициативу... Давайте ускорим его созыв, пока этого не сделали они». И предложил Сулову пригласить заведующих отделами ЦК и через них постараться «оповестить людей так, чтобы люди завтра прибыли». Жукову предложил вместе с Серовым обеспечить прибытие товарищей с периферии. А первому секретарю МГК КПСС Е.А.Фурцевой – заняться Москвой, чтобы все находящиеся тут и прибывающие явились. «И подумайте, в какой словесной форме их правильно ориентировать»³⁷.

На следующий день, 21 июня, в Президиум ЦК заявили одна за другой две многочисленные делегации членов ЦК, ультимативно требовавших вынести возникшие разногласия на Пленум ЦК КПСС. В конце концов, так и решили: никакой резолюции заранее не принимать, никакой комиссии по ее выработке не создавать, а поручить Сулову доложить информацию³⁸. С этой информации и начался 22 июня 1957 года Пленум ЦК КПСС. Суть выступления Сулова можно выразить в нескольких словах: «Товарищи Маленков, Каганович и Молотов, с одной стороны, невероятно раздували и преувеличивали недостатки товарища Хрущева, а с другой – фактически полностью перечеркивали всю огромную напряженную инициативную работу, которую проводит товарищ Хрущев на посту первого секретаря ЦК»³⁹. Особенно досталось Шепилову, выступление которого Сулов назвал неправильным и позорным, носившим провокационный характер стравливания членов Президиума ЦК между собой⁴⁰. Направленность информации для всех была очевидной. И тем не менее она выглядела довольно обтекаемой и даже с претензией на некую объективность по сравнению с теми яростными и ожесточенными нападками, которым подвергли «заговорщиков» последующие ораторы, начиная с маршала Жукова. В итоге этого обсуждения (проходившего, кстати, под неперменным председательст-

³⁷ Мухитдинов Н.А. *Река времени (от Сталина до Горбачева). Воспоминания*. М.: Рустипрести, 1995. С.241–242.

³⁸ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. *Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н.Ковалева и др. М.: Международный фонд «Демократия» 1998 (Серия «Россия. XX век. Документы»). С.188. Выступление Аристова.*

³⁹ Там же. С.29.

⁴⁰ Там же. С.31.

вом Сулова) Молотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов» были признаны участниками «антипартийной группы» и выведены не только из Президиума ЦК, но и из самого ЦК. Кстати, если судить по обмену отдельными репликами между участниками дискуссии, Сулов в то время считался в партийном аппарате вторым после Хрущева секретарем ЦК⁴¹. И тут же выясняется, что инициаторы снятия Хрущева предполагали и Сулова переместить с партийной работы, сделав его министром культуры⁴².

А осенью того же 1957 года наступил черед Жукова. На посвященном его делу Пленуме ЦК КПСС 28 октября 1957 года Сулов сделал доклад: «В данном случае мы имеем дело не с отдельными ошибками, а с системой ошибок, с определенной линией Жукова, с его тенденцией рассматривать Вооруженные силы как свою вотчину, с линией, которая ведет к опасному отрыву Вооруженных сил от партии, к отстранению ЦК от решения важнейших вопросов, связанных с жизнью армии и флота»⁴³.

3 января 1958 года Президиум ЦК КПСС создает во главе с Суловым постоянно действующую (чтобы заседала через неделю) комиссию по вопросам культуры, идеологической работы и международным связям⁴⁴. Именно Михаил Андреевич докладывал руководству о скандале, связанном с романом Б.Пастернака «Доктор Живаго». «Без Сулова в таких вопросах не могло обойтись, – вспоминал позже Хрущев. – Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе». Так и решили, что печатать роман не стоит. А когда он все же был напечатан за рубежом и удостоен Нобелевской премии по литературе, уже разгневанный Хрущев предлагает: «Если желает, может поехать за границу для получения своей премии»⁴⁵. Но без права вернуться на Родину. Это пожелание-угрозу он и Сулов поручили В.Е.Семичастному огласить на торжественном вечере, посвященном 40-летию комсомола.

23 февраля 1962 года Президиум ЦК КПСС рассматривает письмо писателя В.Гроссмана с жалобой на изъятие у него год назад рукописи

⁴¹ Там же. С.76. Реплика Кириленко к выступлению Булганина.

⁴² Там же. С.83, 207. Выступления М.З.Сабурова (с репликой Первухина) и Ф.Р.Козлова.

⁴³ Речь Ф.И.Голикова // XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т.3. С.67.

⁴⁴ Протокол №132 Президиума ЦК КПСС от 3 января 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–164. Т.1. С.291.

⁴⁵ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: [В 4 кн.]. М.: Московские новости, 1999. Кн.4. С.275–276.

романа «Жизнь и судьба» и с просьбой «вернуть свободу» книге, чтобы о ней спорили редакторы, а не чекисты. Суслову поручено принять его и сказать: «Вы апеллируете к нам или готовитесь к борьбе? Ваше произведение за нас или против нас? Советуем быть осторожным»⁴⁶. Встреча эта состоялась 23 июля 1962 года. По словам самого Гроссмана, разговор был очень холодный и неприязненный. «"Доктор Живаго" Пастернака – детский лепет по сравнению со второй частью вашего романа, – говорил Сулов. – Мы ведем сейчас за собой миллиарды людей, и не в наших интересах публиковать вещи, которые не только не привлекут к нам новых сторонников, а могут и оттолкнуть завоеванных». Без всякой грубости, отменно вежливо этот «сердечник, человек понаторевший, все время вращающийся в интеллигентной среде, но сам не ставший интеллигентом», заявил: «Это не то, что мы ждем от вас... Мы не можем сейчас вступать в дискуссии, нужна или не нужна была Октябрьская революция». И еще сказал, что «о возвращении или напечатании романа не может быть и речи, напечатан он будет, может быть, не раньше, чем через 200–300 лет»⁴⁷.

20 ноября 1962 года М.А.Сулову в связи с его 60-летием присвоено звание Героя Социалистического труда. И уже тогда, возможно, начал зарождаться миф о Сулове как об идеологическом стержне всего плохого, что видела либеральная интеллигенция в системе. Внес потом в этот миф свой вклад и Хрущев. Уже в отставке, диктуя свои мемуары, он так описывал инициированное им решение Президиума ЦК напечатать в журнале «Новый мир» повесть «Один день Ивана Денисовича» никому тогда не известного А.И.Солженицына: Понравилась она мало кому, раздавались сомнения, а вот возражал только Сулов: «Он один скрипел "против", придерживался полицейской точки зрения: держать и не выпускать. Нельзя и все! Почему? <...> Боялся, как народ воспримет?»⁴⁸ Высказались тогда почти все члены Президиума. Преобладающим было мнение: надо еще подумать, где и как публиковать. На все это чуть раздраженный Хрущев ничего не ответил, а только спросил

⁴⁶ *Протокол №22 Президиума ЦК КПСС от 23 февраля 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.551.*

⁴⁷ *Литкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. №7. С.101; Суриц Г. Потомки не простят // Московский комсомолец. 14 апреля 1989 г. С.4; Ямпольский Б. Последняя встреча с Василием Гроссманом // Дружба народов. 1989. №2. С.167.*

⁴⁸ *Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн.4. С.278.*

своего помощника Лебедева: «Когда мы сможем получить книгу из печати?» Так он решил этот вопрос. Единолично⁴⁹.

Но вот каким Суслов запомнился А.И.Солженицыну на встрече Хрущева с интеллигенцией в Доме приемов на Ленинских горах в декабре 1962 года. К нему (Солженицыну) и Твардовскому подходит «высокий, худощавый, с весьма неглупым лицом человек», уверенно протягивает руку, очень энергично трясет ее и говорит о своем крайнем удовольствии от «Одного дня Ивана Денисовича». И для Александра Исаевича это так и осталось загадкой: «Отчего так горячо он меня приветствовал? Ведь при этом и близко не было Хрущева, никто из Политбюро его не видел – значит, не подхалимство? Для чего же? Выражение искренних чувств? Законсервированный в Политбюро свободлобец? – Главный идеолог партии!.. Неужели?»⁵⁰

Много сил и времени отнимала у Суслова международная деятельность КПСС, где чем дальше – тем больше приходилось иметь дела с возрастающими, словно снежный ком, разногласиями между Москвой и Пекином. 5–20 июля 1963 года он проводит в Москве очередную двухстороннюю встречу с генсеком ЦК КПК Дэн Сяопином. Она свелась к шумной перепалке и обличительным монологам. Весь разговор вертелся вокруг одного вопроса: кто отступает от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма? А 14 февраля 1964 года на очередном Пленуме ЦК КПСС Суслов делает доклад с беспрецедентно острой критикой руководства КПК: «Китайские лидеры пытаются противопоставить советский народ, советских коммунистов руководству партии, руководству страны... А китайская печать и радио призывают советских людей бороться против Центрального комитета нашей партии и Советского правительства». Не скупясь на резкости, Суслов обращает внимание партийной элиты на то, что в борьбе с КПСС китайские руководители сосредоточивают огонь на ее первом секретаре: «Они хотели бы, в своих подрывных целях, отделить товарища Хрущева от Центрального комитета, противопоставить нашему ЦК партии и советскому народу. Но этот грязный замысел авантюристичен и безнадежен, обречен на полный и позорный провал. Китайские лидеры, да и не только они, должны зарубить себе на носу, что наш Центральный комитет во главе с верным ленинцем Никитой Сергеевичем Хрущевым един и монолитен, как никогда»⁵¹.

⁴⁹ Яковлев А.Н. *Сумерки. М.: Материк, 2003. С.281.*

⁵⁰ Солженицын А. *Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С.326–327.*

⁵¹ Кулик Б.Т. *Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000.*

И хотя до Суслова наверняка доходили слухи о том, как Хрущев неслестно и даже «совсем убийственно» отзывался о нем⁵², он вряд ли участвовал в подготовке намечавшегося тогда номенклатурного переворота, имевшего целью лишить власти Хрущева. По воспоминаниям Н.Г.Егорычева, бывшего тогда первым секретарем Московского городского комитета КПСС, когда Брежнев посылал его вместе с Сусловым 15 июля на похороны генсека Компартии Франции М.Тореза, то попросил поговорить там с Михаилом Андреевичем откровенно, без свидетелей, выяснить умонастроение и, по возможности, склонить на сторону противников Хрущева. «Обсуждался ли в Президиуме ЦК вопрос об Академии наук в связи с тем, что Никита Сергеевич заявил, что нам такая академия не нужна?» – для начала поинтересовался Егорычев, оказавшись после траурной церемонии наедине с Сусловым в посольском саду. «Что вы, конечно, нет», – тут же следует ответ. Но, когда Егорычев попытался развить дальше этот разговор, напомнив, что неразумно урезать на селе по указанию центра и без того небольшие приусадебные участки, Суслов демонстративно уклоняется от продолжения беседы в таком русле. Взглянув на безоблачное небо и заметив, что вроде бы собирается дождь, он поспешил удалиться в отведенные ему покои. И в дальнейшем он держался в стороне от того, что заговорщики называли между собой «подготовкой к очередному Пленуму ЦК»⁵³.

Проходит пара месяцев, «созревает» и Суслов. Во всяком случае, по информации Н.В.Подгорного, переданной первому секретарю ЦК КП Украины П.Е.Шелесту и зафиксированной последним в записи за 26 сентября, Суслов и Косыгин занимают «осторожно-выжидательную» позицию, при этом ссылаясь на большой авторитет Хрущева в партии и народе и на то, как все это может отразиться на внутренних делах и внешней политике. «А не вызовет ли это раскола в партии и даже гражданской войны?» – спрашивал Суслов⁵⁴.

11 октября Суслов встречает в аэропорту Внуково советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Брежневым, возвратившуюся из ГДР⁵⁵. К этому времени он уж точно со всеми, встревоженными звонком Первого из Пицунды, его намеками на интриги про-

С.336, 338.

⁵² Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Edision Q, 1995. С.193.

⁵³ Беседа с Н.Г.Егорычевым 31 января 1991 г. // Личный архив автора.

⁵⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С.216.

⁵⁵ См.: Правда. 1964. 12 октября. С.1.

тив него и угрозами через три–четыре дня вернуться и показать всем «кузькину мать». 13 октября начинается двухдневное заседание Президиума ЦК КПСС в полном составе, закончившееся отставкой Хрущева. Вслед за Брежневым выступали все другие члены и кандидаты в члены Президиума – каждый со своим списком обвинений. Согласился и Сулов, что в Президиуме деловая обстановка ненормальная, хотя генеральная линия остается правильной: «Далеко пошли в нарушении ленинских принципов. Практически невозможно высказать иное мнение. Оскорбительно относитесь к работникам. Поощряете подхалимов, которые все положительное приписывают Вам, а недостатки – обкомам. В беседе с японскими парламентариями-социалистами наговорили много лишнего. Во внутренних вопросах много накручено. С новым планом что делать, не знают». И высказался за то, чтобы повысить роль Президиума и Пленума ЦК⁵⁶.

На открывшемся 14 октября Пленуме ЦК КПСС именно Сулову, как уже «штатному обвинителю», поручили сделать доклад с перечислением всех ошибок и преступлений Хрущева. Правда, не Михаил Андреевич был автором речи. Над этим компроматом трудились в предыдущие недели настоящие заговорщики, а ему текст подсунули в качестве некоего наказания за то, что до самого последнего времени отказывался к ним примкнуть. Однако в окончательном, зачитанном тексте основное внимание концентрировалось на личных обвинениях против Хрущева и к минимуму были сведены подготовленные Полянским данные о кризисных явлениях в стране. Пропала критика внешней политики во времена Берлинского и Карибского кризисов. Не осталось и осуждения позиции Хрущева по отношению к Мао Цзэду⁵⁷.

«Мягко Михаил Андреевич стелет, да жестко спать»

В новом руководстве Сулов по-прежнему курирует международное коммунистическое движение и отношения с братскими партиями.

Главной его заботой остается подготовка нового Международного совещания коммунистических партий, начавшаяся еще при Хрущеве. Приходилось ему высказываться и по вопросам оборонной политики. Когда речь шла не о поиске новых путей, а о полемике с теми, кто толкал партию и страну на авантюры и

⁵⁶ См.: *Протокол Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.867.*

⁵⁷ См.: *Пихоя Р.Г. Указ. соч. С.270–271.*

экстремистский курс, природная осторожность Суслова, боязнь осложнений не раз делали его влияние в Политбюро конструктивным. Так, например, случилось в мае 1965 года. Тогда министр обороны Р.Я.Малиновский истолковал интервенцию США в Доминиканской республике и усиление воздушных бомбардировок Северного Вьетнама как шаги к столкновению со всем соцлагерем. И для противодействия американцам предложил провести военные демонстрации на границе с ФРГ и Западным Берлином, перекинуть некоторые соединения (военно-воздушные и другие) с нашей территории в ГДР и Венгрию. «Нам нужно быть готовыми ударить по Западному Берлину, – подчеркнул министр, заканчивая чтение своего доклада, а потом от себя добавил: – Вообще нам в связи с создавшейся обстановкой следует не бояться идти на риск войны». Брежнев согласился с предлагаемыми военными мерами. «Против» высказались Микоян, Косыгин, Подгорный и Суслов⁵⁸. Договорились через месяц–полтора провести очередное Политическое консультативное совещание стран ОВД, но такого рода предложений, какие были только что выслушаны, не вносить⁵⁹.

Михаилу Андреевичу приходилось иногда удерживать от крайностей своих коллег и подчиненных, когда, бывало, чрезмерно активизировались сталинисты и ура-патриоты в идеологии. Он вообще был против крутых поворотов, за осторожность. Вместе с Пономаревым и Андроповым ему пришлось отражать атаки на курс XX съезда со стороны помощника нового первого секретаря В.Голикова, курировавшего пропаганду и сельское хозяйство, а также С.П.Трапезникова, назначенного заведующим отделом науки, школ и вузов. Последние давно уже числились в команде Брежнева и пытались продолжать влиять на него.

Суслов не входил в круг близких друзей Брежнева, регулярно посещавших его на даче в Заречье. Его не было среди тех, кто обычно собирался там за столом⁶⁰. Но многим запомнилась ставшая со временем дежурной фраза Брежнева: «Обратитесь к Михаилу Андреевичу!» Брежнев, по словам одного из его спичрайтеров А.Бовина, «считал Суслова человеком, во-первых, грамотным, а во-вторых, не интриганом»⁶¹. Требуя от составителей своих речей внимательно относиться к замечаниям членов и кандидатов в члены Политбюро, Леонид Ильич при этом

⁵⁸ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: ВАГРИУС, 1999. С.619–621.

⁵⁹ Там же. С.621.

⁶⁰ См.: Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. С.84.

⁶¹ Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. С.227.

особенно настаивал на необходимости трепетно внимать тому, что предлагает Суслов. Хотя сам относился к нему с иронией, усмешкой: «Как бонвиван к кабинетному сухарю». Но никогда Суслов, как иногда пишут, не играл роль «серого кардинала». «Он был главным по "чистоте", и только тут его голос имел решающее значение»⁶².

Были в характере Суслова и черты, делавшие его в глазах других злопамятным. Михаил Андреевич знал, конечно, что повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» представил на суд Хрущева помощник последнего В.С.Лебедев, согласовывавший с Никитой Сергеевичем и ряд других «неугодных» публикаций – книгу Э.Казакевича «Синяя тетрадь», поэму Твардовского «Теркин на том свете». Поэтому после смещения Хрущева Владимира Семеновича изгнали из аппарата ЦК, направили на самую маленькую редакторскую должность в Политиздат и целым рядом придирок довели больного человека до печального конца. «Не знаю уж, что остановило Суслова, требовавшего высылки всей моей семьи из Москвы, – вспоминал Аджубей. – В отделе пропаганды ЦК, куда меня вызывали в течение многих недель и запугивали страшными карами, если я откажусь (покинуть столицу. – Ю.М.), отчетливо чувствовался "приказ Суслова". Но я все-таки отказался»⁶³. Мстительность Суслова, по мнению Шелеста, сказалась и в вопросе, давать ли сообщение от ЦК КПСС и СМ СССР в связи с кончиной Хрущева? «Чувствовалось, что в этом вопросе Брежнев сомневается. Кто-то его сбивает. Можно почти с уверенностью сказать, что это была работа Суслова»⁶⁴.

«Отрицательные и даже отталкивающие черты Михаила Андреевича были не только и не столько особенностями его характера, сколько оттиском пороков системы, – замечал один ответственный работник ЦК. – Скажем, Суслов, хотя, по наблюдениям, "понимал" все или многое, был, как известно, догматически жёсток и даже жесток. Но не потому ли, прежде всего, что "понимал" и включался охранительный рефлекс, действовала охранительная реакция?»⁶⁵

Очень напугала Суслова «Пражская весна» 1968 года. Ему казалось, что в Чехословакии при А.Дубчеке происходит то же, что за 12 лет до того в Венгрии при И.Наде. Поэтому он твердо стоял за ввод войск ОВД

⁶² Бовин А. *XX век как жизнь. Воспоминания*. М.: Захаров, 2003. С.258.

⁶³ Аджубей А. *Указ. соч.* С.317.

⁶⁴ Шелест П.Е. *Указ. соч.* С.484.

⁶⁵ Брутенц К.Н. *Тридцать лет на Старой площади*. М.: Международные отношения, 1998. С.501.

в эту страну и за смену ее руководства⁶⁶. И настаивал на этом с самого начала, в отличие от долго сомневавшегося и колеблющегося Брежнева⁶⁷. Но, занимая жесткую позицию, избегал резких слов. Так, на двухсторонней встрече с партийно-правительственной чехословацкой делегацией в Чьерне-над-Тисой 30 июля (когда ему пришлось срочно заменить заболевшего от нервного перенапряжения Брежнева) после ожесточенной полемики, завязавшейся между Шелестом и Кригелем, он просто растерялся и побегал докладывать Брежневу, считая, что надо несколько смягчить тон и рекомендовать Шелесту даже принести извинения за свою резкость⁶⁸. А вечером ходил с Косыгиным к Дубчеку извиняться⁶⁹.

5–17 июня 1969 года в Москве было, наконец, проведено долго подготавливаемое Международное совещание коммунистических партий. Но не все они были здесь представлены, и даже среди прибывших делегатов выявилось немало несогласованностей, даже несогласий принципиального характера, не говоря уже о крупных политических оговорках. И если Декларация о защите мира была принята единогласно, то основной программный документ – «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» – отказались подписать итальянцы. Больше таких всемирного масштаба мероприятий в истории коммунистического движения не было. А Суслову теперь все больше и больше приходилось иметь дело с «еврокоммунизмом», руководить осторожной, но настойчивой борьбой против него.

На этом фоне все явственнее обозначался пересмотр отношения к Сталину, стали появляться публикации, литературные произведения, фильмы, где его изображали великим полководцем и политиком. И когда в конце 1969 года в «Правде» уже была подготовлена статья, посвященная его 90-летию, Брежнев 17 декабря выносит на Политбюро вопрос: публиковать ли ее? «Нам очевидно не нужно широко отмечать 90-летие и вообще никаких иных мероприятий не проводить, – заявил Суслов. – Кроме статьи... Мне кажется, молчать совершенно сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать свое мнение по этому вопросу. На мой взгляд, тот вариант статьи, кото-

⁶⁶ См.: Медведев Р.А. Штрихи из жизни Михаила Суслова // Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. С.335.

⁶⁷ Шелест П.Е. Указ. соч. С.369.

⁶⁸ Там же. С.379.

⁶⁹ См.: Бовин А. Указ. соч. С.177.

рый разослан, в целом подходящий. Она говорит и о положительной работе Сталина, и о его ошибках»⁷⁰. Подводя итоги обсуждения, Брежнев признал, что первоначально занимал отрицательную позицию: «Но вот, побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью»⁷¹.

Однако слишком откровенный сталинизм шокировал Сулова. Так, ему очень не пришелся по душе роман Вс.Кочетова «Чего же ты хочешь?» Не хвалил он и монографию С.Трапезникова «На крутых поворотах истории». В то же время его крайне раздражали песни В.Высоцкого, постановки пьес, ставящихся Ю.Любимовым в Театре на Таганке. Он долго не разрешал к прокату фильмы «Гараж» Э.Рязанова и «Калину красную» В.Шукшина⁷². А что уж говорить об А.Твардовском, любимце Хрущева? 9 февраля 1970 года Секретариат ЦК выводит из редколлегии «Нового мира» четырех ближайших сподвижников Твардовского, а уже 12 февраля Твардовский, посчитав такого рода «частичные изменения» неприемлемыми для себя, пишет заявление о своей отставке. Так его «выдавили» из «Нового мира». В силу ли своего догматизма или по другим причинам Сулов не мог положительно воспринимать и идеи, высказываемые тогда группой русских почвенников, считая их смахивающими на национализм. Именно по его и Демичева поручению была подготовлена довольно резкая статья для журнала «Коммунист», в которой подчеркивалось, что последние публикации в журнале «Молодая гвардия» придают ему «явно ошибочный крен». Последовали и оргвыводы. Было принято решение: укрепить руководство журналом «Молодая гвардия». Никонова освободили от поста главного редактора⁷³.

Консерватизм Сулова проявлялся в сопротивлении многим новациям, исходящим как от его коллег, так и с мест, а также от отдельных лиц. В марте 1971 года академик А.Д.Сахаров отослал через стол писем ЦК КПСС на имя Л.И.Брежнева свою «Памятную записку», которая формально была построена как конспект или тезисы предполагаемого

⁷⁰ *Из рабочей записки Политбюро ЦК КПСС от 10 ноября 1966 г. по вопросу об отношении к истории партии и критике культа личности Сталина // Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. Т.2. Февраль 1956 – начало 80-г годов / Сост. А.Н.Артизов и др. С.525.*

⁷¹ *Там же. С.529.*

⁷² *Медведев Р.А. Указ. соч. С.338.*

⁷³ *Лобанов М. В сражении // URL: www.sp.voskres.ru/publicistics/lobanov11.htm*

разговора с высшим руководством страны. «Нам казалось, – вспоминал А.Бовин, – что такая встреча помогла бы снять напряженность между Сахаровым и властью и вывести на какой-то *modus vivendi*, устраивающий обе стороны. Брежнев не возражал. Даже проявил интерес. Но решил "посоветоваться" с Суловым. И Сулов, как мы и боялись, отсоветовал»⁷⁴.

Но нельзя забывать и того, что чем дальше, тем больше охранительные импульсы исходили не столько от Сулова, сколько от председателя КГБ СССР Ю.Андропова, который в 1971 году становится кандидатом, в 1973 году членом Политбюро, и его влияние на Брежнева усиливается.

30 марта 1972 года Политбюро ЦК КПСС вне повестки дня обсуждало вопрос о враждебной советскому строю пропаганде. Докладывал Ю.В.Андропов. Говорил он о проявлениях антисоветизма и антикоммунизма в стране, о попытках сколотить на этой почве политические блоки, о просачивании за кордон нежелательной информации и распространении «самиздата»⁷⁵. Немало конкретных примеров приводилось в выступлениях Шелеста, Кунаева, Соломенцева, Рашидова, Машерова, Шелепина, Подгорного⁷⁶. Косыгин договорился до того, что объявил проявлением национализма создание в свое время совнархозов⁷⁷. На их общем фоне мало чем выделялся и Сулов. «Разные подонки поднимают головы, и опасность их действий нельзя недооценивать, – говорил он. – В свое время было сказано, что "политических преступников у нас нет", и это отрицательно сказалось, притупило действия органов КГБ. Нам надо ужесточить отношение к нашим врагам, решительно расправляться с ними. В особенности надо решить вопрос с Якиром и Солженицыным. Сахаров сколачивает "комитет защиты прав человека". От кого он хочет защищать и кого?»⁷⁸

Проголосовав за награждение Сулова (в связи с его 70-летием) орденом Ленина и второй Золотой звездой Героя соцтруда, П.Е.Шелест записывал 13 ноября 1972 года: «Пора бы ему и совесть проявить – уйти бы на "заслуженный" отдых и этим самым дать дорогу молодым кадрам. Нет, не так у нас все построено. Многие держатся за "положение", и

⁷⁴ Бовин А. Указ соч. С.252.

⁷⁵ Шелест П.Е. Указ. соч. С.503.

⁷⁶ Там же. С.406.

⁷⁷ Там же. С.510.

⁷⁸ Там же С.506–507.

этот партийный "иезуит" будет держаться до последнего»⁷⁹. Но на «заслуженный отдых» вскоре пришлось уйти ему самому, а Суслов сумел еще поспособствовать уходу его (Шелеста) друга Подгорного, а сам усидел в своем кресле «до последнего».

В январе 1982 года у него было особенно много неотложных и важных дел. Военное положение в Польше и острая дискуссия по этому поводу с итальянскими коммунистами. Продолжающийся спор между МХАТом и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС вокруг постановки пьесы М.Ф.Шатрова «Так победим!» о последних годах жизни Ленина⁸⁰. Несколько дел о хищениях и коррупции, в которых оказались замешаны некоторые работники, причем с достаточно громкими фамилиями. Такие перегрузки были уже не по нему. Ведь дело шло к 80 годам, у него были поражены атеросклерозом сосуды сердца и мозга, ему нельзя было не только много работать, но и волноваться. Но как обойтись без этого, получая то и дело неприятные известия и даже вступая в конфликты?⁸¹

25 января Суслов умирает – не от застарелой болезни сердца, а от инсульта. Случилось это в больнице, куда он лег на несколько дней для диспансеризации⁸². В народе было не так уж и много людей, которые испытывали чувство горя и сожаления, проходя мимо его гроба в Колонном зале Дома союзов или наблюдая за траурной процедурой похорон по телевизору⁸³. Говорили: «Ну, разве это настоящие похороны? Это только генеральная репетиция!» И кивали на портрет Л.И.Брежнева, если он имелся. А Брежнев так говорил, открывая траурную церемонию: «Неоценим вклад Михаила Андреевича в идейно-воспитательную работу партии, в разработку ее важнейших теоретических документов, в формирование и претворение в жизнь международной политики КПСС»⁸⁴.

⁷⁹ Там же. С.545.

⁸⁰ *Чтобы спасти спектакль, Шатров и главный режиссер МХАТа О.Ефремов обратились к члену Политбюро К.У.Черненко, и тот неожиданно нашел для себя выгодным защитить пьесу и театр. Авторам была предоставлена возможность «улучшить свое произведение» (Шатров М.Ф. У политика всегда есть выбор // Международная жизнь. 1989. №4. С.14).*

⁸¹ См.: Медведев Р.А. Указ. соч. С.344.

⁸² Чазов Е. Указ. соч. С.163–164.

⁸³ См.: Медведев Р.А. Указ. соч. С.344.

⁸⁴ Правда. 1982. 30 января.

Похороны состоялись на Красной площади. Первоначально было уже принято и оформлено решение о кремации и захоронении урны с прахом в Кремлевской стене. Но в последний момент Брежнев предложил изменить решение. Он вспомнил, как в один из недавних праздников, когда члены Политбюро проходили из Кремля мимо могил за Мавзолеем, Суслов, то ли всерьез, то ли в шутку, сказал, что тут есть еще местечко и для него. «Давайте, – сказал Брежнев, – уважим пожелание Михаила Андреевича». И хотя там хоронили только первых лиц и участников Октябрьской революции, возражений не последовало⁸⁵.

Спустя две недели было принято решение увековечить его память, присвоив его имя Невинномысскому оросительному каналу и Ростовскому государственному университету (ректором его уже четверть века был Ю.А.Жданов, а среди известных выпускников – А.И.Солженицын, тогда университет носил имя Молотова) и установив мемориальные доски на зданиях, где он учился (Московский институт народного хозяйства), преподавал (Московский университет им. Ломоносова) и жил в последнее время (дом №19 на Большой Бронной). Мосгорисполкому было поручено решить вопрос о присвоении его имени одной из новых столичных улиц⁸⁶. 13 июля 1982 года северная часть Аминьевского шоссе⁸⁷ стала «улицей Суслова». 19 ноября 1982 года, в день его 80-летия, были торжественно открыты в Москве мемориальные доски на здании Московского института народного хозяйства имени Г.В.Плеханова в Замоскворечье (Стремянный переулок, дом №28), на старом здании Московского государственного университета (улица Моховая) и на фасаде дома №19 по улице Большая Бронная.

Вот только эти памятные знаки продержались недолго. В феврале 1989 года от мемориальной доски был освобожден факультет журналистики МГУ⁸⁸. Приблизительно тогда же была сорвана со стены и сброшена на землю мемориальная доска в Стремянном переулке. Затем последовала очередь улицы Суслова и Ростовского университета.

⁸⁵ Корниенко Г.М. *«Холодная война». Свидетельство ее участника.* М.: Олма-пресс, 2001. С.245.

⁸⁶ См.: *Правда.* 1982. 16 февраля.

⁸⁷ От Кутузовского проспекта – через станции Кунцево (железнодорожная) и Кунцевскую (метро) до Малой Филевской улицы.

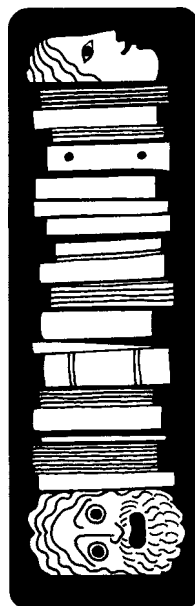
⁸⁸ См.: Медведев П.А. *Указ. соч.* С.347.

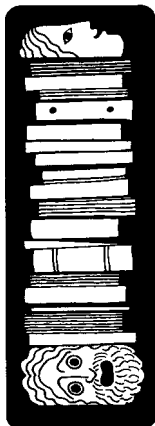
Евразийцы не демократического, но народного направления учитывают значение народных масс в будущем строе в России. Они видят в отличие от «правых», что новый народный слой выдвинулся в первые ряды жизни и что его нельзя будет вытеснить. Евразийцы признают, что революция произошла и с ней нужно считаться. Пора перестать себе закрывать глаза на свершившееся. Ничто дореволюционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное.

Н.А.Бердяев

Уменьшить масштаб наблюдения
значило превратить в отдельное
исследование то, что у другого
ученого могло бы стать
подстрочным примечанием...

Карло Гинзбург





Юлия Мелих

**СТАРЫЙ ПАТРИОТИЗМ,
«ПЕРЕОРИЕНТИРОВАННЫЙ
НА НОВУЮ РОССИЮ»:**

ЕВРАЗИЙСТВО П.Н.САВИЦКОГО¹

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
929
930.2

The article and the attached letters P.N.Savitski exchanged with G.P.Struve and P.P.Suvchinski cover the principal guidelines of Savitski's Eurasian conception that Savitski not only kept for 55 years but, after change of his mind, consistently applied to Soviet Russia. The author exposes the atmosphere of emigration in the late 1950s and the early 1960s. Renowned persons (M.Tsvetaeva, N.S.Trubetskoi, L.P.Karsavin etc.) are mentioned in the recollections. In an amazing way Savitski succeeded in combining an admiration for the Soviet Russia's achievements with the impregnable faith in the Russian people's religious feeling.

Ключевые слова: евразийство; русская эмиграция; советско-русский мессианизм; западофикация России; русификация мира.

Key words: eurasian conception; russian emigration; soviet-russian messianism; westernization of Russia; world russification.

E-mail: yuliamelikh@yahoo.com

¹ Данная публикация осуществлена благодаря финансовой поддержке программы Фулбрайт, предоставившей автору возможность работать в университете Стэнфорд и в Гуверовском архиве в 2004–2005 годах.

Евразийцу П.Н.Савицкому

*Полубезумный светлый взгляд
Таит упорный, страстный вызов,
А пальцы нервно теребят
Бородку, загнутую книзу.*

*Лукавый византийский рот –
Уста пророчащей Сивиллы! –
К прамати благой зовет,
Назад от мачехи немилый.*

*И взор провидит сквозь туман –
За углем, марганцем и медью, –
Как император Юстиньян
Молился о своей победе.*

Г.Струве. Прага, 1922²

Личность и взгляды Петра Николаевича Савицкого (15/27.5.1895 – 13.4.1968) представляют собой живое связующее звено между исходным евразийством, к основным идеологам которого он принадлежал, и его последним представителем Л.Н.Гумилевым, с которым он состоял в переписке. Если остальные авторы сборников «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» (1921) и «На путях. Утверждение евразийцев» (1923)³ раньше или позже отошли от евразийского движения, то Савицкий неизменно с той же «возбужденностью стиля и слога» проповедовал свои евразийские взгляды. В письме к единомышленнику он так и пишет: «По сравнению с Вами, я совершенно элементарен. Как из одной глыбы высечен. Что думал 55 лет тому назад – то думаю, по существу дела, и сейчас. И чувства не изменились. Перемена только в том, что я учел историческую реальность и свой старый патриотизм переориентировал на н о в у ю Россию»⁴. Письма Савицкого, по словам П.П.Сувчинского, «преисполнены советско-русским "мессианизмом"». В «исконном русском патриотизме "Востокова"» (псевдоним Савицкого) Г.Струве усматривает «один из источников и его евра-

² Струве Г. *Утлое жилие. Избранные стихи 1915–1949 гг.* München: Inter-Language Library Associates, 1965.

³ В сборниках были опубликованы статьи Н.С.Трубецкого, П.П.Сувчинского, Г.В.Флоровского и др.

⁴ Письмо П.Н.Савицкого к Н.Н.Алексееву. 30 сентября 1959 г. // Hoover Institution Archives. *Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.*

зийства, и его "советофильства"⁵. В письме к Струве П.П.Сувчинский пишет о Савицком как о человеке, который представляется ему «как бы выразиться? – "полупрозрачным"⁶. В письмах Савицкого эта полупрозрачность проявляется скорее как наивное упорство, а не убежденность, что подтверждается опять же знавшим его Сувчинским, по словам которого Савицкий просто «может принять решение» и уже ничто не сможет его изменить. Будучи уверенным, что русский язык – это язык будущего всей планеты, Савицкий осуждает эмигрантов за публикации на иностранных языках, а ассимилировавшихся молодых эмигрантов называет «изменниками». Он с 1922 года живет в Праге и после 1945 г. оказывается на территории, контролируемой советской идеологией, где ему становится трудно печататься. В письме к Л.Н.Гумилеву Савицкий советует прочесть свою статью, «...увы, опубликованную по-немецки! Я был вынужден к этому суровыми обстоятельствами, но все-таки свою вину считаю непростительной»⁷. В отношении кого-либо другого, даже из круга евразийцев, такое заявление можно было бы воспринимать как патетическую фразеологию или патриотическое кокетство. Но вот Сувчинский оправдывается перед ним за свои публикации на французском языке, поскольку не сомневается в искренности и неподдельной убежденности Савицкого в его утверждениях.

Готовя к публикации письма Савицкого к Струве, пришлось просмотреть и литературу, на которую он в них ссылается. Так, в «Русском европейце», книге о князе П.Б.Козловском, Струве приводит письмо князя П.А.Вяземского к А.И.Тургеневу о Козловском с общими замечаниями к характеристике людей, которую можно было бы отнести и к Савицкому: «Есть люди, которые всецело принадлежат к своему поко-

⁵ *Записка Г.П.Струве // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.*

Струве Глеб Петрович (1898–1985) – литературовед, критик, поэт, переводчик. Сын известного политического деятеля, философа и экономиста П.Б.Струве (1870–1944). С 1918 года в эмиграции, член редакции газеты «Россия» (с 1928 г. «Россия и славянство») в Париже, преподавал русскую литературу в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (1932–1946). В 1946 году переехал в США. Профессор русской литературы Калифорнийского университета в г. Беркли (1947–1967).

⁶ *Письмо П.П.Сувчинского к Г.П.Струве. 5 апреля 1957 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 7.*

⁷ *Письмо П.Н.Савицкого к Л. Н. Гумилеву. 1–3 января 1957 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 4.*

лению и прикованы к своему времени. Твердости в глубине их убеждений нередко соответствует мелкость их понятий и ограниченность объема их умозрения. Они стеснены и втиснуты в раму, которая облегает их со всех сторон. Это Чацкие, которые плотно сидят на коньке своем и едут все прямо, не оглядываясь по сторонам. То ли дело Онегины! Это личности гораздо сочувственнее и ближе к человеческой природе. В них встречаются противоречия, уклонения: тем лучше. В этой зыбкости есть более человеческой правды, нежели в людях, безусловно вылитых **в одну форму**⁸. Невольно вспоминаются слова самого Савицкого: «Как из одной глыбы высечен». К счастью Савицкого, время, которое он представляет, несло в себе разнообразие и перемены всемирно-исторического значения. Отсюда его «размах» мысли об истории России и «планов громадьё» в письме к Струве о созыве ни много ни мало «международного конгресса» о древнерусском искусстве.

Невероятно, но и после лагерей Мордовии вера Савицкого в правильность пути России не пошатнулась. Сам он оценивает пребывание в ссылке как «опаснейшее и в то же время полное живейшего интереса исследовательское путешествие»⁹. После второго ареста Савицкого (Прага, 1961 г.) Струве получает письмо в Париже (письмо перепечатано, и имя автора не указывается), передающее рассказ некоего бернского адвоката Х. (проведшего с Савицким 10 дней в тюрьме), который пытался передать то, что он знает о нем. Савицкому «было инкриминировано то, что в своей книге стихов, которую никто из следователей и судей и не читал даже, он в завуалированном виде уничижительно отзывался о России и Чехословакии!!! ... Х. говорит, что считает счастьем для себя знакомство и те 10 дней, которые он провел вместе с П.Н., что он не встречал еще человека такого морального облика и такой душевной высоты и чистоты. Х. говорит далее, что он обязан П.Н.-у тем, что он своим примером и словами буквально спас его от состояния отчаяния и крайней душевной депрессии, в которой он находился в момент заключения и знакомства с П.Н. Совершенно справедливо он замечает, что люди, подобные П.Н., осуждаются коммунистическим режимом не за конкретные преступления против власти, а за то, что весь их духовный облик по существу своему противоречит духу ненависти и злобы, которым проникнут коммунистический режим. Такие люди всегда яв-

⁸ Струве Г. *Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики князя П.Б.Козловского. Сан-Франциско: Дело, 1950. С.69.*

⁹ *Письмо П.Н.Савицкого к П.П.Сувчинскому. 1957 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 10.*

ляются потенциальными врагами коммунизма. П.Н. верит, что он вынесет 4 1/2 года тюрьмы, но его беспокоит то, что он осужден отчасти за якобы уничижительные отзывы о России в стихах (какая нелепость и филькина грамота!). Поэтому единственно он просил Х. передать мне и чтобы я передал дальше, на случай если он не выйдет из тюрьмы, это то, что всегда был, есть и будет до конца дней своих пламенным русским патриотом и ничем больше, в этом его единственное завещание»¹⁰. Россия подобным же образом обошлась и с другим евразийцем, Л.П.Карсавиным, который умер в лагере в Абезе в 1952 году и, по словам Савицкого в письме к Струве, «держался до конца с большим достоинством»¹¹. В 1961 году Струве организовывает общественный протест против ареста Савицкого, в котором принял участие и Б.Рассел, способствуя тем самым его освобождению.

В своей книге Струве зачисляет Савицкого в лидеры евразийцев на место князя Н.С.Трубецкого и отмечает, что Петр Николаевич «был одним из самых блестящих учеников П.Б.Струве», заимствовав у него «экономические построения». В «утверждении» евразийства Савицкий действительно занимался геополитическим и экономическим обоснованием российской территории Евразии как единого «месторазвития».

Исходным устремлением евразийцев было переосмысление истории России, ее места и значения во всемирной истории, чему способствовали революция в России, а также грандиозные социальные изменения и коллизии в Европе. Центральное положение евразийцев – это утверждение независимости России от Европы: «Полная независимость от "Европы" русской истории есть непреложный факт»¹², а также признание за революцией выявления возможности для России внести свой вклад в мировую культуру, «раскрыть общечеловеческую правду», показать всемирное ее предназначение как указующей истинный путь развития всей христианской цивилизации. На сетования Струве о «снижении и обеднении» русской культуры Савицкий «выдвигает лозунг» о преподавании русского языка за границей: «Всея, всей Земле пора познать – Язык космической эпохи!»¹³

¹⁰ Из письма неизвестного к Г.П.Струве, полученного в Париже. 15 декабря 1961 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

¹¹ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 12 февраля 1957 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

¹² Там же.

¹³ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 12 ноября 1959 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

Приятие революции, «фактопоклонство», – «выражение, которое любил употреблять П.Б.Струве по отношению к "приемлющим" революцию...»¹⁴, – это основной упрек и евразийцам. Савицкий резко опровергает это утверждение – «не было и нет никакой Каноссы!»¹⁵, – обращаясь к Струве, который говорит о «сменовеховстве» позднего евразийства Н.Устрялова. Струве отмечает при этом, что отличие «утвержденцев»¹⁶ от «сменовеховцев» в том, что «евразийцы не призывали – поначалу по крайней мере – в Каноссу. И они гораздо большее ударение делали на Церкви, видя в православии один из устоев будущей России»¹⁷.

С последним евразийцем, Л.Н.Гумилевым, Савицкого связывает неизменная убежденность во всемирном предназначении России и в том, что ее путь – это Евразия: «Не только в русском, но и в мировом масштабе нашей эпохи развитие определяется теперь в н у т р и р у с - с к и м и силами»¹⁸. Гумилев почти 40 лет спустя вторит, «что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»¹⁹.

Савицкий пишет Струве, что он «по разным причинам» не печатался в течение 15 лет (1941–1955). Он находился в лагерях с 1945 по 1954 год, а в 1956 году был реабилитирован. За это время Савицкий написал «около тысячи (!) стихотворений. Из них – многие на философские и историософские темы. ... Их легче запоминать»²⁰. Стихами заканчивает свое творчество в лагере и Карсавин, возможно, по той же причине. Но, по всей видимости, Струве был не в восторге от литературных

¹⁴ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С.225.

¹⁵ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 12 февраля 1957 г.

¹⁶ Авторы пореволюционного журнала «Утверждения: Орган объединения пореволюционных течений», выходившего под редакцией «национал-максималиста» князя Ю.А.Ширинского-Шихматова в начале 1930-х годов в Париже. Утвержденцы признавали, что укрепление большевиками государственной власти соответствует национальным интересам России.

¹⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании. С.43.

¹⁸ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 12 февраля 1957 г.

¹⁹ Гумилев Л.Н. Интервью // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Предисловие С.Б.Лаврова. М.: Экспрос, 1993. С.31.

²⁰ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 6 января 1957 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

опытов Савицкого, поскольку последнему приходится пояснять «восточковскую форму» стихов, противопоставляя ее «внутренней опустошенности» «пастернаковцев». Это «своеобразная "фактография" – по обстановке возникновения и месту сложения (не написания! писать нельзя было) – в своем роде... уникальная», для которой неуместна «изошренная форма», а скорее «рубище» вместо «парчовой одежды»²¹. В стихотворении «Печать огнепальная» строка «Мир необъятный объять» скорее наводит на выражение Козьмы Пруткова, чем на «неопалимый образ». По всей видимости, и филологические опыты Савицкого в его докладе «О сжатости русского языка», с которым он неоднократно выступал «в эпоху "позднего Сталина"», не произвели на Струве ожидаемого результата. Но для автора они были еще одной попыткой обосновать возможности и ресурсы России, проявляющиеся и в «сжатости» русского языка, убедительно демонстрирующей, что в нем «есть тоже свои с и н т а к с и ч е с к и е ресурсы». «Борьбу за сжатость» необходимо вести с целью преодоления «западнопоклоннических шаблонов». Здесь мы встречаем пример оставшегося у Савицкого евразийского неприятия всего западного и овладения им советской лексикой неперимости и борьбы.

Опираясь на свой жизненный опыт (эмиграция после революции, СССР после II Мировой войны), Савицкий в своих письмах настаивает на неразрывности истории России. Ему видится «единство потока» зарубежной эмигрантской литературы с литературой в советской России, о котором Струве, мысля себя эмигрантом, говорит, что его на самом деле нет. Савицкий пишет так, как будто границ нет, нет эмиграции, для него Струве просто живет пока в Америке. В то же время у них общая цель – одно «культурное делание на благо России». Такого чувства неразрывности с прошлым не возникает при чтении Струве, его письма скорее передают, что он живет прошлым, уже и не ожидая возвращения на Родину. Для Струве Россия – это эмиграция, советская Россия ему чужда, Савицкому – нет.

Общее впечатление от писем, а особенно от «кропотливых» откликов Савицкого на письма своих знакомых, таково, что читателя несколько коробит от их поучающего тона и прямолинейности и в то же время трогает какой-то невероятной искренностью. В отзыве на книгу Алексева Савицкий выделяет темы быта: дегтем вымазанные ворота, «опрошение» (вспоминает, как и ему в ссылке молодые вдовы предла-

²¹ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 26 октября 1959 г. // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

гали «опроститься»), затрагивает «политико-экономические» проблемы и неожиданно делает заключение о высокохудожественности произведения. Отвлекаясь от этого стиля «рубщика», все же узнаешь много интересного из жизни России и эмиграции, что помогает глубже прочувствовать и понять то время.

Публикуемые тексты²² представлены в двух частях: первая – это письма к Г.П.Струве П.Н.Савицкого и П.П.Сувчинского. Затем, под рубрикой «к сведению историографа», следует письмо Сувчинского, адресованное к Савицкому, а также письма Савицкого к Сувчинскому и Алексееву, которые он пересылает «как бы между нами двумя, в порядке дружеского нашего общения»²³, Глебу Петровичу Струве.

I

Савицкий Петр Николаевич

Письма П.Н.Савицкого к Г.П.Струве²⁴

Отв. 11/1/57

6 I 1957.

Сочельник.

Дорогой Глеб Петрович,
был рад получить Ваше письмо.

Сердечно поздравляю Вас с рождением сына Дмитрия и от души желаю здоровья и всяческого благополучья как ему, так и его родителям. Дал бы Бог Дмитрию Глебовичу жизни долгой, счастливой и плодотворной!

Прошу передать Вашей супруге мой привет и сообщить мне ее имя-отчество²⁵.

Искренне благодарю Вас за высылку книг. Каждая Ваша работа меня интересует. О Козловском кое-что слышал.

²² В письмах орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами русского языка, авторская разрядка сохранена.

²³ Письмо П.Н.Савицкого к Г.П.Струве. 6 января 1957 г.

²⁴ Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

²⁵ Вторая жена Г.П.Струве – Мария Кригер.

Книги еще не пришли. Книга из Москвы приходит сюда на четвертый день, из Нью-Йорка, обыкновенно, на четвертой неделе. А тут к тому же книги идут из Калифорнии.

Желая хоть чем-нибудь ответить Вам за Вашу любезность, я посылаю Вам три листка своих стихотворений «Из пережитого». За истекшие годы я написал около тысячи (!) стихотворений. Из них – многие на философские и историософские темы. В течение пятнадцати лет (1941–1955) я не печатался – по разным причинам, но результат один. За все эти годы я напечатал всего лишь несколько небольших статей по художественной самодеятельности.

Я не печатал книг и статей – но писал стихи. Их легче запоминать.

Из этого запаса «тысячи» стихотворений происходят и те двадцать два, которые я Вам посылаю.

Я помню ряд Ваших стихотворений, помню и Ваше стихотворение, мне посвященное (оно здесь у меня).

Я знаю, что Вы занимаетесь не только историей литературы, в узком смысле этого слова, но также общей историей идеологий.

Это дает мне смелость вложить в этот конверт отрывки из моей переписки с молодым (сравнительно) ученым, в которой ставятся некоторые вопросы понимания исторического развития. Для понятности, прилагаю и две мои статьи, о которых идет речь в этой переписке.

Имя этого ученого Вам хорошо известно. Вы редактировали «Неизданное» его отца.

Все эти вещи посылаю Вам как бы между нами двумя, в порядке дружеского нашего общения.

В этой связи решаюсь обременить Вас еще одной просьбой – вернее тремя просьбами в одной: просьбой, по возможности, прислать мне «Избранное» Анны Андреевны (262 стр.), «Неизданное» Николая Степановича (237 стр.)²⁶ и биографию Петра Бернгардовича, писанную С.Л.Франком.

Пожалуйста, извините меня за подобную обременительную просьбу, но у меня нет другого способа познакомиться с этими, интересующими меня книгами.

Вашу передачу Петру Александровичу²⁷ я передам (он здоров; с 1-го января вышел на пенсию, довольно приличную; занимается наукой и церковными делами) и Ваши просьбы выполняю.

²⁶ Анна Андреевна Ахматова и Николай Степанович Гумилев – родители Льва Николаевича Гумилева, о котором как о «молодом (сравнительно) ученом» выше упоминает Савицкий.

²⁷ Остроухов Петр Александрович (1885–1965) – историк, экономист, общественно-

Еще раз – всего наилучшего!
Жму Вашу руку.
Ваш ПСавицкий²⁸

* * *

Отв. 22/II/57.
Прага, 12 февраля
1957 г.

Дорогой Глеб Петрович,
пришло Ваше письмо от 16 февраля²⁹, а вслед за ним и Ваши книги «Русская литература» и «Русский европеец».

Я думаю, мне нечего распространяться о том, что я не согласен с Вами в очень многих общих установках.

Не только в русском, но и в мировом масштабе нашей эпохи развитие определяется теперь в н у т р и р у с с к и м и силами. Мне кажется, Вы это учитываете в совершенно недостаточной степени.

Недостаточно учитываете Вы (как мне кажется) и нарастающую *мировую функцию русской культуры*.

Если бы Вы ее учитывали, она смягчила бы, думается мне, пессимизм Ваших заключительных слов на с. 394 «Русской литературы»³⁰.

При всей глубине наших расхождений, я очень ценю богатство собранного Вами материала, систематичность и основательность изложения, Ваше великое стремление к точности.

политический деятель. Преподаватель Петроградского политехнического института. В эмиграции с 1921 года, преподаватель Русского юридического факультета в Праге, профессор Русского народного (свободного) университета, член воссозданного в 1923 году в Праге Братства Святой Софии и Русского исторического общества.

²⁸ Так в оригинале.

²⁹ Дата не увязывается с датой ответного письма.

³⁰ Отрывок из «Русской литературы», который упоминает Савицкий: «Зарубежная литература, как особая глава в истории русской литературы, идет к своему неизбежному концу. Лучшие страницы ею несомненно в эту историю уже вписаны. Своего беспристрастного историка она еще ждет. Наметьте главные этапы ее развития и зарегистрируйте главные факты было задачей автора настоящей книги» (Струве Г. Русская литература в изгнании. С.394).

Также в «Русском Европейце» есть весьма интересные вещи. Полностью это признаю, при всей моей отчужденности от любых форм русского «европеизма».

Пределы каждой личности ограничены. Но я люблю факты и жадно, до сих пор, их усваиваю – из всех областей, в том числе и из области западоведенья.

И поверьте мне, что фактам, приведенным В.В.Вейдле («Русский европеец», с.143, посередине)³¹, можно противопоставить великое множество фактов совершенно противоположного смысла.

Полная независимость от «Европы» русской истории есть непреложный факт.

В этом плане остро переживаю и 1812-ый, и 1941–45-ые годы.

Я представляю бытовую обстановку, Вас окружающую, и тем более ценю Вашу верность русскому языку, выразившуюся в издании по-русски этих двух книг.

Увы! Некоторые бывшие мои соратники являют в этом отношении плачевный пример!

Следуя Вашей просьбе, пополню кое-какими данными Ваш список.

Если буду жив, также и в последующих письмах буду сообщать Вам некоторые чисто биографические данные.

Год смерти Павла Дмитриевича Долгорукова – не 1930, а 1927.

Лев Платонович (Ваша с.402 вверху) скончался в апреле 1952 г. от туберкулеза³². Держался до конца с большим достоинством.

³¹ Струве противопоставляет книгу Вейдле (*Weidlé W. La Russie absente et présente. Paris, 1949*) вошедшей в то время в моду при истолковании «русской загадки» книге маркиза Кюстина «Письма из России» (*Custine, marquise Astolphe, de. La Russie en 1839. Seconde édition, revue, corrigée et augmenté. 4 vols. Paris, 1843*), взгляды которого используются при попытках изобразить режим Сталина и объяснить советский коммунизм как естественный итог всего исторического развития России. Струве пишет: «"Кюстинствующим" иностранцам, которые хотят отбросить в Азию не только Россию Ивана Грозного, Петра Великого и Николая I, но и Россию конца XIX и начала XX века и которым кажутся столь соблазнительными параллели между Иваном Грозным и Сталиным, Петром Великим и Сталиным и Николаем I и Сталиным, следует рекомендовать в качестве обязательного чтения и противоядия недавно вышедшую по-французски книжку В. В. Вейдле, убедительно вскрывающую нерасторжимую связь России с Европой и ее цивилизацией» (Струве Г. *Русский европеец*. С.143).

³² Карсавин Лев Платонович скончался в Абези в лагере 20 июля 1952 г.

Скончался и Иван Иванович Лапшин. Это достоверно. Его могила рядом с родными мне могилами. Скончался он, кажется, в 1948³³.

В следующем письме я постараюсь уточнить дату кончины Ивана Ив-ча.

Степан Лубенский – это мой псевдоним в «Монд слав»: П.Востоков, П.Логовиков (по нашему родовому гнезду – село Логовики, Лубенского полка Малороссии; в истории этого полка большую роль играл мой предок – поэт и писатель – Степан; годы жизни: 1684–1751)³⁴.

Е.А.Ляцкий скончался от воспаления легких летом 1941 г. (среди трагических обстоятельств)³⁵.

Дмитрий Петрович (Ваша стр.405, внизу)³⁶, насколько знаю, скончался весной 1941 г. До последнего момента продолжал работать над рукописью своего труда «Русская поэзия от Пушкина до Фета».

Все стихотворные цитаты он приводил в этой рукописи *н а и - з у с т ь*. Утверждают, что в таком порядке он извлек из своей памяти более десяти тысяч стихов. Судьба рукописи мне, к сожалению, неизвестна.

Здесь говорилось совсем недавно, что Дм. Петр. жив. Дал бы Бог! Но реально мне трудно это представить.

Я.Д.Садовский скончался 14/27 сентября 1925 г. Это абсолютно точная дата. Родился он, насколько вспоминаю, в 1893 г.

³³ *Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, неоканტიанец, ученик А.И.Введенского. Профессор, позднее заведующий кафедрой философии Петербургского университета. В 1922 году выслан на «философском пароходе»; профессор Русского юридического факультета в Праге и Русского народного (свободного) университета; член, а позднее и председатель Русского философского общества в Праге.*

³⁴ *Савицкий также публиковался под псевдонимом Петроник в «Русской мысли», третьем по времени толстом журнале Зарубежья (период, описываемый Г.Струве: 1929–1939 гг.), который начал выходить в 1921 году в Софии и был перенесен затем в Прагу, а с конца 1922 по конец 1923 года редактировался в Праге, но печатался в Берлине и выходил с пометкой Прага–Берлин. Журнал «Русская мысль» был продолжением дореволюционного русского издания, выходившего под редакцией П.Б.Струве (Струве Г. Русская литература в изгнании. С.58).*

³⁵ *Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) – этнограф, литературовед, издатель. После 1917 года эмигрировал в Прагу, с 1925-го профессор Русского народного (свободного) университета, с 1940 года председатель Русского исторического общества.*

³⁶ *Князь Святополк-Мирский Дмитрий Петрович скончался в 1939 году.*

О Якове Дмитриевиче есть довольно большая и не лишенная конкретных данных моя статья в нашей «Хронике», выпуск VII (1927).

Имя-отчество Чхеидзе (Ваша стр. 408) – Константин Александрович (отсюда и довольно частый литературный его псевдоним: Констал.). Родился он в 1897 г. В отсутствии был ровно 10 лет. С 1955 г. – здесь.

Имя-отчество Шахматова – Мстислав Вячеславович. Древнерусская форма: Вячеславич. Покойный был большим почитателем Древней Руси. Б.м., было бы правильно почитать его древнерусской формой. Скончался он здесь в 1943 г. Родился около 1890 г.

Перехожу к с.40–49 Вашей «Русской литературы»³⁷.

Об установках не буду спорить (за одним исключением).

В Вашем изложении ценю обилие фактов и стремление быть точным.

Хочу сообщить Вам, что моя «периодическая система зон» (1927) вошла, под моим именем, почти во все (соответствующей специальности) учебники Востока.

Таковы, напр., Г.Вальтер – В.Алехин. Основы ботанической географии. Москва – Ленинград 1936, с.352–374; Н.В.Павлов. Ботаническая география СССР, Алма-Ата 1948, с.22–24 и др.

По поводу Вашей с.43,верху: не было и нет никакой Каноссы!

С.43 и сл.: Вы пишете о «Временнике», но почему-то игнорируете «Хронику» (а потому и все, что было в этом отношении в 1930-х годах). Между тем, я думаю, что ее выпуски XI (1935) и XII (1937) могли бы представить кое-что для Вас интересное.

Мне кажется, что Ваше перечисление на с.44 следовало бы дополнить именами: Р.О.Якобсона с его монографией «К характеристике евразийского языкового союза» (1931; надеюсь, что теперь появится в свет и 2-я часть этого весьма актуального исследования) и Владимира Ефимовича Гущика, талантливого писателя, выпустившего в 1937–1938 гг. ряд интересных изданий в Прибалтике.

С.48, 3-ья строка снизу: в ней 1926 г. нужно исправить на январь–февраль 1927 г.³⁸

С.49,верху. Говоря о «фокусе», нельзя, кажется мне, ссылаться только «на условия эмиграции»³⁹. Тут бесконечно, бесконечно более широкое явление!

³⁷ Речь идет о главе III: «Евразийство: Исход к Востоку».

³⁸ Струве пишет: «Упомянем здесь, что П.Н.Савицкий, ставший со второй половины 20-х годов настоящим вождем евразийства, совершил в 1926 году "тайную" поездку в Россию» («Русская литература в изгнании». С.48).

И кто его не учтет, не может, думается мне, понять хода всемирной истории в нашу эпоху.

Буду очень рад получить «Экономическую и социальную историю» П.Б. (Струве. – Ю.М.) и сборник памяти Семена Людвиговича (Франк. – Ю.М.)!

Посылайте, пожалуйста, заказными, через некоторые промежутки.

Не могли ли бы Вы достать на антикварном рынке и прислать мне книгу Чапина Хантингтона, упомянутую Вами на с.6-ой, примечание, «Русской литературы». Я был бы очень Вам за это благодарен⁴⁰.

Для усиления «диалектических» моментов в нашей переписке посылаю Вам текст моего доклада «Ресурсы сжатости русского языка». В годы 1945–1954 я неоднократно выступал с ним там, где я тогда находился.

Думаю, что многие его положения отвечают строгой научной истине.

Сердечно благодарю Вас за сведения об однокашниках. Они были интересны и ценны и для меня, и для Петра Александр-ча⁴¹.

Надеюсь, что Вы пополните их в следующих письмах.

При встречах, пожалуйста, передавайте моим однокашникам мой сердечный привет.

Жму Вашу руку. Жду письма.

Ваш ПСавицкий

Буду очень Вам благодарен, если Вы сообщите мне, к а к и е конкретно из присланных мною Вам моих стихотворений обратили на себя Ваше внимание и Ваши по ним замечания.

* * *

Отв. 25/IX/57.

Прага, 17 сентября 1957 г.

Милый и дорогой Глеб Петрович,

<...>

Я помню, что за мной «очень длинное» письмо Вам о всех тех д р а г о ц е н н ы х книгах-источниках, которые Вы прислали мне.

³⁹ Струве пишет: «Психологически понятное в условиях эмиграции отталкивание от Запада находило в евразийстве свой идеологический фокус» («Русская литература в изгнании». С.49).

⁴⁰ Huntington W.C. *The Homesick Million: Russia-out-of-Russia*. Boston: Stratford, 1933.

⁴¹ Остроухов Петр Александрович – см. прим.26.

Сейчас же, в качестве «дискуссионного» материала, посылаю Вам выдержки из моего письма П.П.Сувчинскому.

К а ж е т с я , кое-что в нем будет ново для Вас – по линии как фактов, так и установок.

А кое в чем я повторяюсь: о многом я уже писал Вам.

Вы в настоящее время первый по значению и с т о р и о г р а ф З а р у б е ж ь я . Поэтому делюсь с Вами, тоже в «дискуссионном» порядке, и теми моими установками, которые выражены в письме моем Н.Н-чу А.⁴²

А вот относительно посылаемых копий писем П.П. мне я попрошу Вас о доверительности. Эти копии строго м е ж д у н а м и д в у - м я .

Вы меня обогащаете знанием, присылая мне ценнейшие книги-источники и адресуя мне интереснейшие письма.

Посильно стараюсь обогатить Вас конкретным знанием (хотя бы знанием подробностей!) и я. Тем более, что ведь Вы – историограф Зарубежья!⁴³

<...>

Шлю сердечный привет Вашей супруге. Крепко жму Вашу руку. Очень надеюсь получить от Вас скорый ответ.

Искренне Ваш

ПСавицкий

* * *

Прага, 20 октября
1957 г.

Дорогой Глеб Петрович,
на Ваше письмо от 26 сентября все хотел ответить «сверхобстоя-
тельным» письмом – и все это не получается, из-за баланса времени.

Не хочу дольше задерживать ответа.

МИ⁴⁴ наложила на себя руки 31 августа 1941 г. в Елабуге.

⁴² *Алексеев Николай Николаевич (1/13.5.1879–2.3.1964). Видный деятель евразийского движения.*

⁴³ *На этом письмо обрывается. В архивной папке вторая страница этого письма отсутствует; но есть третья страница неначатого письма, которая может быть прочитана как его продолжение.*

⁴⁴ *Цветаева Марина Ивановна (1892–1941).*

С судьбой Георгия (ее сына) трагедия эта никак не была связана. Георгий в тот момент был совершенно благополучен и был при ней. Он «пропал без вести» на фронте гораздо позже⁴⁵.

Судьба СЯ⁴⁶ и Ариадны Сергеевны косвенно влиять могла. В том-то и беда, что о судьбе СЯ (во всяком случае, до 1950-х годов) ничего не было известно. АС⁴⁷ была там, где позже был я.

Нервы МИ были расстроены до крайности. Она п а н и ч е с к и боялась гитлеровских бомбежек и потому без всяких серьезных к тому оснований покинула Москву. И потом сама же наложила на себя руки (повесилась).

Непосредственным поводом было то, что нигде в Елабуге она не могла получить в тот момент работу. Даже уборщицей не принимали: она предлагалась.

Пойти же в ближайший православный приход МИ не догадалась: не знала закона жизни в тогдашних условиях.

Виноваты, конечно, писатели – с б ó л ь ш и м тамошним опытом, – что не помогли. Покойный Толстой – в пустой след – сам, и очень выразительно, признавал это.

Все это знаю на основании подлинных писем и от АС.

Ни АС, ни меня в этой связи, пожалуйста, нигде не упоминайте.

Все мое желание, чтобы к а ж д ы й с т и х МИ был издан. Но я опасаясь, как бы издание «Лебединого стана» в этот момент не повредило АС.

Был бы очень Вам благодарен за присылку труда Ельяшевича⁴⁸. За истекшие недели прошел сюда ряд книжных отправлений.

Вы совершенно правы: у нас с Вами «разные подходы».

Но разница установок не мешала, скажем, Ю.Ф.Самарину дружить с Герценом.

⁴⁵ Сын Цветаевой Георгий (Мур) родился в 1925 году, погиб на фронте в 1944 году.

⁴⁶ Эфрон Сергей Яковлевич, муж Цветаевой, родился в 1893 году, был расстрелян в 1941 году.

⁴⁷ Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975).

⁴⁸ Ельяшевич Василий Борисович (1875–1956) – правовед, историк. Профессор гражданского права в Петроградском политехническом институте и на «высших женских курсах». С 1918 года в Париже, преподавал гражданское право в Парижском университете. В 1935 году приобрел имение «Вишневы сад» в Бюси-ан-От (Бургундия) и в 1946 году передал его в дар Покровскому женскому монастырю.

П.Савицкий, по всей видимости, просит о присылке двухтомника «История права поземельной собственности в России», опубликованного Ельяшевичем в 1948 году в Париже.

Не хочу задерживать дискуссией по общим вопросам отправления этого письма.

Сознаюсь нескромно, что, по моему мнению, сама Матушка История сейчас за меня.

Вот даже в пределах недель, протекших с момента написания Вашего письма.

Вы так и не сообщили мне, показали ли Вы владыке Иоанну мои стихи и как он на них отозвался. Продолжаю ожидать и Вашего обещанного отзыва на присланные стихотворения (двадцать из тысячи!).

П.А. шлет Вам привет. Ваше письмо он получил.

Жму Вашу руку и жду от Вас весточки.

Ваш

ПСавицкий

Георгий (еще мальчик!) так растерялся перед лицом несчастья, что распродал без остатка все, бывшее у него и у МИ с собою. Так было продано за бесценок неизвестно кому и любимое кольцо МИ, которое она носила всю жизнь.

* * *

26 декабря 1957 г.

Дорогой Глеб Петрович,

<...>

Если мы расходимся с Вами – и быть может очень существенно – в ряде суждений и оценок, то это, мне кажется, не причина для перерыва письменного, а если будет возможность, то и личного нашего общения.

Ведь давно сказано, что из столкновения мнений рождается истина.

Когда я приехал сюда из России (это было в прошлом – 1956 – году), то прогнозы мои здешними «западобесами» (они есть и тут) были подняты на смех. Однако сейчас, после запуска двух искусственных спутников и кое-чего другого, эти веселые люди прикусили язычки.

<...>

Искренне скорблю о кончине А.М.Ремизова. Вот человек, который излучал свет!

<...>

Крепко жму Вашу руку. Буду ждать от Вас письма. Петр Александрович действует как может и в беседах со мною часто дружески Вас вспоминает.

Искренне преданный Вам

ПСавицкий.

* * *

Получ. и Отв. 10/X/59

Прага, 5 сентября 1959 г.

Дорогой Глеб Петрович,

это мое письмо – как бы «приложение» к письму от сегодняшнего же числа, посланному «авиа». Это письмо не решаюсь так послать, из-за объемистости писанины: пересылка стоила бы невероятно дорого.

Этот пакет долго, вероятно, будет странствовать – во славу авиамногополий. А когда-то и такие письма ходили отсюда в Калифорнию 7–10 дней.

Вероятно, к некоторому своему удивлению, Вы найдете в этом конверте скромную мою работу по западоведенью: первый, пожалуй, на русском языке о б щ и й обзор зодческих памятников Чехословакии, мною оформленный.

Надеюсь – он напомнит Вам места, в которых Вы в свое время бывали.

Скажу прямо: я энтузиастический почитатель древнерусского искусства – нашего зодчества, наших икон и фресок.

Считаю их в е р ш и н о й и а п о г е е м всего мирового искусства вообще. Считаю, в частности, приемы художественного изображения, примененные древнерусскими иконописцами и фрескистами, с в е р х п е р е д о в ы м и и с в е р х с о в р е м е н н ы м и .

Полагаю одновременно, что Русь должна знать и искусство Запада.

В этом предположении я и выполнил прилагаемую работу.

Если бы зодческие ландшафты Чехословакии Вас интересовали, я бы с удовольствием прислал Вам и дальнейшие по ним серии – и притом с собственными «комментариями». Я довольно глубоко вошел в этот материал.

Следует писанина по «сопоставлению Пражского Кремля с Московским» («объяснения», «дополнительные указания», «сводная таблица»). Эту работу я произвел для своего любимого племянника и крестника Павлика, которого я крестил в лесах Мордовии. Кое-что по истории этой писанины см. также в копии моего письма владыке Владимирскому.

В этом «сопоставлении» я частично выразил мои мысли об искусстве Руси и Запада. Причем Прага для меня это как бы «средняя арифметическая» Запада.

Не исключаю, что кое-что в этих мыслях может быть для Вас не без интереса – хотя бы в плоскости «опровержения».

Чтобы мои конкретные замечания по памятникам Пражского Кремля были для Вас понятны, прилагаю 15 видов Пражского Кремля. Они напомнят Вам издавна Вам знакомое.

Памятники Московского Кремля, я полагаю, у Вас достаточно в памяти.

Памяти может очень помочь тот альбом «Московский Кремль», который я упоминаю в первых строках «дополнительных указаний». Если его еще нет в Вашей библиотеке – непременно его купите. Это прекрасный альбом.

Я надоел Вам своей писаниной. Простите! Буду с большим нетерпением ожидать от Вас ответа и отклика – по возможности, по всем вопросам этих двух писем. – От души желаю Вам доброго здоровья и плодотворной работы. Очень прошу прислать мне Ваши новейшие труды и все, что посчитаете интересным.

Искренне Ваш
ПСавицкий

* * *

Прага, 26 октября 1959 г.

Дорогой Глеб Петрович,
сердечно благодарю Вас за письмецо от 10 октября.

Из числа печатных отправлений пока что я получил одно – три оттиска (увы, все латынщиной!) – «Мертвые души и живые авторитеты» (1958), «Русские писатели в изгнании» (1959)⁴⁹ и «Сравнительное литературоведение в СССР» (Сев. Каролина). Сердечно признателен и за оттиски.

Я прочел их очень внимательно и с большим интересом. В немногие страницы втрамбован большой материал. Изложение четкое.

Но, как Вы и сами заранее это могли бы сказать, Вашей заботы о «западофикации» России (она сказала, напр., на стр. 13 «Русских писателей», строки 8–7-я снизу) я никак не могу разделить.

И если уж на то пошло: ведь ЕА⁵⁰ есть тоже «эмигрантский» продукт.

Но как Вы думаете, действует ли оно как «западнический» фермент?

⁴⁹ *Struve G. Russian Writers in Exile: Problems of Émigré Literature. University of California Press, 1959.*

⁵⁰ ЕА – евразийство (прим. Г.П.Струве).

Я ничего не преувеличиваю. Но могу Вас уверить, что этот «эмигрантский» продукт действовал и продолжает действовать в прямо обратном направлении.

Но и совершенно объективно (независимо от моих или Ваших желаний) в современности гораздо больше предпосылок для русификации мира, чем для западификации России.

Есть у меня и еще ряд замечаний. Но я не теряю надежды, что в 1960 г. Вы доберетесь-таки до нас – и тогда я Вам их изложу устно (я сделал отметки на полях оттисков).

Здесь же только одна фактическая справка по поводу 10-го примечания в «Мертвых душах» (стр.14). И.Э.Бабель скончался в 1941 году. В 1946 г. К.Симонов или не знал этого, или вводил собеседника в заблуждение. Теперь дата смерти Исаака Эммануиловича указана и в «Малой Советской Энциклопедии» (3-ье изд., т. I, подписан к печати 30 июня 1958 г., столбец 714). Это, конечно, не возражение, а дополнение.

А вот и возражение. Биографически неправильно утверждать, что Марина Ивановна вернулась в Россию «преимущественно по личным причинам» («Русские писатели», стр. 9, посередине). Марина Ив., увы, не представляла себе реальности и не была готова встретиться с нею. Но вернулась она именно по идеократическим мотивам. Подробные рассказы дочери не оставляют в этом сомнений.

Перехожу к «востокским» вопросам. Как и Вы, я отнюдь не поклонник востокской формы. Но здесь, думается мне, нужно учесть следующее.

Стихи Востокова – это своеобразная «фактография» – по обстановке возникновения и месту сложения (не написания! писать нельзя было) – в своем роде, как кажется, уникальная.

Была ли бы в этих обстоятельствах уместна изощренная форма? Скорее, нет! Рубище здесь более подходит, чем парчовая одежда.

На русской земле мне немало довелось сражаться (сохраняя при этом дружество) с «пастернаковцами» и «пастернаковщиной». Среди «пастернаковцев» много евреев. Но вот Вам и русский «пастернаковец»: Александр Гервасиевич Лебеденко, мой друг и сотоварищ конца 1940-х – начала 1950-х годов. Вы напрасно оставляете его в стороне в Ваших обзорах. Он очень талантливый человек, и судьба его исключительно интересна. А в 1956–57 гг. он развернулся в литературе совершенно неслыханным образом.

Я признаю, что словесные и символические эксперименты «пастернаковцев» интересны.

Но меня всегда поражала и поражает их внутренняя опустошенность. Ничего по существу. Одна форма. «Изыск» даже в трагической обстановке.

Человека окружает море человеческих страданий, а «пастернаковец» «воспевает» прекрасных манекенш в окнах воображаемых западных магазинов. Мне это чуждо (не говоря уже о том, что магазины то у них запальные). Не хочу скрывать: я реалист. И такие «мечты» меня не увлекают.

Скромнейшее литературное «верую» Востокова заключается в восьмистишиях «Простое» и «Эпоха» на листочке 3-м присланных мною Вам в сентябре стихов.

Я полагаю (сужу по закономерностям), что Ваши друзья-поэты в США и в Европе, о которых Вы пишете, по установкам своим в той или иной мере примыкают к «пастернаковщине». Так ли это?

Аз, многогрешный, «пастернаковщину» отвергаю в корне. Не отказываясь от личной дружбы с ее представителями. Так было у меня и с А.Г.Лебедеико.

У меня к Вам большая просьба: пожалуйста, пришлите мне в письме в вырезке те стихи, которые напечатаны с Вашим «предупреждением». Издание это до меня не дошло. Пришлите их, прошу Вас, даже в том случае, если они у Вас в единственном экземпляре. Ведь Вы можете раздобыть замену, а я не могу.

Буду очень рад, если Вы все же прочтете мои писания о Московском и Пражском Кремлях и сообщите мне свои замечания.

В вопросах оценки древнерусского искусства между нами полное согласие: сверхпередовое и сверхсовременное.

<...>

Сердечно Вам преданный ПСавицкий

<...>

Еще одна мысль. На переходе со стр.14-й на 15-ю «Русских писателей» Вы обрекаете (по существу дела) все молодое поколение эмиграции на полную ассимиляцию. Изменников много (я говорю в данном случае только о национальном признаке). Есть они и среди близких нам людей. Но Вы забываете о растущем всемирном значении русской культуры. Тот молодой, в котором есть чувство современности, не ассимилируется.

* * *

Прага, 12 ноября 1959 г.

Дорогой Глеб Петрович,

благодарю Вас сердечно за столь срочное и точное выполнение моей просьбы. Я даже не представлял себе, что письмо в Калифорнию может так быстро «обернуться». Теперь жду с нетерпением обещанного Вашего отклика по всем вопросам моего «большущего» письма от 26 октября.

Вашу статью о Ремизове я проглотил сразу. Не буду на этот раз полемизировать подробно с первыми ее страницами. Скажу лишь одно. Я, как Вы знаете, прошел огонь и медные трубы. Но все же должен признать, что то «снижение и обеднение» русской культуры, о котором Вы пишете (стр. 11, сверху), совершенно особого рода. Не буду распространяться о спутниках, ракетах и лунниках. Это общеизвестно. Тут русские просто-таки первыми начинают новую – космическую – эпоху в жизни человечества. Но поглядите хотя бы на здравоохранение или создание кадров. Здесь сделаны чудеса – и притом чудеса тоже всемирно-исторического значения. В каждой мужицкой семье (а я лично знаю их сотни) есть, среди детей, или женщина-врач или сын-инженер. А очень часто – оба вместе.

Вот лозунг, выдвинутый мною, к преподаванию русского языка за границей:

«Всей, всей Земле пора познать

Язык космической эпохи!»

И первой, и второй космической скорости первой достигла Россия⁵¹.

Хочу признать Вашу правоту. Большой период русской критики – от К.Леонтьева до Айхенвальда включительно – действительно в значительной мере замалчивается. А в нем много, очень много интересного.

Теперь о Ремизове собственно. Исчерпать его творчество в статье, конечно, невозможно. 82 книги – это немало! Я читал из них всего лишь две или три. – Ремизов внимательно и любовно работал над словом. Свой очерк об Аввакуме («"Житие" протопопа Аввакума как географический первоисточник») я писал по рукописи «Жития», писанной рукою Ремизова. Многие его словесные «находки» я ценю. Но в общем Ваш

⁵¹ Выделенный отрывок помещен Савицким на полях 1-й страницы письма.

добросовестный очерк вызвал во мне резкое разочарование в Ремизове.

Я не знал до сих пор его отзыва о русской литературе и русском языке (у Вас стр.14–15). Отзыв этот – верх нелепости и – я сказал бы даже – кощунства. Я совершенно согласен с Вами: он «изумляет своей узостью, односторонностью, фанатизмом» (стр.15, внизу). И не только в отношении новейшей русской литературы. С русским XI веком не лучше. В нем Ремизов увидел только «болгарское платье» (стр.14, внизу). Почитал бы наши летописи, относящиеся к этому веку. В них есть, конечно, общеславянские элементы (отнюдь не только болгарские!): Русь – не Иван, не помнящий родства. Но в то же время как чувствуется в них живое биение «природной русской речи», какие там чудеса стилистической сжатости и выразительности! И это в эпоху, когда на Западе бытовала в письменности только самая мертвенная и самая скверная латынь. – Вот я одиннадцать лет провел непрерывно в пределах бывших губерний Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Московской. Ежечасно и ежеминутно соприкасался с тамошними людьми, проводил дни и ночи в беседах с ними. И вот перед и х лицом звучит ремизовская фраза: «Мы ведь и думаем-то не по-русски». Поистине верх нелепости, какую только может сказать человек!

И тут же – преклонение перед Флобером (стр.15, внизу) и обида Тургеневу, никак не обоснованная ни в чисто литературном, ни в историческом смысле. Тургенев немало – и, вероятно, больше, чем Ремизов, – слушал речь названных выше и соседних с ними губерний! Отзыв Ремизова о Тургеневе – это своего рода «писаревщина», «нигилизм с вывертом». – А дальше – стр.16 посередине – оказывается, что на Ремизова влияли и Гофман, и Тик, и Гауф – и Бог знает кто еще. Не скрою: человека, способного поддаться влиянию этих типов, я считаю просто пропащим. Влияния эти несомненны в высшей степени. В способности им поддаваться – измена памяти и того протопопа Аввакума, которого на словах Ремизов так ценил. А вот двадцать четыре тома «Полного собрания русских летописей» и сто томов записей (в разных изводах) наших былин (старин) – это такие языковые и речевые богатства, которым предстоит питать сознание и нашей космической эпохи. Я их впервые прочел сплошь – в годы изгнания. Какая мощь и какое «единство» потока! Русские летописи и русские былины – это не ремизовским злоглупостям чета. А немецкий камзол и кургузый кафтан «прямо из Парижа» (стр. 14 внизу) нужны были русскому народу, главным образом, для того, чтобы палкой выби-

вать дурь из тех, кто их на себя напяливал. Об этом свидетельствует многое и в русской литературе XVIII–XIX веков.

Неожиданный результат Вашей статьи о Ремизове: Ремизов на грани того, чтобы перестать для меня существовать. Но Вы здесь ни при чем! Вы приводите подлинные цитаты.

Как видите: что, что, а Вашу статью я пережил со всей живостью. Что значит – не латынщина!

<...>

Крепко жму Вашу руку. Шлю привет всему Вашему семейству. С большим интересом жду Вашего ответа по всем пунктам моего письма от 26 октября.

Ваш ПСавицкий

* * *

Прага, 5 февраля 1960 г.

Дорогой Глеб Петрович,

я все не теряю надежды получить от Вас отклик на два своих «длинных» осенних письма.

Пока же посылаю Вам – «для сведения историографа», т. е. Вашего – копию одного письмеца моего от вчерашнего числа.

Знаю, что с некоторыми тезисами этого моего письма Вы не согласитесь. Но ведь историограф должен знать не только то, с чем он согласен. – К тому же я надеюсь, что эта копия еще подбавит «диалектического перца» в Ваш отклик на мои письма, который я очень жду.

Сердечно благодарю Вас за присланные фотографии.

<...>

Очень оценил я и фотоснимок часовни колонии Росс. Ее историей и историей русской Аляски я занимаюсь с детских лет (с первых годов XX века). Не скрою, что еще семи–восьмилетним мальчиком, в 1902–1903 гг., я п р о к л и н а л Александра II за преступную ее продажу, считая это самым важным – и в то же время самым позорным – «деянием» его царствования. Читал роман Ивана Кратта. Знаю всю научную и наукообразную литературу по этим вопросам (в т.ч. и американскую, дающую нередко искаженную картину событий). В России в последние десятилетия она стала гораздо богаче, чем была раньше: основанная на архивных данных монография Окуня, «Летопись Аляски» Сергея Маркова и многое другое. – В эмиграции ряд хороших работ по этим вопросам напечатал (по-русски) мой покойный друг Павел Павлович Гронский (мы постоянно спорили – восточник с западником, но это не меша-

ло нашей горячей дружбе; полагаю – история показывает сейчас, что прав был я).

Драгоценно для меня и Ваше указание о паломничестве (однажды в год) в колонию Росс. Не можете ли Вы узнать и сообщить мне, с какого времени оно заведено. Я чту как святыню наш Русский («старостильный») православный календарь и отмечаю, по мере сил, все памятные дни. Вот и это мое письмо Вам я заканчиваю, напр., в Ксениин день (6 февраля нов. ст.) Пожалуйста, дорогой Глеб Петрович, справьтесь, в какой именно день года происходит это великое (по своему значению) паломничество к святыне колонии Росс, и напишите мне. Буду жив, буду и я здесь посильно отмечать этот день.

И пожалуйста – посылайте мне литературные новинки. Я очень благодарен Вам за то, что уже прислано Вами за эти годы. Как Вы знаете – я весьма и весьма независим от веяний западной мысли. Но я очень хочу их обзреть. Ваши присылки – важнейший и уникальный для меня источник ознакомления с ними.

Серьезно заболела легкими моя жена. Были кровотечения горлом. Сейчас она отпущена из больницы – для домашнего лечения. Но положение продолжает оставаться серьезным. Изо всех сил стараюсь создать для нее наилучшие условия, делать и свою, и ее работу (она отличная переводчица). Дал бы ей Бог поправиться!

Буду ждать от Вас скорой весточки-отклика и по всем предыдущим моим Вам письмам. Жму Вашу руку, шлю привет Вашей жене и деткам (ныне знакомым мне хотя бы по фотокарточкам).

Ваш ПСавицкий

Сувчинский Петр Петрович

Письма П.П.Сувчинского к Г.П.Струве о П.Н.Савицком⁵²

Отв. 9/III/57

Pierre Souvtchinsky
15, rue Saint-Saëns
Paris

Париж, 6 марта 57.

Глубокоуважаемый Глеб Петрович,
Простите, что беспокою Вас этим письмом.

⁵² Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134, Folder 7.

Я узнал от Татьяны Серг. Франк, что Вы находитесь в переписке с П.Н.Савицким, вернувшимся в Прагу. Какое чудесное и радостное известие!

Не могли бы Вы мне сообщить его адрес? Если же, по каким-либо причинам, Вы найдете, что мне писать ему не следует, что это для него может быть опасно, то очень прошу Вас не откажите сообщить мне, хотя бы кратко, – как его здоровье, общее состояние, когда и как он вернулся в Прагу, правда ли что он был в одном лагере с Л.П.Карсавиным?..

Вы, конечно, поймете, до какой степени все эти сведения для меня дороги.

Еще раз извините, что беспокою.

Искренно уважающий Вас

П.Сувчинский

* * *

Отв. 14/IV/57

15, rue S-Saëns

Paris

5-IV-57

Глубокоуважаемый Глеб Петрович,

благодарю Вас очень за скорый, любезный и обстоятельный ответ.

Ваше письмо прекрасно характеризует П.Н.С.; узнаю его в каждой Вашей фразе. Он всегда казался мне человеком скорее путаным, чем сложным, обуреваемым противоречивыми страстями и – как бы выразиться? – «полупрозрачным»...

Таким, видимо, он остался и после перемены основной ориентации.

Я очень тронут Вашим предложением о посредничестве, но мне не хочется, чтобы Ваши, уже установившиеся письменные отношения с П.Н. усложнились бы из-за меня.

Поэтому, после некоторого колебания, я решил написать ему непосредственно, прося ни в коем случае не насилловать себя ответом.

Предвидеть его реакцию на мое письмо очень трудно, точно так же как трудно понять, какую роль, вообще, он взял на себя в отношении эмиграции и сов. власти.

Еще раз – благодарю Вас очень

Искренно уважающий Вас

П.Сувчинский.

* * *

Отв. 16/XII/61

15, rue S Saëns
Париж.

12 дек. 1961

Многоуважаемый Глеб Петрович,
спешу ответить Вам на Ваше письмо.

Вот что я знаю о П.Н.Савицком:

Моя переписка с ним прервалась в конце 1958 г., п. что его письма приходили распечатанными. Распечатывали их в Праге (французская почта меня об этом, также очень любезно, осведомила).

П.Н. был арестован в июне⁵³, вместе с своим сыном, филологом. В это же время скончалась, после тяжелой болезни, его жена, Ксения Ивановна.

Последние сведения о нем я имею от Р.О.Якобсона. Напишите ему, он, вероятно, знает в настоящее время больше, чем я.

В последних письмах П.Н. выражал желание издать свою книгу на французском языке и просил меня найти ему издателя, что я и сделал. Стихи свои он мне прислал, но об их издании не было речи.

Очень трудно отдать себе отчет, что именно произошло: П.Н. прислал мне свои статьи, напечатанные в журнале Чехословацкой академии, – эти статьи были весьма «благонамеренные». Его письма, несмотря на их «возбужденный» стиль и слог, были также преисполнены советско-русским «мессианизмом»?..

Если что-нибудь узнаю – напишу Вам.

Искренно уважающий Вас

П. Сувчинский.

⁵³ В июне 1961 года.

II

К сведению историографа⁵⁴

Письмо П.П.Сувчинского к П.Н.Савицкому
Без даты и в сокращении⁵⁵.

Милый, дорогой Петр Николаевич,

я с нетерпением ждал Вашего ответа, и Ваше письмо меня глубоко тронуло и взволновало. Увидев Ваш почерк, я с еще большей силой вспомнил наши взаимные отношения, эпоху ЕА, которая навсегда осталась для меня «золотым фондом» моей жизни... Несмотря на все ошибки, перебои и, быть может, некоторую общую наивность, ЕА, как оно было сформулировано Вами, дорогим Н.С.Т., Н.Н.А., Г.В.В.⁵⁶ и другими, остается и по сей день истинным откровением и раскрытием сущности России и ее революции. И если Россия победила и будет побеждать, то побеждает она именно своей ЕА сущностью. Поэтому я вполне разделяю Вашу обиду на семью Н.С.Т. Я знаю, что они точно стыдятся ЕА деятельности Н.С.Т. А между тем сколько статей и писем было им собственноручно написано ради ЕА, и это при его слепоте! Года два тому назад я говорил об этом также с Р.О.Якобсоном (прим. ПНС: у меня такое впечатление, что семья НСТ совсем превратилась в «австриячек». Тоже нашли в кого превращаться). Мой ответ, дорогой Петр Николаевич, будет рядом сознательно беспорядочных ответов, вопросов и подтверждений. Не взывайте! – С 1933 г. я женат – и очень счастливо – на Марианне Львовне Карсавиной, дочери Льва Платоновича. Мы знаем, что Л.П. скончался в 1952 г. в Воркуте. – Я ушел в музыковеденье. Вы можете подумать, что это «почетная отставка», но поймите следующее: судьба привела меня работать с такими людьми, как Вы, НСТ, ННА, ГВВ, Л.П.Карсавин и др. С кем бы я мог сотрудничать теперь, когда в интеллектуальном смысле русская эмиграция больше не

⁵⁴ Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134, Folder 10.

⁵⁵ *Присланное перепечатанное Савицким письмо к нему Сувчинского не полно, это «выдержки», что объясняет несогласованность конечных отрывков в тексте. Письмо не датировано. Можно предположить, ссылаясь на упоминание о праздновании юбилея Алексея Михайловича Ремизова (26.6/6.7.1877–26.11.1957), это время около 6 июля 1957 г., когда ему исполнилось 80 лет.*

⁵⁶ *Николай Сергеевич Трубецкой, Николай Николаевич Алексеев, Георгий Владимирович Вернадский.*

существует? Кроме того, во время немецкой оккупации многие русские эмигранты вели себя как последние сволочи и лакеи. Подумайте, даже наш бывший друг Вл.Ник. Ильин написал в русской газете, издававшейся гитлеровцами в Париже, статью-донос на меня, которая называлась «Аристократы – разлагатели русской эмиграции», с подзаголовком «Князь Д.П.Святополк-Мирский и П.П.Сувчинский»!!! После окончания войны Ильин валялся в ногах у Н.А.Бердяева, прося за все прощение. Он также хотел и меня видеть, но я просил передать ему, что, не будучи священником, не могу отпускать грехи, а что есть поступки, которые не забываются. После этого доноса меня дважды вызывали в префектуру на допрос, и почему меня не арестовали и не сослали – остается для меня чудом!

Кто очень хорошо себя держал и держит – это Вас. Петр. Никитин⁵⁷. Он уже на пенсии, работает по вопросам востоковедения и находится в переписке с учеными СССР. Его адрес: 7, рю Буало, Пари 16-е.

За последнее время я выпустил два тома статей о русской музыке («Мюзик рюсс», этюд реюни пар П.П.С. Пресс юниверситэр де Франс, 108, Б-д С.Жермэн, Пари) и ряд теоретических статей по музыковедению; кроме того, я заведую, как здесь говорят, «коллекцией» книг, посвященных музыке.

Не напишете ли Вы когда-нибудь историю ЕА движения? Могу Вас уверить, что такая книга будет иметь во Франции огромный успех; ЕА объяснение (экспликасьон) России – признано всеми. – Научный авторитет Н.С.Трубецкого здесь очень велик. В 1949 г. вышел перевод его «Основ фонологии»: «Принсип де фоноложии», традую пар Ж.Кантино, Пари, Либрэри Клиник, 11 рю де Лилль, Пари 7-е. – Очень интересуюсь Вашей научной работой. Я уверен, что Ваши работы (если это Вас интересует) можно издать во Франции на французском языке. Все, что объясняет Россию, читается с огромным интересом. – Сердечный привет К-ну Алексан-чу Чх.⁵⁸ Как хорошо, что он теперь около Вас. – Дорогой Петр Николаевич, я знаю, что Вы, м.б., осудите меня за то, что я печатаюсь на французском языке, но что же делать? Повторяю, здесь русских читателей нет, а новая русская эмиграция в Америке и Германии мне очень подозрительна, и иметь дела с ней я не хочу.

⁵⁷ Никитин Василий Петрович (1885–1960) – дипломат, востоковед (иранист, специалист по курдам). До 1919 года консул в Урмии (Персия), драгоман Российской миссии в Тегеране. Профессор кафедры восточных языков при Сорбонне в Париже, участник евразийского движения, член редакционной коллегии газеты «Евразия».

⁵⁸ Константин Александрович Чхеидзе.

Но в идеологическом отношении я все тот же и, будучи русским «чтецом-советчиком» при одном большом издательстве, я все время направляю его деятельность в сторону России, в сторону изучения русской и советской культуры. Повторяю, в прогрессивных французских кругах точка зрения на Россию вполне верна.

С С.С.Прокофьевым я переписывался до самой его смерти.

Хвала русским врачам! Я верю, что теперь настала для Вас самая существенная и всем нужная эпоха Вашей жизни.

Обо многом хотелось бы Вам написать, но – признаюсь – я захлебываюсь.

2.

Вы, м.б., удивляетесь моему долгому молчанию: дело в том, что я, вот уже скоро месяц, как лежу без движения – меня опрокинул автомобиль.

Слава Богу – ничего не поломано, но сильный удар – контузия.

Теперь все понемногу приходит в порядок.

В связи с переводом на французский язык «Былого и дум» А.Герцена я без конца перечитываю русские книги; и русские проблемы прошлого и будущего обступают как живые грандиозные призраки: чего только не было, что еще будет!

Кто по-прежнему восхитителен – это Алексей Михайлович Ремизов. Завтра празднуют его 80-летие – к сожалению, без меня! Я очень рад, что в Москве будто бы намереваются издать один том избранных его сочинений, он этого заслуживает во всех отношениях.

В какой зверской слепоте и в каком убожестве пребывает Европа и США!

3.

Для меня Герцен – один из величайших русских писателей; это явление пророческое, ибо в нем виден п е р в ы й синтез западничества и славянофильства. Второй синтез – о к о н ч а т е л ь н ы й – выразился и утвердился в советской революции. Кроме того, он жил в Европе и понимал европейскую культуру к а к р а в н ы й ей (прим. ПНС: по-моему, в настоящий момент сказать это у ж е м а л о . Вспоминаю слова друга-противника Герцена – Ю.Ф.Самарина: поглядеть на нее со стороны, т.е. с в е р х у) без тени провинциализма, без пресмыкательства. Как странно, что Герцен, будучи гениальным мемуаристом, писал такие слабые романы и рассказы.

Мы едем в Швейцарию – по многим причинам и прежде всего потому, что Швейцария это «местоположение». А нам надоели французы и немцы.

* * *

Письмо П.Н.Савицкого к П.П.Сувчинскому

[...] Петру Петровичу (1957)

Я очень обрадовался получению Ваших строк. Прошлое отошло, дружество остается.

Моя «Одиссея» продолжалась одиннадцать лет: 1945–1956. Это было опаснейшее и в то же время полное живейшего интереса исследовательское путешествие.

Очень поразила меня судьба бедного Дмитрия Петровича (Св.-М.). Я знаю, что были обстоятельства, которые не только меня и ННА, но и Вас от него отделили. Но все эти обстоятельства уходят в тень перед развернувшейся трагедией! Я точно ее знаю. Дмитрий Петрович, в обстановке голода и отчаянья, до последних дней своей жизни продолжал писать свой труд: «Русская поэзия от Пушкина до Фета» и вносил в него т ы с я ч и и т ы с я ч и стихов, восстанавливаемых им п о п а - м я т и ! По общим отзывам, он держал себя в сверхтрагических обстоятельствах с огромным самообладанием и мужеством. – Нужно удивляться, как «антрепризу» (С.Л.Франк. Биография П.Б.Струве, 1965, с.146). Неутихающую боль причинила и продолжает причинять мне кончина Николая Сергеевича. Прямой причиной его кончины были г и т л е - р о в ц ы . Он, с его большим сердцем, не перенес воздвигнутых на него гонений. Родные его (Вера Петровна и дочери), кажется, склонны затушевывать это – из желания угодить окружающей их немецкой среде. Но это святая истина! И вот уж чего, чего, а желания угодить немцам душа моя не принимает и не переносит. – Кончина Николая Сергеевича – потеря невознаграждаемая. Он оставил большой след и в ЕА, и в созданной им науке фонологии. Почти все нынешние пражские лингвисты – его ученики и поминают его на каждом шагу. – Его научный авторитет признается теперь и в Москве. – Я лично одного, в каком-то смысле, не могу и теперь простить Николаю Сергеевичу: его печатанья п о - н е м е ц к и . – Что сказать о себе? Все 30-ые годы я действовал так, как и ранее действовал. С приходом сюда гитлеровцев стало нечем дышать (увы, чувствую и д о п о д л и н н о знаю, что гитлеровский дух и сейчас не иссяк в германизме! В течение десяти лет: 1945–1955 – я воочию видел и своими ушами слышал нынешних воротил западной Германии!). Только в России я на собственном опыте убедился, какую н е п о м е р н о с т ь бед причинил ей в годы 1941–1945 этот в о -

и н с т в у ю щ и й г е р м а н и з м . Тема неизбывная! Но довольно об этом!

В 1940 г. я принял предложенный мне «пост» директора здешней Русской гимназии. – Это было немалое дело. В гимназии было более 500 учеников. Число их очень увеличилось при мне. В 30-х годах для Гимназии было выстроено прекрасное, «сверхсовременное» пятиэтажное здание, занявшее целый большой квартал (в нем сейчас советская школа). Пожалуй, лучшее школьное здание Праги. – Я пробыл директором более 4-х лет (до сентября 1944 г.). – Я сделал все, от меня зависевшее, чтобы сберечь здешних русских детей и русскую молодежь в эти труднейшие годы и дать им н а с т о я щ е е знание русского языка (многие из них, при поступлении в Гимназию, совсем им не владели). – Все это удалось в значительной степени. – Кажется, все бывшие мои ученики признают сейчас правильность моего у п о р а на русский язык, который я проводил с чрезвычайной энергией. Теперь здесь русский язык пригодился им всем, и знание его продолжает быть весьма и весьма для них полезным. Многие из них занимают сейчас ведущее положение.

Я был «снят» с директорства немцами – за сопротивление мобилизации наших русских мальчиков в гитлеровскую армию – и стал чернорабочим. – Дальнейшее Вы знаете. В 1956 г. мне было сказано, что все происшедшее было н е д о р а з у м е н и е м . За одиннадцать лет пребывания в Отечестве я ни на один день не прекращал научной работы. Эту возможность обеспечил мне тот факт, что я все эти годы (за исключением времени болезней) исполнял обязанности культорга и библиотекаря.

Видел и пережил многое, очень многое. И многих с в е р х з а м е ч а т е л ь н ы х русских людей узнал лично.

Сейчас я занят проблемами экономической географии (здесь появилось в свет по-русски несколько новых моих работ по этой части), чистой географии («периодическая система зон», под моим именем, вошла в ряд советских университетских учебников – как 1930-х, так и конца 1940-х годов), кочевниковедения (в смысле моих «Задач кочевниковедения» 1928 г.) и русской истории.

Когда было трудно писать «прозу», я писал стихи. За одиннадцать лет я написал около тысячи (!!!) стихотворений на знакомые Вам темы. Некоторые из них напечатаны. Около двух лет я провел в живом общении с Ариадной Сергеевной (дочь Марины Ивановны). Я видел ее в обстоятельствах трагических. Очарование внутреннего горения и грация не оставляли ее и в этих условиях. От нее я узнал во всех возможных подробностях о судьбе бедных Марины Ивановны и Сергея Яковлевича.

Еще более чем ранее я сейчас энтузиаст русского языка и его грядущего (а отчасти уже и нынешнего) всемирного призвания.

Тем, что я жив, я обязан советской медицине. В 1953 г., на основе долголетней болезни кишечника, у меня случился заворот кишок. Вещь смертельная. Но врачи, меня окружавшие, проявили замечательную оперативность и расторопность. И организация помощи там поразительная. В тот же день майор Андреев, прекрасный хирург, меня оперировал. Ассистентами были два профессора-медика Московского университета (так складывались тогда бытовые условия). И послеоперационный уход был замечательный. И вот видите, я пишу Вам это письмо.

Очень интенсивно – «чтобы не сплзнуть!» – слежу за книжными новинками – главным образом, советскими – в своих областях – географии, экономической географии, истории, а также истории искусства. Сыновья мне в том помогают.

Для сведения историографа!
Мои замечания на главы «I» и «II» «Воспоминаний»
Н.Н.Алексеева⁵⁹ .

[30 сентября 1959 г.]

Перечел с карандашом в руке и обдумывая каждое слово первые четыре главы «Воспоминаний» – т.е. все, что предшествует уже ранее полученным мною «университетским» главам, напечатанным в «Новом журнале». Хочу сразу же поделиться своими мыслями по поводу этих глав. Ведь я кропотлив и многословен. И так письмо будет длинное. А если включить в него мысли по поводу дальнейших глав – оно стало бы чудовищно длинным.

Общая оценка. Первые две главы «Родители» и «Детство» (я продолжаю настаивать на этих кратких заглавиях) я ставлю выше горьковского «Детства» (которое я несколько раз перечитывал в годы изгнания). В них глубже и подлинней понимание психологии ребенка. У Горького в этих вопросах есть литературная нарочитость. У Вас же – как и во всех прочих главах «Воспоминаний» – героическое стремление к правде и только правда. Это неоценимая вещь – с точки зрения читателя, и с точки зрения историка. По прочтении этих глав у меня такое впечатление, что я побывал вместе с Вами в Данкове и даже проводил в нем детство. Я много занимался в жизни рязанскими городами и весями,

⁵⁹ Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers, 1810–1985. Box 134. Folder 5.

как занимался и другими многими городами и всями Руси, но именно Ваши главы довели мое представление о старом Данкове до высшей образности. <...>

С о д е р ж а н и е и чтение дальнейших глав, и в особенности главы IV-ой («Как мы стали революционерами»), составило для меня своего рода л и ч н у ю т р а г е д и ю . Боже мой, каких только периодов развития не пережили Вы, мой дорогой друг! По сравнению с Вами, я совершенно элементарен. Как из одной глыбы высечен. Что думал 55 лет тому назад – то думаю, по существу дела, и сейчас. И чувства не изменились. Перемена только в том, что я учел историческую реальность и свой старый патриотизм переориентировал на н о в у ю Рос-сию. А старый мой патриотизм был таков, что, когда я в возрасте неполных девяти лет получил «у себя» в имении (50 верст от железной дороги) известие о гибели броненосца «Петропавловск» и адмирала С.О.Макарова на нем, я заболел от огорчения на несколько недель.

Ваш рассказ в высокой мере типичен и в глубочайшем смысле и с - т о р и ч е н – и это еще усугубляет его трагичность. По каким только путям не шла русская интеллигенция! Даже для того, чтобы подойти к идеям морали, Вам потребовалась «Критика практического разума» Канта (главы IV-я, стр.10, посередине). Не скрою: Кант для меня теперь вовсе не существует (у немцев – все напускное). А вот заповеди Хри-стовы существуют очень и очень. И как это могло случиться, что рус-ская интеллигенция, в своем страстном стремлении к п р а в д е , про-ходила мимо них – в то время как русский народ, в массе своей, жил и ж и в е т (о чем свидетельствую как свидетель) именно с л о в о м Х р и с т о в ы м . Вот величайшая трагедия из мне известных. Пережи-ваю ее со страшною силой, читая Ваши страницы.

Это – самое общее. Теперь перехожу к кропотливому и мелкому. И будут это все м ы с л и п о п о в о д у , а не возражения. Только кое-где фактические справки.

Глава I-я, стр.I, внизу: уже и Ваша данковская тетушка в силу «заго-вора» не верила, а я, многогрешный, верю. «Заговор» – это гипнотиче-ское и магнетическое воздействие знахаря на больного. Оно помогает не от всех недугов и не во всех случаях, но очень часто п о м о г а е т , как свидетельствовал Вам старый данковский купец и как я Вам свидетель-ствую. И «травы» Вашего деда Петра Федоровича – вещь очень серьезная. Я, как Вы знаете, провел теперь одиннадцать лет в местах – рукой подать от Данкова, в нынешней западной Мордовии. Как и везде, там очень хо-рошо поставлена советская медицина, но в ряде случаев с нею конкуриру-ет медицина мордовская («мордовка»). Мордва на глазах истории сидит в одних и тех же местах более четырех тысяч лет. У мордвовок из поколения

в поколение передается замечательное знание местных лечебных ресурсов («трав»), а также, по-видимому, местных медленно действующих ядов. Даже многие русские предпочитают лечиться не у врачей, а у «мордовоков». К тому же эти последние – отличные массажистки, со своими особыми приемами массажа. Только хирургия есть исключительная область врачей. Но даже врачи (как я лично в этом убедился) верят, что мордовка может «напустить болезнь». Это применяется, по общему убеждению, мордовками в отношении своих соперниц на сексуальной почве. Не исключено, что в их...⁶⁰, действительно, есть медленно действующие яды, неизвестные почему...⁶¹. Думаю, что тексты «заговоров», по существу дела, бессмысленны. Эти тексты – только средство для знахаря «собрать воедино» свои гипнотические и магнетические силы. Если эти тексты записать – они, действительно, теряют свою эффективность.

Вывод: на основании Ваших слов я очень высоко оценил лечебное искусство Вашего деда.

Глава 1-ая, стр.2, посередине. Поразителен по своеобразному драматизму Ваш рассказ об уходе из дому и «опрошении» Вашего деда по матери Полубояринова. Тут я тоже вижу черты рязанско-тамбовского и соседних месторазвитий, не миновавшие и теперь. Меня лично бедные молодые (лет 37–38) вдовы «моего» района (западная Мордовия) уговаривали остаться у них и «опроститься», предлагаясь на выбор (это при моем-то возрасте!). Я слишком предан моей семье и науке, чтобы сделать такое. Но на моих глазах многие интеллигенты принимали такое решение: переселились в крестьянскую избу своей новой жены и «опрощались».

<...>

Глава 2-ая, стр.3. В Данкове «ночью вымазали ворота дегтем». Вы пишете: «Я и теперь не знаю, что это значит». Увы, на основании многолетнего, почти в два десятилетия, пребывания в черниговской деревне я могу точно сказать, что «это значит». Это значит, что девушка из данного двора без брака потеряла невинность. Замужних женщин, по моим наблюдениям, этот милый «обычай» не затрагивал ни в каком повороте – как бы она себя ни вела. Мазали дегтем по самым низким соображениям: на это науськивал парней неудачливый претендент или «злая разлучница», желавшая отбить жениха. Нетрудно истолковать и смех Ваших «кухонных баб», о котором Вы пишете: они намекали, конечно, на несчастную судьбу Вашей тети. Но ворот домов, где жили интеллигенты, дегтем не мазали. – В 1945–56 гг. в Мордовии с этим «обычаем»

⁶⁰ Часть текста отсутствует.

⁶¹ Часть текста отсутствует.

мне встретиться уже не пришлось, впрочем, мужчины были там в слишком высокой цене. И «дэготь» мог без шуток превратиться в «почетное от[...]ие» (может быть, «отличие». – Ю. М.).

Глава 2-ая, стр.4. Какие чудесные названия у Данковских слобод: Стрельцы, Казаки, Пушкари. Вся история края в этих названиях!

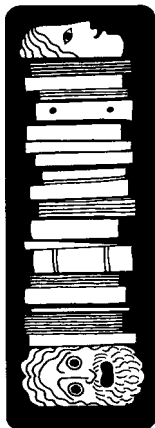
Глава 2-ая, стр.5. Поразительны Ваши данные о движении через Данков: осенью – гуртов баранов, зимой – обозов с мясом, мукой и рыбой. Речь идет о первой половине и середине 1880-х годов. К этому времени уже лет 15 как параллельно всем «чрезданковским» грунтовыми дорогам была проведена железная дорога: Рязань – Козлов – Воронеж – Ростов-на-Дону (доведена до Ростова около 1870 года). Чем же объяснить то, что и большое движение грузов с юга на север не прекращалось и по грунтовым дорогам. Я объясняю это: 1) высокими тарифами, 2) удобством пасти овец осенью (при прогоне) на стерне, 3) сложившейся привычкой (действительно удобной) продавать товар в городах и селах, лежавших на пути обоза, прямо с саней. Но как бы ни обстояло дело – Ваши указания исключительно интересны для экономиста-географа; быть может, даже уникальны. Об этом движении гуртов и обозов могло и не сохраниться документальных данных: гуртовщики воспоминаний не писали. Только, мне кажется, недостаточно «политико-экономичным» сказать (внизу страницы): «торговля скотом шла по образу пешего хождения». Я сказал бы просто: скот не везли, но гнали.

Глава 2-ая, стр. 5, в самом низу. Очень интересно о катанье в санках на Масленице. Вы пишете: «Вывелось оно после революции 1905 года». Что замечательно – года два назад оно «официально» восстановлено (а фактически держалось во многих местах и в промежутке). Только теперь не купцы показывают невест, а колхозы и совхозы показывают ревность своих коней и мастерство возничих.

В общем, обе главы («Родители» и «Детство») представляют высокохудожественное целое. Если исходить от существа дела, каждый советский литературно-художественный журнал должен был бы за него схватиться. В печатном виде обе главы составили бы 14–15 страниц. Но не всегда дело определяется существом дела.

Напряженно думаю о том, как обеспечить печатание в с е г о текста «Воспоминания» не когда-либо в будущем, а сейчас. В существующих условиях, выработанной системы «хранения глав» нарушать не нужно. Нужно придумать что-то дополнительное. По этому поводу буду писать особо.

30 сентября 1959 г.



**Владимир Макаров
Александр Репников**



**ЛЮДИ
ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ.
«...МИЛЫЙ ГРИША
ТОВСТОЛЕС»**

**К ИСТОРИИ
«ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ»¹**

УДК
929

Grigori Nickolaevich Tovstoles (1887–1957) is a figure of the Russian emigrant community who is virtually unknown in the present day Russia. G. Tovstoles fought in the White army during the Civil war and he was one of the earliest participants of the Eurasian movement in emigration and a member of several Masonic lodges. In 1946 Tovstoles who lived at that time in France accepted the Soviet citizenship. In 1951 Tovstoles was detained by the USSR Ministry of State security in the territory of East Germany. The article for the first time introduces into the scientific turnover materials of investigation against Tovstoles (these materials are kept in the Russian Federation Federal Security Service' archive).

Ключевые слова: Русское зарубежье; евразийство; эмиграция; масонство; политические репрессии; Г.Н.Товстолес.

Key words: Russian abroad; the Euroasian movement; emigration; a freemasonry; political reprisals, G.Tovstoles.

E-mail: Repnikov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 08-01-00-479а.

Герой нашего рассказа почти неизвестен в современной России. Между тем он стоял у истоков одного из наиболее оригинальных течений общественно-политической мысли Русского зарубежья первой половины XX столетия – «Евразийского движения», входил в круг друзей поэтессы Марины Цветаевой, был заметной фигурой среди русских масонов в Париже в 20–40-х годах минувшего века.

Как и большинству его современников, Григорию Николаевичу Товстолесу пришлось многое пережить на своем веку: революции, войны, жизнь на чужбине, возвращение на родину, сталинские лагеря...

Его имя редко встречается в отечественных публикациях, посвященных истории евразийства. Наиболее подробные биографические сведения о нем можно почерпнуть лишь в известной энциклопедии А.И.Серкова по истории русского масонства: «Товстолес Григорий Николаевич <...>. (7.4.1887, Черниговская губ. – 4.11.1957). Из дворян. Председатель Борзенской уездной земской управы. Российский эмигрант. Один из первых евразийцев еще в Константинополе в 1920. В 1925 корректор. Жил в Париже. В 1926 секретарь Евразийского семинара в Париже. В 1931–1938 служащий. Во время Второй мировой войны участвовал в собраниях масонов у С.Г.Лианозова. В 1945–1947 издатель, жил во Франции. Затем возвратился на родину. Репрессирован. *Отец*: Н[иколай] Ильич (ум. 2.11.1897). Борзенский уездный начальник. *Мать*: Милорадович Зинаида Ильинична. *Жена*: Комаровская Анна Николаевна (ум. 6.3.1930, Ницца). Имел сына»². Согласно информации Серкова, Товстолес был членом целого ряда масонских лож в Париже:

- ложа «Астрейя» (возведен в 18-ю степень; член капитула в 1930–1945 годах);
- ложа «Гамаюн» (Париж; 1931–1933; член-основатель ложи);
- ложа «Друзья любомудрия» (возведен в 14-ю степень в 1930 году; хранитель печати в 1933 и 1933 годах, 1-й страж в 1936–1937);
- ареопаг «Ордо аб хаос» («Порядок из хаоса») – член ареопага в 1945–1949 годах; комендант дома (привратник) в 1946–1948 гг.;
- ложа «Русский особый совет 33-й степени» (возведен в 33-ю степень в 1945 году);
- ложа «Северное Сияние» (член ложи с 1925 по 1951 год; Достойный мастер в 1937–1945 годах. Восстановил ложу после

² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.801.

войны. Делегат ложи в 1950 году. По другим данным, членом ложи состоял в 1926–1949 гг.);

- «Совет Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава» (член Совета от ложи «Северное Сияние» в 1934, 1937–1946 и в 1950 годах. Заместитель члена Комиссии по выработке устава в 1934 году. Член Ритуальной комиссии в 1937 году)³.

О «парижском» периоде жизни Г.Н.Товстоlesa упомянуто в переписке М.И.Цветаевой с Н.П.Гронским⁴. Из письма Гронскому, Медон, 5 октября 1928 г.: «Вчера у меня был в гостях Товстолес, просидел на сундуке до сумерек, говорили о Балтике (оттуда) и черной магии. Оказывается, мы оба под знаком Сатурна, все приметы совпадают. Очень радовался не-евразийской теме беседы (евразиец)»⁵.

В кандидатской диссертации М.Ю.Панченко, посвященной истории евразийства второй половины 20-х годов, можно обнаружить извлеченные из Государственного архива Российской Федерации письма евразийцев, в которых упоминается Товстолес, и краткую биографическую справку о нем, со ссылкой на энциклопедию Серкова⁶. Отметим в связи с этим, что переписка евразийцев, в отличие от их работ, относительно недавно начала вводиться в широкий научный оборот⁷. Ее изучение и публикация, несомненно, позволят расширить биографические сведения о герое нашей статьи.

³ Там же. С.1154, 1169, 1177, 1182, 1185, 1195, 1199. – Товстолес упоминается и в других работах, посвященных масонству.

⁴ Гронский Павел Павлович (1883–1937) – русский политический деятель, юрист; эмигрант. Профессор Петербургского университета. Видный деятель партии кадетов. С декабря 1919 года в эмиграции. Жил в Париже, работал в редакции «Последних новостей». Состоял в переписке с М.Цветаевой.

⁵ URL: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_gron2.php.

⁶ Панченко М.Ю. Политическая история евразийского движения 1926–29 гг. Фракционная борьба и кламарский раскол // Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

⁷ См., например: К истории евразийства. 1922–1924 / Публ. Е.Кривошеевой // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1994. Вып. V. – В письме П.П.Сувчинского Н.С.Трубецкому (1924) читаем: «Сав[ицкий] получил от Товстоlesa восторженное письмо о "Временнике" и обещание работать и помнить» (Там же. С.483). В комментарии указано: «Товстолес Григорий Николаевич – черниговский дворянин, председатель Борзенской уездной земской управы. Один из первых евразийцев – еще в Константинополе в 1920 г. Позже масон» (Там же. С.501).

Некоторые вехи биографии Н.Г.Товстолеца и вместе с этим неизвестные страницы из истории «Евразийского движения» авторам удалось обнаружить в Центральном архиве ФСБ России⁸.

* * *

2 июня 1951 года Г.Н.Товстолец на территории Восточной Германии был арестован органами МГБ СССР. В ходе следствия и судебного заседания по делу 16 ноября 1951 г. Товстолец рассказал председателю рассудавшему об обстоятельствах своей высылки из Франции:

«Советское подданство я получил в 1946 г. В то время был издан Указ Советского правительства, что эмигранты могут возвращаться на Родину в СССР. Я пошел тогда в советское консульство, подробно и правдиво написал свою автобиографию, где указывал, что служил в армии Деникина и Врангеля, что состоял в организации "Евразийское движение" и масонской ложе. С нами беседовал б[ывший] посол СССР во Франции Богомолов⁹, который говорил, что старое забывается, мы все считали, что амнистия, и решили возвратиться на Родину <...>»¹⁰.

«<...> *Вопрос:* Расскажите об обстоятельствах Вашего выезда из Франции в Восточную Германию.

Ответ: 20 апреля 1951 года, находясь на работе на складе трикотажной фабрики "Тротье Франсе", я был задержан двумя французскими полицейскими, которые мне предъявили документ о высылке меня из Франции, как советского гражданина. После этого они посадили меня на машину и повезли ко мне на квартиру за моими вещами, где, забрав вещи, я был на этой же машине доставлен в контору фабрики по месту моей работы для получения расчета. Получив расчет, эти же полицей-

⁸ В документах орфография и синтаксис приведены в соответствии с нормами современного русского языка.

⁹ Богомолов Александр Ефимович (1900–1969) – советский дипломат. В 1919–1930 гг. служил в РККА. В 1930–1939 годах на научно-педагогической работе. В 1939 году переведен на службу в НКВД СССР. В 1940–1941 гг. советник полпредства СССР во Франции; в 1944–1950 годах посол. В 1945 году основал Общество советских патриотов во Франции, в результате действий которого около 6 000 человек вернулось в СССР. В 1950–1952 гг. заместитель министра иностранных дел СССР. В 1952–1954 гг. посол СССР в Чехословакии, в 1954–1957 годах – в Италии. В 1957 году переведен в центральный аппарат МИДа. В 1962 году вышел в отставку.

¹⁰ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.203–221.

ские меня доставили в так называемое 2-е Бюро секретной французской полиции. Во 2-м Бюро меня сфотографировали, измерили рост, записали приметы, заполнили какую то карточку с анкетными данными, сняли на эту же карточку оттиски моих пальцев и предложили расписаться в получении документа о высылке меня из Франции в Советский Союз. После вручения мне документа о высылке меня в Советский Союз меня отправили в сопровождении полицейских на Парижский вокзал, оттуда и был через французскую и американскую зону оккупации Германии доставлен в Восточную Германию в районе города Гоф. <...>

Вопрос: При проезде французской и американской зон оккупации Германии Вас допрашивали?

Ответ: При проезде мною французской и американской зон оккупации Германии меня не задерживали и не допрашивали. Во французской зоне оккупации Германии в городе Киль меня один французский чиновник в штатской одежде спрашивал, не желаю ли я остаться на жительство во французской зоне оккупации Германии. Я дал отрицательный ответ. Где и кем работает этот чиновник, спрашивающий меня, я не знаю. <...>

После принятия советского подданства я продолжал работать в типографии. Я и другие, принявшие советское подданство, помогали советскому консульству устраивать собрания, на которых читались лекции о Советском Союзе, показывались кинокартины. Например, были доклады о "Сталинградской битве", о "Советском патриотизме", о "Советской женщине" и др. Я помогал в работе франко-советскому обществу, выступал в защиту СССР на собраниях, настроения у меня были просоветские. Поэтому 24.4.1946 г. французское правительство выслало меня, как нежелательного иностранца из Франции¹¹. Меня доставили в г. Кельн (французская зона оккупации Германии), где мне предложили остаться работать, но я категорически отказался и потребовал, чтобы меня отправили работать на Родину в СССР. Вскоре меня перевезли в г. Веймар в советскую зону оккупации Германии, где меня задержали советские органы, и я некоторое время оставался на положении полу-

¹¹ «В начале 1948 г. правительство Франции закрыло Союз советских граждан и его печатный орган, выслал из страны 24 активиста, ряд других лиц возвратились на родину законным путем. Из них к видным масонам принадлежали Н.Л.Голеевский, Н.С.Муравьев, П.В.Погожев, И.А.Кривошеин, Г.Н.Товстолес, Ю.Ф.Волошинов» (Соловьев О.Ф. Русские масоны. М., 2006. С.449).

арестованного. Затем мне объявили, что прокурор санкционировал мой арест, и я был арестован <...>¹².

На родине его ждали, но отнюдь не с распростертыми объятиями. Как один из участников «Евразийского движения», Григорий Товстолес был хорошо известен советским органам безопасности. Из истории мы знаем, что Советская власть своих «классовых» врагов никогда не прощала.

После присоединения летом 1940 года Латвии к СССР советскими органами безопасности были арестованы некоторые участники Рижской (Латвийской) группы «Евразийского движения». В следственном деле Товстолеса подшиты копии протоколов участников Рижской (Латвийской) евразийской группы – Ивана Власова¹³ и Андрея Рудина¹⁴. Например, на допросе в Риге 13 декабря 1940 г. К.А.Рудин показал:

«<...> Товстолес прожил в Риге довольно долго, здесь болел воспалением легких, кажется, выезжал за границу, а затем окончательно уехал, вероятно, в 1928 или в 1929 году. Здесь им была организована группа сторонников этого течения, которая, однако, себя ничем не проявляла вовне¹⁵. Слышал позже от своего приятеля Туринцова, уже в 1937 году в Париже, что эта группа в период пребывания Товстолеса в городе Риге работала на деньги, полученные членом этой группы Малевским-Малевицем от какого-то англичанина¹⁶. С деятельностью "евра-

¹² ЦА ФСБ России. П-2730. Л.60–81.

¹³ Власов Иван Михайлович (1894–?) – русский общественный деятель. Уроженец Риги. Образование незаконченное высшее. Банковский служащий. В конце 1920 – начале 1930-х годов руководитель Рижской группы евразийцев.

¹⁴ Рудин Андрей Карлович (1897–1941) – русский общественный деятель. Уроженец Таллина. В 1920-х годах начальник канцелярии информационного бюро «Русского политического комитета» в Варшаве (руководитель бюро – В.В.Савинков). В конце 1920 – начале 1930-х годов член Рижской группы евразийцев. В 1940 году арестован советскими органами безопасности по обвинению в шпионаже.

¹⁵ 16 апреля 1928 г. Товстолес сообщал в письме Савицкому о том, что местные условия не пригодны для формирования крупных организаций, по типу пражской или парижской, поскольку русские в Латвии не ощущают себя эмигрантами и «потенциальные сочувствующие, работая среди местного русского меньшинства, полагают (и правильно), что работают для России» (Панченко М.Ю. Указ. соч. С.173).

¹⁶ Здесь и далее речь идет о Г.Сполдинге. Сполдинг Генри Норман (Henry Normann Spalding; 1877–1953) – английский финансист. С 1924 по 1932 год (с перерывами) он финансировал «Евразийское движение» (См.: Панченко М.Ю. Указ. соч. С.51–52).

зийцев" надо связать и приезд профессоров Н.Н.Алексеева¹⁷ и Савицкого¹⁸ в Ригу, где ими было прочитано несколько лекций¹⁹. Проявили ли они себя здесь в политической или организационной деятельности, не знаю. Приглашение профессоров Н.Алексеева и позже П.Савицкого состоялось по их письменным предложениям, сделанным по инициативе Г.Н.Товстолееса²⁰.

В ходе допроса Рудина 11 мая 1941 г. последний дополнил свой рассказ о Товстолеесе.

«<...> *Вопрос:* Вам известно, кто еще занимался переброской иностранных агентов на территорию СССР из Латвии?

Ответ: Точно утверждать не могу, но со слов Товстолееса мне известно, что некий Арапов²¹, которого я лично не знаю и никогда не

¹⁷ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – русский общественный деятель, юрист. В эмиграции с 1920 года, профессор права в Праге (1922–1924), Берлине (1924–1931), Страсбурге (1931–1940), Белграде (1940–1943), участник «Евразийского движения». Один из редакторов изданий: «Евразийский сборник», «Право Советской России». В годы Второй мировой войны участник французского Сопротивления, с 1948 года жил и преподавал в Женеве (См.: Бутаков Я.А. Алексеев Николай Николаевич // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009. С.173–177).

¹⁸ О судьбе П.Н.Савицкого см. подробнее: Макаров В.Г., Матвеева А.М. *Геософия П.Н.Савицкого: между идеологией и наукой // Вопросы философии*. 2007. №2. С.123–135; Их же. *Савицкий Петр Николаевич // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. С.505–508.

¹⁹ «Должность резидента в Риге по совету П.П.Сувчинского П.С.Арапов предложил занять... Г.Н.Товстолеесу... Полномочия латвийского резидента по причине его масонских связей и особенностей характера были утверждены летом 1927 г. временно – на период 3-х месяцев. Г.Н.Товстолеес прибыл в Ригу, вероятно, осенью того же года. Тогда же Латвию посетил Н.Н.Алексеев, прочитавший курс лекций по евразийской идеологии. Уровень организации поездки лектора, а также усилия резидента по решению иных практических вопросов были оценены удовлетворительно, срок полномочий был продлен. В соответствии с евразийской сметой, за 12 месяцев 1928 г. Г.Н.Товстолеес, как представитель в Риге, должен был получить 120 фунтов стерлингов» (Панченко М.Ю. Указ. соч. С.128).

²⁰ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.145–147.

²¹ Арапов Петр Семенович (1897 – не ранее 1937) – русский общественный деятель. Племянник генерала П.Н.Врангеля. В эмиграции с 1920 года. Вступил в «Евразийское движение» в 1922 году, возглавлял филиал организации в Берлине и организационный отдел «Евразийского совета» (по мнению некоторых историков, уже тогда был завербо-

встречал, который был проездом в Риге во время пребывания там Товстолеса, направлялся в СССР как агент "евразийцев". Каким путем и через кого проистекала эта переброска, мне неизвестно. Это относится к периоду 1927–1928 года»²².

Весной 1945 г., вскоре после освобождения Праги частями Красной Армии, органами контрразведки «Смерш» были задержаны некоторые участники антисоветских организаций и движений русской эмиграции, в том числе и участники Пражской евразийской группы. Например, 1 июня 1945 г. задержан один из лидеров Пражской евразийской группы – князь Константин Александрович Чхеидзе²³.

На допросе 25 июля 1945 г. Чхеидзе рассказал следователям, в частности, об участии Г.Н.Товстолеса в «Евразийском движении»:

«<...> *Вопрос:* Назовите всех, известных вам членов белогвардейской организации "Евразийское движение".

Ответ: <...> Товстолес Григорий Николаевич, 1894 года рождения, уроженец Черниговской губернии, сын помещика, эмигрант, за границу бежал вместе с отцом в 1918 году. Проживая в Париже, являлся членом Парижского отдела "Евразийского движения". По заданию организации занимался распространением среди белоэмигрантов антисоветской литературы и, в частности, газеты "Евразия" и журнала "Евразийская хроника". Приметы: высокого роста, худой, лицо продолговатое, волосы черные, с проседью, широкоплечий, глаза карие. В движениях медлителен, ходит сгорбившись»²⁴.

Позже показания Чхеидзе будут использованы в ходе судебного заседания по делу. Защищаясь, Товстолес ответил:

«Чхеидзе показывает в отношении "Евразийского движения", находившегося в Праге, где он работал. Там это движение было более сильным, чем в Париже. Работая в Париже и Риге, я не слышал, чтобы "Евразийское движение" ставило своей целью свержение Советского пра-

ван ГПУ). При расколе евразийства поддерживал его просоветское крыло, сформировавшееся вокруг газеты «Евразия». После похищения генерала А.П.Кутепова агентами секретных служб в 1930 году вернулся в СССР. Погиб на Соловках (?).

²² ЦА ФСБ России. П-2730. Л.152–155.

²³ О судьбе К.А.Чхеидзе см.: Макаров В.Г., Репников А.В. Хранитель «Федоровского очага». Князь Чхеидзе глазами чекистов // Родина. 2008. №11. С.91–96; Их же. Как возникло евразийство // Россия XXI. 2008. №5. С.98–125; Макаров В.Г. Чхеидзе Константин Александрович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. С.613–615.

²⁴ ЦА ФСБ России. Р-41722. Л.83–98.

вительства, никто мне об этом не говорил. В каких странах существовали организации "Евразийского движения", мне неизвестно. Я только знал, что они существуют в Париже, Праге (Чехословакия) и Риге. Суду я говорю правду, мне нечего от суда скрывать, поскольку я уже преклонных лет и чувствую себя плохо. Я говорю то, что было в действительности.

Работал я в разных учреждениях и организациях, ввиду того, что не хотел опуститься, туда устраиваться мне помогали мои знакомые. Обвинение в том, что я способствовал забрасыванию в СССР антисоветской литературы и агентов, я категорически отрицаю, поскольку этого не было. Состоял в этих организациях потому, что у меня тогда были еще шовинистические настроения, я хотел видеть великую Россию, такую, при которой я жил, так как другой России я не представлял себе. Когда я ушел из "Евразийского движения", я начал читать советские газеты, журналы, читал "Краткий курс" истории ВКП (б), "Вопросы Ленинизма", "Марксизм и эмпириокритицизм" и др. После этого я понял, что новое поколение вышло на историческую арену и это поколение действительно построить сможет великую Россию. Мои симпатии с того времени окончательно стали на стороне Советского Союза, и я хотел возвратиться в СССР.

Враждебных чувств у меня к СССР никогда не было, раньше я просто заблуждался. В период советской оккупации Парижа немцами я работал в типографии, был хорошо знаком с сестрой советского генерала Игнатьева²⁵, с участием которой мы организовали помощь арестованным, за что подвергались преследованиям. Одна монахиня из нашей группы была немцами за это арестована и по слухам погибла в газовой камере, куда ее посадили немцы вместе с другими арестованными. Антисоветской агитацией и пропагандой я никогда не занимался <...>²⁶.

* * *

В архивном следственном деле в отношении Г.Н.Товстолеца сохранилось четыре протокола допроса: 30 апреля, 10 мая, 14–15 июня и 1 сентября 1951 года.

²⁵ Речь идет о сестре советского военного деятеля А.А.Игнатьева. Игнатьев Алексей Алексеевич (2/14.3.1877–20.11.1954) – советский военный деятель, дипломат, автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю» (М., 1955. Т.1, 2).

²⁶ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.203–221.

На допросе 14–15 июня 1951 г. Товстолес дал о себе подробные биографические показания от рождения до эвакуации в составе армии П.Н.Врангеля в Константинополь:

«Вопрос: Где Вы проживали и чем занимались до Октябрьской социалистической революции?

Ответ: Родился я в селе Плиски Борзенского уезда бывшей Черниговской губернии в семье помещика. Отец мой, Товстолес Николай Ильич, в то время имел 340 десятин земли. Мать моя, Товстолес-Милорадович Зинаида Ильинична, помогала отцу управлять имением. В 1897 году мой отец умер. После смерти отца имением стала управлять мать. В связи со смертью отца мать отдала меня в Киевский кадетский корпус, в котором я пробыл примерно четыре года, а затем по болезни был отчислен. Из кадетского корпуса я возвратился к матери в имение, где на дому продолжил свое образование.

В 1903 году, после подготовки на дому, при одесской гимназии я сдал экзамены на аттестат зрелости. После сдачи экзаменов и получения аттестата зрелости я до 1910 года проживал вместе с матерью в селе Плиски, а затем выезжал на лечение в Швейцарию в город Вайсенбург. В Швейцарии я находился примерно около года, а затем возвратился в село к матери. До 1911 года я нигде не работал.

В 1911 году поступил на службу, на должность исполняющего обязанности земского начальника в селе Плиски. В 1913 году я был избран председателем Земской управы города Борзня бывшей Черниговской губернии. В качестве председателя Земской управы я проработал до февраля 1917 года. В феврале 1917 года я добровольно поступил на службу в царскую армию и был зачислен в 82-ю артиллерийскую бригаду в качестве рядового. На службе в этой бригаде я пробыл до 25 декабря 1917 года, а затем уволен из армии по болезни. Таким образом, в момент Октябрьской социалистической революции я находился на службе в бывшей царской армии.

Вопрос: Чем Вы занимались и где проживали после Октябрьской революции?

Ответ: Как я уже показал выше, что в момент Октябрьской революции я находился на службе в бывшей царской армии, из которой 25 декабря 1917 года был уволен по болезни. После увольнения из армии я до лета 1918 года проживал по месту моего рождения. С приходом на Украину к власти гетмана Скоропадского²⁷ я летом 1918 года был на-

²⁷ *Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – украинский военный и политический*

значен начальником канцелярии губернского старосты города Чернигова. В декабре 1918 года или в январе 1919 года, в связи с приходом в Чернигов петлюровских войск, я из Чернигова выехал в Полтаву к своей тетке – Петровской Софье Ильиничне.

В городе Полтаве я пробыл до середины лета 1919 года, а затем с приходом Деникинской армии я добровольно вступил в таковую. Под городом Полтава в районе села Решетилровка в составе Деникинской армии я принимал участие в боях против Красной Армии. В этом бою я был ранен и направлен на излечение в город Полтаву. На излечении в госпитале я находился около трех месяцев. После выхода из госпиталя по состоянию здоровья я был направлен на работу в продовольственный отдел Деникинской армии в город Полтаву. При наступлении Красной Армии на Полтаву, я вместе с продотделом ушел в тыл Деникинской армии в город Новороссийск. В городе Новороссийске я продолжал работать в том же продовольственном отделе Деникинской армии. В конце 1919 года в связи с отступлением Деникинской армии я выехал в Турцию. <...>²⁸.

* * *

В показаниях Товстолеса, данных в ходе допросов, фигурируют фрагменты, рассказывающие о «Евразийском движении», евразийской печати, иллюстрирующие отношение части русской эмиграции к левым евразийцам (Парижская группа «Евразийского движения»), и многое другое. Из протокола допроса Г.Н.Товстолеса от 10 мая 1951 года:

«<...> *Вопрос:* Какие Вам известны другие издававшиеся в прошлом и издаваемые в настоящем русскими эмигрантами, находящимися в Париже, газеты и журналы, кто является их издателем и каково их политическое направление?

Ответ: Во Франции, в частности в Париже, издавалась газета "Евразия", издателем ее был русский эмигрант Сувчинский Петр Петрович²⁹,

деятель; генерал-лейтенант. С апреля по декабрь 1918 г. гетман Украинской державы.

²⁸ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.60–81.

²⁹ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) – русский философ, музыковед, пианист, публицист и культуролог. С 1920 года в эмиграции в Берлине. Один из лидеров пражского «Союза Евразийцев» и парижского «Союза Возвращения на родину». С 1925 года жил в Париже. Активный участник «Евразийского движения», возглавлял Парижский филиал организации. С 1922 по 1928 год руководитель издательства «Евразия». Один из созда-

с последним я был знаком лично, встречались с ним во время слушания лекций и докладов. Его последний раз я встречал лет девять тому назад. Он советское гражданство не принял. Газета "Евразия" являлась печатным органом "Евразийского движения", которое возникло по инициативе русских эмигрантов, находящихся в гор. Париже. "Евразийское движение", членом которого являлся и я, ставило перед собой цель: Россию сделать материком между Европой и Азией. "Евразийское движение" просуществовало до 1931 года, а затем распалось по случаю разногласия между ее членами.

Следует отметить, что очень враждебно относились русские эмигранты, находящиеся в гор. Париже и не состоявшие членами "Евразийского движения", к членам этого движения. Эти эмигранты свою враждебность печатали в антисоветской газете "Дни"³⁰.

"Евразийское движение" признавало правильность Октябрьской социалистической революции в России, как законного и естественного направления России по пути своего развития. Кроме того, "Евразийское движение" издавало журнал "Версты"³¹. Политическое направление этого журнала было такое же, как и газеты "Евразия".

<...> *Вопрос:* Каким путем распространялась газета "Евразия" среди русских эмигрантов в гор. Париже?

Ответ: Газета "Евразия" среди русских эмигрантов распространялась в основном через киоски, а также и через других лиц, являющихся сотрудниками таких киосков, – "крикунов".

Вопрос: Вам лично приходилось распространять газету "Евразия" и другие газеты среди эмигрантов в Париже?

Ответ: Мне лично заниматься распространением газеты "Евразия" или каких-либо других газет среди русских эмигрантов в гор. Париже

телей и редакторов, созданного в Париже в 1926 году журнала «Версты» (См.: Бочарова З.С. Сувчинский Петр Петрович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. С.536–540).

³⁰ «Дни» – газета, выходившая в Берлине с 29 октября 1922 по 28 июня 1925 (№1–801), затем в Париже с 16 сентября 1925 по 30 июня 1928 (№802–1465) (Петрова Т.Г. «Дни» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. М., 2000. Т.2. Периодика и литературные центры. С.118).

³¹ «Версты» (Париж, июнь 1926 – 1928 г., №1–3) – журнал под редакцией Д.П.Святополка-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона «при ближайшем участии А.Ремизова, М.Цветаевой и Л.Шестова» (Агеносов В.В. «Версты» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.52).

никогда не приходилось и такого рода поручения я ни от кого не получал»³².

На заключительном допросе 14–15 июня Товстолес дополнил рассказ о своем участии в «Евразийском движении» и Латвийской евразийской группе:

«Вопрос: Какие политические и военные организации были созданы белоэмигрантами за границей?

Ответ: В период моего проживания в Турции и Болгарии мне не было известно о наличии каких-либо политических организаций среди белоэмигрантов. На территории Франции русскими белоэмигрантами для организованной борьбы против Советского Союза были <созданы> различные военные и политические организации со своими руководящими центрами и печатными органами. В частности, мне известно, что русскими белоэмигрантами были созданы организации под названием "Галлиполийцы"³³ и "Горчакова". Эти организации объединяли, главным образом, бывших офицеров царской и белой армии и в своей практической деятельности проводили работу против Советского Союза. Кроме того, мне известно, что русскими белоэмигрантами еще были созданы и такие организации, как "Евразийское движение" и масонская ложа "Северное Сияние". Указанные организации объединяли белоэмигрантов в зависимости от их политических убеждений.

Вопрос: В какой из перечисленных Вами организаций Вы состояли?

Ответ: Я состоял в белоэмигрантских организациях "Евразийское движение" и масонская ложа "Северное Сияние".

Вопрос: Расскажите все, что Вам известно об организациях, членом которых Вы состояли?

Ответ: О белоэмигрантской организации "Евразийское движение" мне известно, что она создана за границей русскими белоэмигрантами в 1924 году во Франции. Инициаторами создания были белоэмигранты Савицкий и Сувчинский. Просуществовала она примерно до 1931 года, а затем распалась по случаю разногласий между членами организации.

³² ЦА ФСБ России. П-2730. Л. 46–54.

³³ Так в документе. Речь идет о ветеранской организации членов Добровольческой армии «Галлиполийское землячество» (Галлиполийский союз) в Чехословацкой республике. Основано в декабре 1921 года. В 1924 году вошло в Русский общевоинский союз. В 1934 году формально распущено, обновлено с названием Галлиполийский союз, просуществовавший до мая 1945 г.

Насколько я помню, "Евразийское движение" ставило перед собой задачу: сделать культуру России независимой от Запада и Азии и как бы создать Россию материком между Европой и Азией. Каким путем это должно было осуществляться [я не знаю], поэтому дать утвердительные показания по данному вопросу затрудняюсь. Для пропаганды своих идей "Евразийское движение" имело свои печатные органы, в частности газету "Евразиец" и журналы "Версты" и "Евразийская Хроника". В этих печатных органах пропагандировались идеи названной организации в направлении задач, поставленных перед "Евразийским движением".

Названные газета и журналы распространялись среди эмигрантов, находящихся в странах Западной Европы, Прибалтийских государствах. Засылалась названная литература и в Советский Союз. Кроме того, представителями "Евразийского движения" читались лекции об идеологии евразийства не только среди белоэмигрантов, но и среди русского населения, проживающего не в Советском Союзе <...>.

Вопрос: Расскажите о своей деятельности как члена организации "Евразийское движение".

Ответ: В белоэмигрантскую организацию "Евразийское движение" я вступил в конце 1924 года по прибытии в город Париж и состоял в ней до конца ее существования, примерно до 1931 года. По заданию названной организации на территории Франции я занимался распространением евразийской литературы среди белоэмигрантов, которые по своим политическим убеждениям примыкали к "евразийству" или являлись сочувствовавшими данной организации.

Примерно в 1926 году, а затем в 1928 году по заданию организации "Евразийское движение" я выезжал в Латвию для создания на территории Латвии среди русского населения Отдела организации "Евразийское движение". Кроме того, я должен был подготовить приезд в Латвию лекторов из Парижа для чтения лекций об идеологии "евразийства".

Вопрос: Вы создали такой отдел в Латвии?

Ответ: Да. Лично мною в Латвии, в частности в городе Риге, действительно был создан отдел, в виде филиала белогвардейской организации "Евразийское движение". В созданный мною отдел названной выше организации вошло много лиц из числа русского населения города Риги, но назвать их фамилии за давностью времени я сейчас затрудняюсь.

Вопрос: Сколько всего времени Вы пробыли в Латвии?

Ответ: В общей сложности за два моих приезда в Латвию я пробыл там около полутора лет.

Вопрос: Почему Вы об этом скрывали на предыдущих допросах?

Ответ: На предыдущих допросах я действительно скрыл о своих поездках в Латвию и работе, которую я там проводил по заданию "евразийцев". Я не говорил об этом потому, что у меня не спрашивали на допросах, а лично я сам пытался этим самым умолчать о своей практической деятельности как члена белогвардейской организации "Евразийское движение".

Вопрос: Еще какую работу Вы проводили в Латвии, кроме указанной Вами?

Ответ: Кроме указанной мною выше моей деятельности в Латвии, я еще знакомил некоторых лиц, из числа русских, в частности Рудина, Власова и других, с "евразийской" литературой и проводил с ними беседы об идеологии "евразийства". Другой деятельностью я не занимался.

Вопрос: Вы не полностью рассказали о целях ваших приездов в Латвию и дали неправдивые показания о своей деятельности в Латвии. Дайте правдивые показания по данному вопросу.

Ответ: О целях моих приездов в Латвию и своей практической деятельности на территории Латвии я даю правдивые показания и дополнить их ничем не имею возможности.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Вы в Латвию выезжали для связи с латвийской разведкой. С какой целью Вы должны были связаться с латвийской буржуазной разведкой?

Ответ: Связываться с латвийской буржуазной разведкой я задания от "евразийцев" не получал и таковой связи не заводил.

Вопрос: Перечислите все печатные издания, которые издавались "Евразийским движением".

Ответ: Выше я показал, что белоэмигрантская организация "Евразийское движение", членом которой я состоял, для пропаганды своих идей среди белоэмигрантов имела свою газету "Евразиец" и журналы "Версты" и "Евразийская хроника". Издавалась названная мною газета, а также и журналы в городе Париже на русском языке в различных типографиях.

Вопрос: Каким порядком распространялась названная Вами литература среди белоэмигрантов и доставлялась в Советский Союз?

Ответ: Среди белоэмигрантов газета "Евразиец" и журналы "Версты" и "Евразийская хроника" распространялись путем продажи в киосках и частным порядком. Рассылалась эта печать и в другие страны, в

том числе и в Советский Союз. Каким организациям и кому в Советский Союз высылалась указанная газета и журналы, я не знал и не знаю.

Вопрос: Какое было Ваше личное участие в издании, распространении и засылке в Советский Союз "евразийской" литературы?

Ответ: В издании "евразийской" литературы, а также в ее засылке в Советский Союз лично я никакого участия не принимал. В отношении распространения указанной литературы среди белоэмигрантов мое личное участие заключалось в том, что я названную литературу, в частности газету "Евразиец", журналы "Версты" и "Евразийская хроника", распространял среди только тех белоэмигрантов, которые по своим убеждениям примыкали к "евразийству" или являлись сочувствующими лицами "Евразийскому движению".

Вопрос: Кем финансировалась белоэмигрантская организация "Евразийское движение"?

Ответ: Кто финансировал белоэмигрантскую организацию "Евразийское движение", я совершенно не знал и не знаю.

Вопрос: С каким из иностранных государств "Евразийское движение" было связано в своей практической работе?

Ответ: С какими иностранными государствами "Евразийское движение" было связано по своей практической деятельности, я не знал и не знаю, ибо я был рядовым членом этой организации, а с кем и какими государствами имели связь руководители "Евразийского движения", мне не было известно»³⁴.

16 ноября 1951 года во время закрытого судебного заседания Военного трибунала войсковой части 48420 в Потсдаме Товстолес дополнил свой рассказ о своем участии в парижской группе «Евразийского движения»:

«...Летом 1918 г. или 1919 г., точно не помню, в Полтаву вошли войска Деникина, и я поступил туда служить рядовым в 3-ю бригаду. Прослужил там я всего полторы недели, около деревни Решетилровка в бою был тяжело ранен, после чего пролежал три месяца в госпитале и после выздоровления по болезни из Деникинской армии был уволен. Затем я работал при продовольственном отделе Деникинской армии чиновником особых поручений. Вскоре из г. Полтава мы эвакуировались в г. Новороссийск, откуда я был командирован в г. Одессу с пакетом для начальника одесского продотделения Деникинской армии. Из г. Одесса

³⁴ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.60–81.

мы эвакуировались в Константинополь (Турция), где находились до конца 1919 г., а затем с армией Врангеля вступили в Крым.

В это время я исполнял обязанности чиновника особых поручений при главном уполномоченном "Красного Креста" Кочубее³⁵ – бывшем члене Государственной Думы. Там я находился до бегства из Крыма армии Врангеля. В период эвакуации из Крыма меня вызвал помощник Кочубея и предложил отвезти пакет бывшему генералу Ставицкому³⁶ – уполномоченному "Красного Креста" в г. Феодосия.

Я туда поехал и по прибытии передал пакет Ставицкому, после чего немедленно эвакуировался опять в Константинополь. В Константинополе "Земский Союз" организовал для оказания временной помощи, бежавшим из России эмигрантам, общежитие, и я был назначен заведующим этого общежития, проработав до 1923 г. Ни в каких партиях и политических организациях я не состоял. Ставицкого я больше не видел.

В 1923 г. я выехал в Болгарию, где у меня были знакомые, с помощью которых я хотел там найти для себя подходящую работу. В Болгарии я хорошей работы найти не мог и ввиду плохого материального положения поступил работать по уборке помещения, разноске почты и др. в Греко-болгарскую подкомиссию по репатриации греческих болгар.

³⁵ Кочубей Василий Васильевич (1883–1960) – граф, депутат 4-й Государственной думы. Входил в «Союз 17 октября». После Февральской революции комиссар Временного комитета Государственной думы. После октября 1917 эмигрировал. Жил во Франции. Массон, член Капитула «Астрей», ложи «Астрей» и т.н. Англо-Саксонской ложи (все – в Париже). Скончался во Франции. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

³⁶ Возможно, речь идет об И.П.Ставицком. Ставицкий Иван Павлович (1873–5.2.1966) – русский военный деятель; генерал-лейтенант. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1895) и Николаевскую инженерную академию (1902). Служил в Приамурском военном округе; участник русско-японской войны. В годы Первой мировой войны служил в 11-й армии, затем в 8-й армии генерала Брусилова; участник Брусиловского прорыва (1916). С конца 1918 года в Добровольческой армии, участник гражданской войны. С начала 1920 г. начальник снабжения в армии генерала П.Н.Врангеля, с декабря – представитель Врангеля в Болгарии. В начале 1922 года под нажимом общественности в числе других 50 русских офицеров был выслан коалиционным правительством под руководством А.Стамболийского из Болгарии. В 1925 году переехал во Францию, работал инженером; одновременно читал курс лекций на Высших военно-научных курсах генерала Н.Н.Головина в Париже. Скончался в Кормей-ан-Паризи. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Там я работал до начала 1924 года и выехал во Францию в г. Париж как политический эмигрант.

В то время в Париже организовалось так называемое "Евразийское движение" под руководством Савицкого и Сувчинского. Первый родом из Чернигова, профессор, работал в области экономической географии. Второй занимался литературной деятельностью, где он жил в России, я не знаю. Кроме того, я хорошо знал редактора газеты "Евразиец" Эфрона³⁷ и работника редакции Радзевича³⁸. Кроме того, редакция газеты "Евразиец" издавала журнал "Версты".

В то время существовало два центра организации "Евразийское движение" – в Париже и в Праге³⁹. На какие средства существовала эта организация, мне не было известно и я этим не интересовался. Никаких членских билетов у членов организации не было. Сборы средств на существование этой организации среди нас не производились. Позже,

³⁷ Речь идет о С.Я.Эфроне. Эфрон Сергей Яковлевич (26.9.1893–16.8.1941) – русский публицист, литератор, участник Пражской и Парижской евразийских групп. Из крещеной еврейской семьи. Муж М.И.Цветаевой. Участник Первой мировой и гражданской войны; воевал в Марковском полку. С 1920 года в эмиграции в Турции, затем переехал в Чехословакию, а оттуда во Францию. В 1926–1927 гг. издавал в Париже журнал «Версты». В 1937 году вернулся в СССР, репрессирован.

³⁸ Так в документе, речь идет о К.Б.Радзевиче. Радзевич Константин Болеславович (02.10.1895–1988) – русский журналист и переводчик; эмигрант. Из семьи военного врача. С 1917 года на военной службе; мичман Черноморского флота. Участвовал в гражданской войне в составе Красной Армии. Затем в эмиграции. Окончил в Праге юридический факультет Карлова университета (1922–1924). В Праге был близко знаком с С.Эфроном и М.Цветаевой (герой «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца»). В Кламарской группе занимал пост товарища председателя комитета, в обязанности которого входила организация службы связи и составление отчетов. В январе 1925 г. переехал в Ригу. С 1926 года жил во Франции. Вторым мужем дочери С.Н.Булгакова – М.С.Булгаковой (1898–1979). Под псевдонимом Луи Кордэ принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, один из организаторов «Интернациональных бригад». Во время оккупации Франции нацистами участвовал в движении Сопротивления. После войны занимался рисованием и скульптурой. Летом 1967 г. посетил СССР.

³⁹ Речь идет о Пражской евразийской группе (правые евразийцы). Сформировалась в 1922 году; просуществовала до конца 1930-х годов (по другим данным – до 1935 г.). Активно занималась издательской деятельностью; с 1926 года в ее рамках действовал Евразийский семинар. Лидер Пражской евразийской группы – П.Н.Савицкий.

при ведении следствия по моему делу, я узнал, что эта организация финансировалась якобы англичанами.

Состоя в этой организации, я политической стороной не интересовался, для меня весь вопрос сводился к тому, чтобы возвеличить ту Россию, при которой я жил, другой России в то время я не понимал. "Евразийское движение" для меня было тем путем, посредством которого я мечтал увидеть такую Россию.

Затем я работал на черновой работе – грузчиком, после чего кассиром в буфете и 6–7 месяцев контролером счетчиков "такси". Вскоре по поручению "Красного Креста" я поехал в г. Марсель в качестве уполномоченного "Красного Креста" для ликвидации там отделения "Красного Креста". Эту работу я выполнил, и поскольку другой работы мне не предлагали, то я поступил на сахарный завод в г. Марсель в отделение фильтрации – рабочим. Прослужил я там 3 месяца и выехал в г. Париж, где представитель "Евразийского движения" Сувчинский предложил мне поехать в г. Ригу (Латвия) и организовать там отделение "Евразийского движения" и взять с собой туда необходимую для этого литературу. Я согласился на это, поскольку другой работы у меня тогда не было. Мне предложили организовать там отделение этого движения, подготовить помещение, где бы могли выступать лектора с лекциями для русского населения, обеспечить литературой интересующихся этим движением граждан.

По приезде в г. Ригу я провел несколько бесед с русскими, агитировал население вступать в организацию "Евразийское движение", подготовил помещение для лекторов. Вскоре туда приехали профессор Алексеев и профессор Франк⁴⁰. Первый прочитал лекцию об экономических возможностях России, второй – на религиозные темы. Сам я никогда лекции не делал, а беседы проводил часто. Я был связан с одним архиепископом, которому отвозил брошюру "Евразийское движение", фами-

⁴⁰ Франк Семен Людвигович (1877–1950) – русский философ. В октябре 1905 г. принимал участие в съезде конституционно-демократической партии (кадеты). Один из участников сборника «Вехи» (1909). С осени 1912 г. приват-доцент Петербургского университета. С лета 1917 г. декан историко-философского факультета Саратовского университета. В 1921 году, в начале НЭПа вернулся в Москву; вместе с Н.А.Бердяевым основал и в качестве декана вел «Академию духовной культуры». Осенью 1922 года в административном порядке выслан из РСФСР. В эмиграции жил в Германии (до 1937 г.), затем во Франции (См.: Макаров В.Г. Франк Семен Людвигович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. С. 589–593).

лию его забыл. Через некоторое время я возвратился в Париж, поскольку свою работу в Риге считал законченной. Через 3–4 месяца Сувчинский опять попросил меня от имени организации "Евразийское движение" поехать в г. Ригу, куда нужно было отвезти литературу и поддержать созданное мной отделение этого движения.

Я выехал в Ригу и по приезде всю литературу отдал Рудину, который продавал ее в своем магазине. Там я находился до 1928 г., особого успеха "Евразийское движение" в Риге не имело, оно постепенно распалось, и я выехал в Париж, где встретил Сувчинского и обо всем доложил. С 1929 г. я никакого отношения к "Евразийскому движению" не имел. Следовательно ошибочно записал, что я с этим движением был связан до 1931 г.»⁴¹.

1 сентября 1951 г., уже после предъявления обвинения по делу, Товстолеса вновь неожиданно вызвали к следователю. Как видно из протокола допроса, сотрудников МГБ интересовали подробности антисоветской деятельности участников «Евразийского движения»:

«Вопрос: Установлено, что Вы состояли в белогвардейской организации "Евразийской движение". Для какой цели белогвардейской эмиграцией была создана названная организация?

Ответ: За период моего пребывания в белогвардейской организации "Евразийское движение" мне было известно, что она создана для того, чтобы проводить работу среди лиц русской национальности, находящихся за границей, в направлении создания на территории Советской России "материка" со своей собственной, независимой от Запада и Азии, культурой. Другие цели, которые ставились бы или стояли перед названной организацией, мне неизвестны.

<...> Вопрос: Каким путем должна была создаваться самостоятельная культура на территории СССР?

Ответ: За период моего нахождения в белогвардейской организации "Евразийской движение" мне не было известно, каким путем должен был создаваться на территории СССР "материк" с самостоятельной русской, независимой от Запада Европы и Азии культурой. Кроме того, должен сказать, что я не помню того, чтобы где-либо в названной организации говорилось о путях осуществления задач и целей, стоящих перед "Евразийским движением".

<...> Вопрос: Вы перебросили в Советский Союз Арапова Петра Семеновича. Когда и где вы его перебросили в СССР?

⁴¹ ЦА ФСБ России. П-2730. Л.203–221.

Ответ: Арапова Петра Семеновича я знаю как члена белогвардейской организации "Евразийское движение". Встречал его в Париже. Однако в Советский Союз я Арапова никогда не перебрасывал и мне неизвестно, чтобы он перебрасывался в Советский Союз»⁴².

* * *

Следствие по делу длилось недолго. В ходе третьего предпоследнего допроса, 14 июня 1951 г. Григорию Николаевичу под расписку было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-4 и 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР. 15 июня Товстолес подписал обвинительное заключение. В документе говорилось:

«<...> рассмотрев материалы следственного дела на Товстолес Григория Николаевича, и принимая во внимание, что он достаточно изобличается в том, что он в 1919 году добровольно вступил в Деникинскую армию, в составе которой принимал участие в вооруженной борьбе против Советской власти <...> После разгрома Деникинской армии бежал сначала в Турцию, а затем в Болгарию и Францию. Находясь во Франции до 1951 года, принимал активное участие в контрреволюционных белоэмигрантских организациях, по заданию которых распространял среди белоэмигрантов антисоветскую литературу, газеты и журналы, а также работал в редакциях контрреволюционных газет»⁴³.

Военным трибуналом войсковой части 48240 от 16 ноября 1951 г. Г.Н.Товстолес был приговорен к 10 годам содержания в исправительно-трудовых лагерях. 6 февраля 1952 г. Товстолес был «...этапирован для дальнейшего отбытия наказания в тюрьму №1 УМВД город Брест»⁴⁴.

В воспоминаниях Н.А.Кривошеиной⁴⁵ небольшой фрагмент посвящен обстоятельствам выдворения из Франции, аресту советскими орга-

⁴² Там же. Л.114–119.

⁴³ Там же. Л.82.

⁴⁴ Там же. Л.235.

⁴⁵ Кривошеина Нина Алексеевна (урожд. Мещерская; 1895–1981) – писатель, автор мемуаров. Уроженка Санкт-Петербурга. Из семьи крупного банкира и предпринимателя, владельца Сорновского и Коломенского заводов А.П.Мещерского. После революции ушла в Финляндию по льду Финского залива. Супруга И.А.Кривошеина. Активный член партии «младороссов». В 1948 году возвращается в СССР, переживает арест мужа и сына. В 1975 году снова эмигрирует в Париж, где пишет свои воспоминания «Четыре трети нашей жизни», одну из интереснейших книг о русской эмиграции, послужившую основой

нами безопасности и дальнейшей судьбе Г.Н.Товстолеся: «...наш ближайший друг по парижской жизни, Григорий Николаевич Товстолес, вернулся на родину "на двадцать пять лет". Я знала, что Товстолес в 1951-м году был во Франции арестован и выслан, попал в советский сектор Берлина, через два дня очутился в тюрьме Моабит, где и был военным трибуналом приговорен на двадцать пять лет как бывший участник "Евразийского Объединения" и вывезен в скотском вагоне куда-то в дальние лагеря.

Конечно, тогда я и предположить не могла, что через несколько лет, в 1956 г., милый Гриша Товстолес прямо из Тайшета явится к нам в Москву, где и мы только-только зацепились жить по "временной прописке"⁴⁶.

Из рассказа Кривошеиной следует, что в 1956 году Товстолес был освобожден из заключения. К сожалению, сведений о последнем годе его жизни авторам обнаружить не удалось. По заключению Генеральной прокуратуры РФ от 29 мая 1998 года, «в соответствии со ст.5 Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. антисоветская агитация и пропаганда признана не содержащей общественной опасности и лица, осужденные за указанные деяния, подлежат реабилитации независимо от фактической обоснованности обвинения. Анализ материалов уголовного дела показал, что обвинение Товстолеся по ст.58-4 УК РСФСР также является необоснованным, т.к. в деле нет фактических данных об оказании последним каким бы то ни было способом помощи международной буржуазии в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности. На Товстолеся Григория Николаевича распространяется действие п.3 ст.5 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. Дело пересмотрено без заявлений в порядке исполнения закона».

для фильма «Восток–Запад». Публиковалась в журналах «Вестник РСХД» и «Звезда». Скончалась в 1981 году в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

⁴⁶ Кривошеина Н.А. *Четыре трети нашей жизни*. М., 1999. С.252.

Наше настоящее содержит в себе то, что обещало наше прошлое, мы сохраняем то, что нам завещали другие.

Исследование питается фактами, которые поначалу кажутся ему чуждыми, и постепенно достигает новых горизонтов, перетолковывая свои первые результаты с помощью вновь полученных выводов.

Одновременно с этим все большее число фактов вовлекается в орбиту строгого научного познания. Именно в этих приметах мы распознаем шествие нашего интеллекта.

Морис Мерло-Понти





Елена Каменецкая

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

ВАРЯГИ И СЛАВЯНЕ: ВЕЧНЫЙ СПОР

УДК
93/94

The article is a response to L.S.Klein's book "The Varangian dispute. The history of confrontation and arguments of the parties" published in 2009 in Saint-Petersburg by 'Eurasia' publishing house. "The Norsemen problem" or "The Vrangian issue" is the topic connected with the origins of the Russian statehood and the role Norsemen played in the process. Relevancy of the topic is obvious in the early 21st century too. Research made by L.S.Klein is considered to be an important contribution to history of the Ancient Rus studies.

Ключевые слова: варяги, норманнская теория, археология, историография.

Key words: The Varangians; Norsemen theory; archeology; a historiography.

E-mail: El-kamenetskaya@yandex.ru

Книга петербургского археолога профессора Льва Самуиловича Клейна¹ – яркое и нестандартное явление в исторической литературе. Уже в самом названии отражена проблема, вокруг которой кипят страсти в научных и околонаучных кругах уже более двухсот пятидесяти лет. Начало этому спору положило изучение древнейшей русской летописи работавшими в России в XVIII веке учеными немецкого происхождения: Байером, Миллером и Шлёцером. Опираясь на летописный сюжет, приведенный под 862 годом и повествующий о призвании на Русь варягов, родоначальников первой русской княжеской династии Рюриковичей, эти авторы сформулировали тезис об особой роли норманнов в создании русского государства. Против этой («норманнской») теории выступил М.В.Ломоносов, усмотревший в ней намек на неспособность славян к самостоятельной политической жизни, а в XIX веке полемика по этому вопросу разгорелась вновь. Появились и новые источники. В 1867 году при прокладке железной дороги под Смоленском был обнаружен клад вещей и монет X века, а с 1874 года начались раскопки курганов в Гнёздове под Смоленском. Среди найденного материала были и вещи скандинавского происхождения, что стало основанием для новых изысканий и новых споров, которые с разной интенсивностью ведутся и по сей день. Тем более что аналогичные вещи и погребения дали и другие археологические памятники периода образования Древнерусского государства на территории Восточной Европы.

Необходимость обобщить и издать материал, подготовленный Л.С.Клейном еще в 1960 году, вызвана тем, как пишет автор, что в начале XXI века были опубликованы труды члена-корреспондента РАН А.Н.Сахарова, работы В.В.Фомина и других авторов, заметки отдельных журналистов, которые предлагают пересмотреть вопрос о происхождении варягов в пользу так называемых антинорманистов. Как совершенно справедливо отмечает Л.С.Клейн, XVIII век в истории России был ознаменован сильными западноевропейскими влияниями, связанными с реформами Петра I, присутствием немалого числа немцев при дворе в правление Анны Иоанновны. В XIX веке «норманизм» ассоциировался с антипатриотическими настроениями. Особенности борьбы с реакционной «норманнской теорией» в советский период, наиболее ярко проявившиеся в середине XX в., отражали стереотипы идеологии режима. В XX веке, особенно его второй половине, появилось много

¹ Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.

разноплановых и глубоких работ по этой тематике, которые позволили перевести дискуссию по норманнской проблеме в конструктивное русло. Все это прекрасно показано в книге Л.С.Клейна. Что же заставляет некоторых историков вновь превратить интересную научную тему в арену для околополитических баталий? Вряд ли современной России надо доказывать миру свою суверенность. Изданная Львом Самуиловичем работа заставляет поразмышлять и подумать, насколько плодотворна для науки опора на политические интересы элиты.



Несомненно редакция Варяго-Руссы, Рюриковъ, Свингусъ и Труворъ, съ дружиною, сидятъ на скамьяхъ осужденныхъ и ждутъ приговора. Однихъ изъ насъ следы. После логична и безопаснаго плавания по морю Варяжскому, мы бросаемъ якорь и объявляемъ, что, не открывъ настоящаго происхожденія нашего, гдѣ Рюрикъ, Свингусъ и Труворъ, мы откладываемъ начатое преніе, и просимъ покорѣннѣе насъ и публику, удостоившую насъ своимъ присутствіемъ, пожаловать для выслушанія окончательнаго приговора, въ ту же залу, ровно черезъ 1000 лѣтъ, отъ настоящаго дня.

Диспут между Н.И.Костомаровым и М.П. Погодиным о происхождении Руси.
Карикатура из журнала Из коллекции музея «Истории СПбГУ»

Иллюстрация к I главе книги Л.С.Клейна «Спор о варягах»

Соединение научного и мемуарного подходов в работе Л.С.Клейна позволило не только показать суть «варяжского вопроса», одной из сложных проблем в истории Древней Руси, но и раскрыть характер споров вокруг него, которые велись учеными. Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, представлены в работе не как абстрактные личности, а как живые люди со сложностями характера, особенностями темперамента. Их споры отражены точно, живо, иногда с юмором.

В работе собран разнообразный и обширный материал по так называемой норманнской проблеме. В чем ценность книги? Прежде всего, в освещении всех вопросов с привлечением фактов и аргументов.

Дискуссии по норманнской проблеме отражены с XVIII века, с позиций Г.-З.Байера, Г.-Ф.Миллера, А.-Л.Шлёцера, М.В.Ломоносова.

XIX век представлен работами М.П.Погодина, Н.И.Костомарова и материалами их публичного диспута 1865 года. Не забыты и Д.И.Иловыйский с И.Е.Забелиным.

В XX веке выделяется «археологический этап» и для его освещения привлекаются труды шведов Т.Арне, Х.Арбмана, российских археологов А.В.Арциховского, Д.А.Авдусина и других ученых. Особое внимание уделено дискуссии о современном состоянии «норманнского вопроса», которая прошла 24 декабря 1965 года на историческом факультете Ленинградского университета. Приведены наброски доклада И.П.Шаскольского, дословное выступление Л.С.Клейна, конспективные записи выступлений других участников дискуссии, сделанные И.П.Шаскольским.

III глава – это совместная статья Л.С.Клейна, Г.С.Лебедева, В.А.Назаренко 1970 года, в которой дан обзор археологических материалов, характеризующих скандинавские древности в Восточной Европе, с послесловием 2008 года, она иллюстрирована рисунками вещей из археологических раскопок.

Особенно актуален анализ работ так называемого антинорманистского направления рубежа XX–XXI вв. А.Г.Кузьмина, В.В.Фомина и др., стремящихся возродить средневековые этногенетические теории о балтийско-славянском, но не германо-скандинавском происхождении варягов. Кроме споров вокруг варягов, этот материал может помочь осмыслению всего комплекса проблем древней истории славян. Вопрос о происхождении русского народа и самого его имени стал предметом не только научных дискуссий, но и откровенного шарлатанства. Видимо, чтобы удревнить народ и сделать значительнее его роль во всемирной истории, некоторые писатели выводят его из Египта, отождествляют с этрусками и т.д.

Всем, кто интересуется историей науки в России, будет интересна глава, посвященная биографии Г.-Ф.Миллера, который много сделал для изучения российской истории, исследовал историю Сибири, ее археологию, этнографию.

Некоторые из тех археологов, кто занимался варяжской проблемой, сам раскапывал памятники этого периода, читал труды Л.С.Клейна, писал работы по этой тематике, найдут для себя не слишком много принципиально нового в данном исследовании Клейна. Но и для них есть в книге не публиковавшийся прежде материал. Это статья Клейна «"Призвание варягов" и археологические признаки миграций». Предложенные автором критерии могут быть проверены конкретным археологическим материалом, и, надеюсь, это будет сделано.

В книге имеются фотографии и рисунки, делающие ее еще более интересной. Кроме портрета М.В.Ломоносова – фотографии участников дискуссии 1865 года Н.И.Костомарова, М.П.Погодина, фото И.П.Шаскольского и самого Л.С.Клейна, рисунки из журналов, фотографии аудиторий, где проходили дискуссии и т.д. Есть прекрасные фотографии одного из ярких представителей Славяно-Варяжского семинара Г.С.Лебедева, ему в книге посвящена специальная глава. Но жаль, что нет снимков других активных участников семинара.

Работа снабжена справочным материалом: списки печатных работ участников Славяно-варяжского семинара (секции «Проблемного семинара» Л.С.Клейна) в Ленинградском университете по варяжской тематике, библиография, предметный и именной указатели.

В Приложении печатаются воспоминания самого Л.С.Клейна, участников семинара разных лет: Г.С.Лебедева, Н.Ю.Платоновой, С.В.Белецкого, Ю.М.Лесмана и других. О своих учениках Л.С.Клейн пишет с большой теплотой, отмечая лишь отдельные разочарования, которые он испытал на своем педагогическом пути. Любая мемуарная литература, о чем знает каждый историк, субъективна, хотя и интересна. В этом плане помещенные в издании воспоминания участников семинара хорошо дополняют труд Клейна.

Послесловие подготовлено Е.Н.Носовым. Этот раздел заслуживает особого внимания, так как дает обобщающую характеристику состояния и изучения норманнской проблемы.

Научная составляющая книги Л.С.Клейна очень интересна. Но, естественно, в ней нашли отражение и политические реалии советского времени, которые влияли в большей или меньшей степени на всех. Например, партийно-комсомольская работа Г.С.Лебедева, И.В.Дубова; приемы полемики между московскими и ленинградскими исследователями. Однако, как

показывает практика, времена меняются, а серьезные труды остаются. В связи с этим надо отметить стремление автора быть максимально объективным. Л.С.Клейн признает, что его главный оппонент Д.А.Авдусин – профессионал, ученый и может принимать аргументы, менять позиции при появлении новых данных. Эти новые данные получены при раскопках, в том числе в Гнёздове, самим Д.А.Авдусиным, его учениками и коллегами. Они нашли отражение в статьях Т.А.Пушкиной, В.Я.Петрухина, Ю.Э.Жарнова, Е.А.Мельниковой, Г.Л.Новиковой и др. Как ученица Д.А.Авдусина, работавшая с ним в те годы, должна отметить, что он был возмущен арестом Л.С.Клейна, глубоко и искренне переживал смерть ведущих отечественных археологов из Ленинграда – М.И.Артамонова и И.И.Ляпушкина. Несмотря на отличия в ряде позиций по норманнскому вопросу, он ценил и уважал Г.С.Лебедева, с интересом относился к его стихам, которые Глеб Сергеевич иногда читал во время неформальных встреч на скандинавских конференциях. Пресловутое письмо Д.А.Авдусина с разоблачениями «антисоветской» позиции Лебедева, о котором пишет Клейн, это, без сомнения, всплеск эмоций и использование тех приемов, которым научило советское время.

У Л.С.Клейна и Д.А.Авдусина, которые предстают в книге как непримиримые противники в «споре о варягах», есть одна сближающая их особенность. Оба прекрасные педагоги, которых волнуют научные и человеческие судьбы их студентов. Оба вели семинары по славяно-варяжской проблематике, в которых выросли их последователи.

Традиции сотрудничества с учениками и будущими коллегами сохранили Г.С.Лебедев и Т.А.Пушкина, продолжившие работу семинаров соответственно в Ленинграде/Петербурге и Москве.

Примечательно то, что в книге есть воспоминания не только учеников и коллег Л.С.Клейна, но и статья Т.А.Пушкиной и В.Я.Петрухина «Смоленский археологический семинар кафедры археологии МГУ и норманнская проблема», дополнившая рассказ о спорах вокруг варяжского вопроса, которые велись во второй половине XX века. Это короткий очерк о работе московских исследователей, подготовить который попросил сам Л.С.Клейн, их трудностях на пути изысканий по славяно-варяжской тематике, сотрудничестве с археологами из северной столицы.

Работа Л.С.Клейна отражает длительный процесс исследования норманнской проблемы, которая очередной раз оказалась актуальной в современной историографии. Если оставить в стороне вполне политизированные попытки реанимировать средневековые историографические мифы о

Руси, происходящей из Пруссии², и т.п., безосновательность которых продемонстрирована и в книге Клейна, то представляется, что содержательный спор об исторических судьбах норманнов и Руси будет еще долгим, поскольку продолжаются раскопки памятников, новые подходы появляются в позиции исследователей. Так, ученик Д.А.Авдусина Ю.Жарнов, рано ушедший из жизни, далеко не во всем был согласен со своим учителем, но его работы по погребальному обряду Гнёздова широко привлекаются исследователями этого периода. Ученик Т.А.Пушкиной С.Ю.Каинов пришел к выводу, что возникновение Гнёздова нельзя датировать временем ранее начала X века³, объективно поддержав датировку, на которой настаивал Д.А.Авдусин. Даже упорно отрицавший позднюю датировку Гнёздова В.А.Булкин в совместной с К.В.Вешняковой статье, посвященной изучению материалов гнёздовского поселения из раскопок И.И.Ляпушкина, пишет, что «...пока неясно, когда именно возникла эта часть селища – в конце IX или в первой половине X в.»⁴.

Думаю, что «Спор о варягах» Л.С.Клейна должен напомнить всем исследователям этой проблемы о важности объективности и корректности при поиске научной истины.

Жаль, что небольшой тираж книги Клейна (1 000 экз.) не позволит иметь ее всем, интересующимся вопросом о роли скандинавов в создании Древнерусского государства и его последующем развитии. Ведь она написана одним из активных участников дискуссий по этой проблеме, проходивших во второй половине XX века, – чрезвычайно эрудированным, хорошо знающим как письменные, так и археологические источники; написана эмоционально, ярким языком ученого и педагога.

² Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В. Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография // *Славяноведение*. 2008. №5. 2008. С.77–83.

³ Каинов С.Ю. Еще раз о датировке Гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф.Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника М., 2001 (Труды Государственного Исторического музея. Вып.124)*. С.62.

⁴ Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И.Ляпушкина) // *Археологический сборник. Гнёздово...* С.49.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университет) МИД РФ

Лапин Владимир Викентьевич

Доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Ферретти Мария

доктор исторических наук, профессор, Витербский Университет, Италия

Аксютин Юрий Васильевич

доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета

Мелих Юлия Биляловна

доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ

Макаров Владимир Геннадиевич

кандидат философских наук, доцент, сотрудник Центрального архива ФСБ России

Репников Александр Витальевич

доктор исторических наук, доцент Российской академии театрального искусства, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Каменецкая Елена Викторовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМО)

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Professor of Moscow State Institute
of International Relations (University)

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci., historian, Professor of European University (Saint Petersburg),
the Head of department New history of Saint Petersburg
Institute of History (RAS)

Ferretti Maria

D.Sci., historian, Professor of Viterbo University,
Italia

Aksyutin Yuriy Vasil'evich

D.Sci., historian, Professor of Moscow State Regional
Pedagogical University

Melikh Yulia Bilyalovna

D.Sci. in philosophy, Professor, Chair of philosophy of natural faculties,
Moscow State University

Makarov Vladimir Gennadievich

Ph.D. in philosophy, Senior lecturer, Central Archive of Federal Security
Service (FSB) of Russia

Repnikov Alexander Vital'evich

D. Sci., historian, assistant Professor of Russian Academy
of Theatre Arts, collaborator of the Russian State Archive
for Social and Political History

Kamenetskaya Elena Viktorovna

Ph.D., historian, Senior lecturer, Managing chair of social studies,
Institute of Humanitarian Education
and an Information Technology

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ: Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

в интернет-магазине «Политкнига.ru»

www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»

www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

Альтернативная подписка:

**ООО «Интерпочта» тел. (495)500-00-60,
(495)580-95-80,
(495)795-23-00**

ООО «АльтПресса» тел. (495)974-30-79

**ООО Агентство «Артос–Гал» тел. (495)603-27-33,
(495)603-27-34**

**ООО «Вся пресса» –
справки о вашем региональном агентстве
по тел. (495)906-07-26, (495)906-07-35**

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 681-91-37, (495)681-57-15
e-mail: export@periodicals.ru**

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

2.2010 march-april



Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Putin's Project. Political Genesis _____ **6**



National Doctrine

Vladimir Degoev

On the Modern Problems of Teaching and
Studying of the North Caucasus History _____ **26**



Russia in the World

Vladimir Lapin

The Russian History within the Framework
of History of Technologies.
What it was, what it is and what it will be? ____ **42**



Pages of History

Maria Ferretti

Splitted Memory:
Russia and the World War 2. _____ **68**



Labels and Myths

Yuriy Aksyutin

“The Scrag of the developed
Socialism” _____ 98



Topical Archive

Yulia Melikh

The Old Patriotism «Reoriented
to New Russia»: Eurasian conception
of P.N.Savitski _____ 124

Vladimir Makarov, Alexander Repnikov
People from Footnotes. “ Dear Grisha
Tovstoles”. An Addendum to the
Eurasian Movement’s History __ 160



Readers’ Letters

Elena Kamenetskaya

The Varangian and Slavs:
the Eternal Dispute _____ 184

РОССИЯ XXI